

Карачаево-Черкесский государственный университет
Институт археологии Кавказа

УДК 902(479)(063)+94(470.631+470.64)+39(479)+811.512.142

ББК 63.4ж(235.7):63.3(2Рос.Као):63.5:81.2Кар-Бал

Т 98

Печатается по решению ученого совета Института археологии Кавказа и оргкомитета научной конференции «Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография»

**Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография:
Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Глашева. - М.: Эльбрусид,
2009. - 262 с.**

ISBN 978-5-91075-008-5

В сборник включены доклады молодых ученых Северного Кавказа, представленные на научной конференции «Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография», которая была посвящена памяти выдающегося ученого археолога Х.Х. Биджиева.

ISBN 978-5-91075-008-5

© Издательство «Эльбрусид»

© Институт археологии Кавказа

Карачаево-Черкесский государственный университет
Институт археологии Кавказа

ТЮРКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
история, археология, этнография

Материалы научной конференции

12 апреля 2008 г

Памяти Х.Х. Биджиева

БИДЖИЕВ ХАНАФИЙ ХАДЖИ-МУРАТОВИЧ

1939 – 1999

Ханафий Хаджи-Муратович родился в феврале 1939 года в обычной карачаевской семье. Отец, Хаджи-Мурат Биджиев, в 1941 году был призван в ряды Советской Армии, а в 1943 году героически погиб в сражении под Тулой. Матери Х.Х. Биджиева досталась нелегкая доля вырастить и дать образование пятерым детям. Детство Х.Х. Биджиева, как и всех его ровесников, прошло в Казахстане. Учась в школе, маленький Ханафий вместе со старшим братом Ануаром пасут сельских овец. Окончив 8 классов, мальчик устраивается на работу в колхоз. Показательно, что даже в день отъезда на родину на поезд его подвезла колхозная машина. После возвращения на родину, в 1959 году, Х.Х. Биджиев заканчивает среднюю школу в селе Первомайском Карачаевской автономной области. После окончания школы Х.Х. Биджиев поступает на исторический факультет Саратовского государственного университета, а в 1965 году заканчивает его, получив специальность учителя истории. Еще в студенческие годы Х.Х. Биджиев попадает в археологическую экспедицию Ивана Васильевича Синицина, где у молодого человека и появляется большой интерес к археологии. Возвратившись в родное село, с 15 августа 1965 года молодой специалист работает учителем истории в Первомайской средней школе Малокарачаевского района Ставропольского края.

25 декабря 1968 года Х.Х. Биджиев поступает в аспирантуру ИА АН СССР, где учится по 25 декабря 1971 года. Руководителем аспиранта Биджиева назначен один из ведущих кавказоведов, заместитель директора института д.и.н. Е.И. Крупнов. После его смерти руководство над аспирантом берет известнейший археолог, д.и.н., профессор

С.А. Плетнева. 30 мая 1969 года на заседании ученого совета Института археологии АН СССР утверждена тема диссертационного исследования «Средневековая культура Карачая (археолого-этнографическое исследование)». Благодаря своей усидчивости и исследовательскому таланту уже в 1972 году под руководством профессора С.А. Плетневой защищает кандидатскую диссертацию. Надо отметить, что в такие короткие сроки (3, 5 года) в археологической науке защищаются немногие аспиранты. Важную роль в становлении исследователя Биджиева сыграли, безусловно, и его учителя - ведущие исследователи средневековья СССР, книги которых переиздавались на многих языках мира.

Долгое время Х.Х. Биджиев работал и в Карачаево-Черкесском НИИ истории, филологии и экономики.

Уже в 1974 году, спустя лишь два года после защиты кандидатской степени, молодой ученый начинает свои исследования на одном из крупнейших и уникальнейших средневековых памятников Восточной Европы - Хумаринском городище. Результатом этих исследований стала монументальная книга ученого «Хумаринское городище», вышедшая 1983 году. Книга вызвала большой интерес многих научных учреждений СССР, Болгарии, Венгрии, Израиля. Интерес к работам Ханафия Хаджи-Муратовича в научных кругах не только не пропадает до сих пор, но и все больше возрастает.

С 1989 года Х.Х. Биджиев является сотрудником КЧГПИ. Начав свою преподавательскую карьеру со старшего преподавателя, он становится заведующим кафедрой всеобщей истории.

22 апреля 1994 года в Институте истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН Х.Х. Биджиев защищает докторскую диссертацию по теме «Раннесредневековые поселения Карачаево-Черкесии и Центрального Предкавказья (вопросы истории и культуры тюркоязычных народов)».

Докторская диссертация Ханафия Хаджи-Муратовича «Раннесредневековые поселения Карачаево-Черкесии и Центрального Предкавказья» получила высокую оценку в «Бюллетени Высшего Аттестационного комитета Российской Федерации» (БВАК), в котором отмечается: «В качестве выверенных, корректно сформулированных выводов можно отметить положение Биджиева о полиэтничном характере населения Карачаево-Черкесии и Центрального Предкавказья в раннесредневековый период».

С 1994 года в КЧТИ: профессор кафедры, затем заведующий кафедрой.

Ханафий Хаджи-Муратович является автором более 60 научных публикаций, из которых наибольшую известность получили монографические исследования «Погребальные памятники Карачая 14-18 вв.» (1979), «Хумаринское городище» (Черкесск, 1983), «Тюрки Северного Кавказа» (Черкесск, 1993).

Им написан ряд учебно-методических работ. В его работах, помимо проблем археологии, значительное место занимает тематика этнической истории Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья. Ханафий Хаджи-Муратович был и остается на сегодняшний день крупнейшим исследователем истории и материальной культуры тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Ханафий Хаджи-Муратович Биджиев был постоянным членом оргкомитета Международной археологической конференции по истории Северного Кавказа «Крупновские чтения». Конференция проводится ведущими кавказоведами - друзьями и учениками Е.И. Крупнова и является одним из крупнейших исследовательских семинаров в России.

Все, кто знал Ханафия Хаджи-Муратовича, помнят его жизнерадостным, энергичным, отзывчивым человеком, готовым в любую минуту прийти на помощь. Он был очень принципиальным, честным и требовательным, в первую очередь к себе человеком. Студенты и ученики его помнят и чтят. Ханафия Хаджи-Муратовича помнят и уважают ученые круги Болгарии, Венгрии и многих бывших республик Советского Союза. Ученый оставил глубокий след в исторической науке, который нельзя не заметить. И сейчас многие молодые ученые интересуются тематикой, которую развивал Х.Х. Биджиев в своих исследованиях. Его уже нет среди нас, но его труды, мысли и чувства навсегда останутся с нами.

У.Ю. Кочкаров,
научный сотрудник ИА РАН, к.и.н.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Х.Х. БИДЖИЕВА

1976 г.

- К вопросу об этническом составе населения Карачаево-Черкесии в раннем средневековье // Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала.

1979 г.

- Раскопки Хумаринского городища в 1975 // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. (Совместно с А.В. Гадло).
- Погребальные памятники Карачая XIV – XVIII вв. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Раскопки городища Хумара в 1977 // Вопросы средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск.

1980 г.

- Кобанские вещи из с. Терезе в Карачаево-Черкесии // Советская археология, 1980, № 3. (Совместно с В.И. Козенковой).

1982 г.

- Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.

1983 г.

- Хумаринское городище. Черкесск. Ставропольское книжное издательство.

1984 г.

- Хумаринское городище (VIII – X). // Сборник в память на проф. Станчо Ваклинов. София.
- Северо-Кавказско-сибирские связи. (Каменные изваяния Карачаево-Черкесии). // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.

1985 г.

- Исследование болгарских поселений Степного Предкавказья в 1982-1983 гг. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Тюркские каменные изваяния Северного Кавказа // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку.

1987 г.

- Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.

1989 г.

- Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и Степного Предкавказья в 1985-1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1989.
- Поселения древних болгар Северного Кавказа VIII – X вв. (по материалам Карачаево-Черкесии и Ставропольской возвышенности) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.

1993 г.

- Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск.

1999 г.

- Исследование подбойного могильника у а. Хумара в Карачаево-Черкесии. // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета. Тезисы докладов. Карачаевск. (Совместно с Н.Х. Тоторкуловым).
- Раскопки кургана у аула Кызыл-Тогай в Карачаево-Черкесии. // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета. Тезисы докладов. Карачаевск. (Совместно с Н.Х. Тоторкуловым).

А.А. Глашев
г. Москва

О ГУННАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

I. Этническая история гуннов. Локализация «Царства гуннов»

Вопрос о происхождении европейских гуннов и их связи с азиатскими сюн-ну обсуждается учеными до сих пор. Нет единого мнения и о происхождении этнонима «гунн». К. Иностранцев приводит заслуживающее внимания мнение Вамбери о том, что *унн*, *гунн*, *кун* и *куман* – это один и тот же этноним, но видоизмененный. К. Иностранцев присоединяется к этому мнению и считает, что нужно обратить внимание на это сходство между именами «куман» и «гунн»¹. Однако пролить некоторый свет на этническое прошлое гуннов могут ценнейшие сведения кавказских источников (армянских, грузинских и албанских) о гуннах Северного Кавказа. У античного автора II в. н.э. Клавдия Птолемея хуны упоминаются в качестве народа, живущего на Кавказе². В.В. Латышев считал, что сообщение Птолемея является самым ранним упоминанием о тюрках-гуннах.³ Ф. Альтхайм считает, что хуны Птолемея – это гунны, заключившие союз с готами Витимира, и уже во II в. н.э. гунны обитали в Северном Причерноморье⁴. Нужно обратить внимание на мнение А.Д. Удальцова о том, что хуны Птолемея относятся к алано-сарматским племенам⁵. Упоминания о народе хун или

¹ К. Иностранцев. Хунну и гунны. Л. 1926. с. 118.

² Ptolemaeus. III. 5. 10.

³ В.В. Латышев. Известия о Скифии и Кавказе.

⁴ F. Altheim. Geschichte der Hunnen. Berlin. 1959. с. 348.

⁵ В.П. Буданова. Готы в эпоху великого переселения народов. СПб.2001. с. 165. см. также: А.Д.Удальцов. Племена Европейской Сарматии II в. н.э. // СЭ. 1946. №2. с. 46.

хуна на Кавказе относятся к глубокой древности. На персепольских клинообразных надписях в числе народов, подвластных Гистаспу, уже встречается имя народа хуна, обитавшего где-то на Кавказе⁶. Самые важные сведения о гуннах содержатся у армянских и албанских писателей. Особенно нужно отметить работу Моисея Каганкатваца «История агван». Ниже я более подробно разберу этот важнейший источник по истории гуннов.

В литературе давно утвердилось мнение о тождестве центрально-азиатских сюн-ну и европейских гуннов. Однако последнее время такая точка зрения все чаще подвергается критике. Особенно детально этот вопрос был разработан в уже упоминавшейся работе К. Иностранцева «Хунну и гунны». Но данная работа еще больше усилила позицию приверженцев тождества сюн-ну и гуннов. Вообще, еще остается большим вопросом, были ли сюн-ну тюрками в том смысле, в каком мы говорим о тюрках-гуннах. Все имеющиеся у нас материалы говорят о том, что это был народ, образовавшийся в результате смешения монгольских и тунгусо-манчжурских племен с тюрками, пришедшими на Алтай еще в скифскую эпоху, с преобладанием, скорее всего, тюркского элемента. Главным аргументом в пользу тождества гуннов и сюн-ну была ничем не подтвержденная версия масштабной смены этносов в Восточной Европе. Была выстроена линия, которая и ныне кочует из работы в работу: киммерийцы-скифы-сарматы-гунны-хазары-половцы-монголы. Эти народы согласно данной теории сменяли друг друга, приходя из Заволжских степей. Гуннам вообще прочили приход с Алтая. В литературе не без оснований отмечалась ошибочность такого подхода. Так, С.С. Черников в своей обстоятельной работе, посвященной скифскому искусству пишет: *«Процессы образования народностей также или медленно и отнюдь не прямолинейно. Обычно они прослеживаются с трудом. Названия племен и народов часто замещались другими, создавая впечатление сплошных поголовных переселений, чего на самом деле не было. Крупные племенные объединения были также непрочны и складывавшиеся на их основе народности часто распадались»*.⁷ Данная теория также не нова. Она была выдвинута еще в 1854 г. известным английским востоковедом Р. Латэмом, который в интересном докладе,

⁶ Услар. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. Тифлис. 1881.

⁷ С.С. Черников. Загадка Золотого кургана. М. «Наука». 1965. с. 71.

сделанном в Лондонском Королевском Азиатском обществе 21 января 1854 года, привел веские доводы в пользу тождества скифов и гуннов⁸. Р. Латэм считал, что скифы и гунны – собирательные имена различных тюркских племен, а их переселение из Азии является недоказанной гипотезой. Автор считал, что тюрки издревле жили в Юго-Восточной Европе, точнее в Северном Причерноморье и на Кавказе, а затем продвинулись в Трансильванию и Дакию. В этой связи нельзя не отметить работу известного французского ученого Рене Груссе «Империя степей», в которой автор приводит свои ценные наблюдения по культуре скифов. Так, Р. Груссе пишет о разительном сходстве обычаев хуннов, монголов и скифов: «...несколько деталей этого одеяния, особенно штаны, перевязанные в области лодыжек, общие для хуннов и скифов... также присутствует сходство в обычаях, как, например, жертвоприношение на похоронах... Чен Хан Шу свидетельствует о наличии этого обычая (распиливать череп врага для чаши) среди сюнну, примером этому может служить то, в частности, что шаньюй Лао-шан пил из черепа правителя юэчжи... в самом деле сюнну и скифы были охотниками за головами... Геродот (IV, 64) видел скифов, для которых было делом чести демонстрировать среди их военных трофеев головы, которые они отрезали у своих жертв, и скальпы, которые свисали с их поводьев...»⁹. Эти замечания авторитетного исследователя весьма ценны для прояснения этнических процессов в Восточной Европе в скифское время. Одной из важнейших работ по истории и материальной культуре скифов является работа известного советского ученого С.И. Руденко «Культура населения Горного Алтая в скифское время». Книга вышла в свет в 1953 году, но по сей день остается непревзойденной в области освещения культуры скифов. Работа богато иллюстрирована. Автор на многих страницах своего фундаментального труда отмечает сходство в культуре скифов и тюрков Алтая. Автор одной из лучших работ по гуннам А.Н. Бернштам отмечал: «Несомненно, что в состав западного гуннского объединения входили древние птолемеевские «хуни» и «хоны» Кавказа. Имела место бесспорная связь между гуннским образованием и предшествующим скифо-сарматским. В образовании большого объединения гуннского типа несомненную роль сы-

⁸ Вестник Императорского русского географического общества. 1854, ч. 10, отд. 5, с. 44 – 48.

⁹ Р. Груссе. Империя степей. Алматы. 2003. с. 41.

гнали вступившие в гуннский союз охотничьи и пастушеские племена Поволжья и даже Приуралья».¹⁰ Там же А.Н. Бернштам продолжает, что «доступный науке материал по культуре гуннов скорее позволяет установить связь между европейскими гуннами и предшествовавшими образованиями, чем всецело увязывать происхождение западных гуннов с восточными. Только совершенно небольшая часть явлений найдет себе объяснение в восточном происхождении. Судя по тому, что аланы были такими же, как и гунны, кочевниками (скотоводами – А.Г.), можно предполагать, что часть из них включилась в гуннскую орду, другая часть передвинулась к югу, на Северный Кавказ, где следы их сохранились, вероятно, в сабирах, а до наших дней среди племени осетин, возможно, в дигорах...»¹¹ Эти ценнейшие наблюдения известного ученого подверглись необоснованной критике и были проигнорированы большинством ученых, придерживавшихся тенденциозного подхода к истории гуннов. К сожалению, А.Н. Бернштам тогда не мог знать о великолепных и важнейших находках гуннских царских погребений, которые будут открыты в Дигории (Брут, Камунта) и Кабардино-Балкарии (Былым, Хабаз, Кишпек и др.) лишь в 80-е гг. Сюда же примыкает новейший и обширный антропологический материал, который не оставляет сомнений в том, что собственно погребенные в богатых гуннских могилах Кавказа и Северного Причерноморья являются европеоидами. Я думаю, известный ученый, при наличии такого выдающегося гуннского материала, был бы более уверен в своих суждениях и более определенно высказался бы против тождества гуннов и сюн-ну. Я еще вернусь к этим ценным археологическим материалам ниже именно в связи с савирами. Такую же точку зрения поддержал известный ученый и специалист по гуннам О. Менчен-Хельфен, который считал, что нет ни прямых, ни косвенных исторических и археологических данных для версии о центрально-азиатском происхождении гуннов. О. Менчен-Хельфен также отметил заметное различие между культурами гуннов и сюн-ну, особенно различие в искусстве гуннов и сюн-ну¹². Проблематичность археологического подтверждения движения гуннов с Алтая на Запад (до Венгрии) не раз отмечалась в литературе¹³. Следует отметить, что классические гуннские древно-

¹⁰ А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л. 1951. с. 144.

¹¹ Ibid. с. 148.

¹² O. Maenchen Helfen. Huns and Hsung-nu. Byzantinion, XVII, p. 243.

¹³ А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л. 1951. с. 207.

сти заканчиваются на территории Поволжья и Приаралья. Далее связь прерывается, и на Алтае, и в Северной Монголии мы практически не наблюдаем гуннского полихромного искусства. В то время как на Северном Кавказе чрезвычайно сильна концентрация таких древностей, и оттуда в таком же виде они распространяются на запад через Северное Причерноморье до Венгрии.

Каким же образом теория «внезапного» вторжения гуннов закрепилась в науке? Основой для этого послужило известие античного автора Иордана: *«Охотники из этого племени (гуннов – А.Г.), выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Меотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро, которое до тех пор считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась Скифская земля, олень исчез. Вовсе не зная, что, кроме Меотиды, существует еще и другой мир, и приведенные в восхищение Скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее не ведомый, показан им божественным соизволением. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который узнали, следуя указанию оленя. Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе»*.¹⁴ Здесь нет указания о приходе гуннов из Зауралья или Азии. Есть лишь прямое указание на то, что они вторглись в Северное Причерноморье из северокавказских степей (!). Таким образом, теория вторжения гуннов в IV в. из Заволжских степей в Восточную Европу должна быть подвергнута сомнению. А.Н. Бернштам отмечал, что *«доступный науке материал по культуре гуннов скорее позволяет установить связь между европейскими гуннами и предшествовавшими образованиями, чем всецело увязывать происхождение западных гуннов с восточными»*¹⁵.

В связи со сказанным следует поднять вопрос о переносе имени хунн на савилов и других воинственных народов Восточной Европы. Одной из возможных и приемлемых версий может быть поддержанное рядом авторов мнение о том, что сведения о мощном центрально-азиатском союзе кочевых племен были, очевидно, столь впечатляющими, что на-

¹⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Перевод Е.Ч. Скрижинской. М. 1960. с. 90–91.

¹⁵ А.Н. Бернштам. Очерки истории гуннов, с. 148.

звание «сюн-ну» быстро получило в Европе нарицательный характер в форме Hunis или Kuuni в латинских источниках. Поэтому активизировавшихся на границе Римской империи «варваров» стали называть именно таким собирательным термином «гунны», окончательно закрепившимся за ними после их военных успехов¹⁶. И именно такая версия косвенно подтверждается самими древними авторами, которые то и дело используют выражения типа «гунны, называемые савирами» и т.п.¹⁷, тем самым как бы подчеркивая, что имя «гунны» используется как собирательный этноним, но не в узком смысле. И с этим в логической связи находится другое утверждение о том, что европейские историки, конечно, знали о существовании в Центральной Азии мощного племенного союза во главе с сюн-ну (Hsung-nu), сведения о котором могли поступать по Великому шелковому пути, который служил не только для обмена товарами – по нему в обе стороны поступала, видимо, и информация о событиях самого различного характера, а некоторые участки этого пути сюн-ну контролировали в период своего могущества¹⁸. Странно, но все эти факты не были подвергнуты тщательному анализу абсолютным большинством ученых в советский период. И это при том, что до сих пор нет прямых доказательств тождества сюн-ну и европейских гуннов. Представляется, что вопрос этот только предстоит рассмотреть с критической точки зрения и с использованием новейших (а также старых!) работ в области антропологии, этнографии, археологии и исторических источников.

В связи со сказанным важное значение приобретает правильная локализация «Страны гуннов». Вопрос локализации «Страны гуннов» и их главного города Варачана поднимался много раз на страницах различных работ. Исследователи высказывали порой прямо противоположные точки зрения. В этой дискуссии есть все же единодушие по одному вопросу – «Страна гуннов» находится на Северном Кавказе (Лазарев, Артамонов, Засецкая, Плетнева, Магомедов и др.). При этом подавляющая часть исследователей сошлась в том, что древнюю «Гуннию» следует локализовать где-то в Дагестане. Тем не менее, были ученые, которые считали по другому, и среди них весьма солидные вос-

¹⁶ С.С. Миняев. Сюнну // Исчезнувшие народы. М., «Наука», 1988, с. 125.

¹⁷ И.С. Чичуров. Указ. соч., С. 50; Прокопий Кесарийский. Война с персами. I, XV (1).

¹⁸ С.С. Миняев. Указ. соч., с. 124.

токоведы. Так, Вивьен д'Сэн-Мартин помещает земли савиров между реками Кума и Кубань, что точно соответствует расположению развалин древнего города Маджар¹⁹. Локализация «Гуннии» Сен-Мartiном безошибочно подтверждается археологическими материалами. Однако тенденциозный подход советских ученых так и не давал им признать очевидное. Но и несмотря на это, приходилось некоторым ученым отмечать эти неувязки. Так, М.И. Артамонов писал в свое время: *«Тем не менее, хазарское посольство, пройдя Грузию, добралось до моря и здесь на кораблях прибыло в столицу Византии. Надо полагать, что изменение его цели было вызвано невозможностью добраться до самого императора, отступившего в глубь Армении по направлению к границам Византии. Первоначально местом встречи с императором, видимо, намечалась та самая «страна гуннов», о которой говорит Феофан. По мнению Маркварта, она находилась в Северном Дагестане, и туда именно доходили византийские войска. Совершенная невероятность этого предположения очевидна. Если бы дело было так, то Ираклию незачем было бы посылать к хазарам послов; он мог бы все решить личными переговорами с хазарами, которые владели Северным Дагестаном. Ю. Кулаковский ищет страну гуннов в Закавказье, в области Сакашен, там, где теперь находится город Ганджа, и куда, по сообщению Менандра, в 576 г. были переселены гунны-савиры, считая, вместе с тем, не вероятным, чтобы византийские войска доходили до правого берега р. Куры»*.²⁰ Нужно сказать, что если поместить «страну гуннов» в Центральном Предкавказье, все приобретает отличную логику. Но именно этого-то никто не мог допустить, ибо согласно официальной версии эти места были заняты «ираноязычными» аланами.

Однако тщательный анализ армянских, грузинских и албанских источников о гуннах не оставляет сомнений в том, что «Царство гуннов» нужно помещать именно в Центральном Предкавказье. Так, в двух источниках, «Армянской географии» и «Истории Агван», содержатся ценные сведения о локализации «Царства гуннов». Особенно интересны данные «Истории агван» - сюжет о миссии Ирсаила к гуннам и описание этого маршрута. С.Т. Еремян, посвятивший изучению маршрута миссии целую статью, тщательно разобрал это место «Истории агван» и

¹⁹ V. Saint-Martin. Recherches sur les Populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris. 1847. p. 62.

²⁰ М.И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л. 1936. с. 54.

пришел к однозначному выводу – миссия шла к гуннам не через Дербент, а иной дорогой²¹. С.Т. Еремян отмечает, что данные об этой дороге противоречат направлению через Дербент. Расстояние, для преодоления которого потребовалось указанное в тексте время, должно быть гораздо больше, а географическая среда иная; если это так, тогда противоречие имеем и в самом тексте. Указание на «место, где сподобился умереть св. Григорис», и Дербент являются механически присоединенными к основному тексту с целью упомянуть и показать одну из главных святынь албанской церкви. Для того чтобы осведомленный читатель не недоумевал и чтобы лучше замаскировать искусственность, эту несуразность он объясняет тем, что *«Изнуренные и утомленные они (послы) против воли свернули на другую сторону», откуда «после долгодневного пути прибыли в древнюю резиденцию царей, в то место, где сподобился умереть св. Григорис».*²² Эти рассуждения автора правильны. Но С.Т. Еремян также, как большинство советских ученых, находится в плену тенденциозных взглядов и старого поверхностного подхода к фактам, сообщаемым древними источниками. А.А. Кудрявцев отмечает: *«Наличием в Дербенте арабского гарнизона, вероятно, объясняется маршрут епископа Исраила к гуннскому правителю Алп-Илитверу в обход города, по значительно более длинному пути».*²³ Поэтому, при наличии безопасного для христианских миссионеров Дарьяльского прохода, было незачем идти через Дербент, тем более, что «Царство гуннов» находилось у Дарьяльских ворот. Главная ошибка советских и многих зарубежных исследователей в том, что сообщения древних источников о расположении страны гуннов за Дербентом, на западном побережье моря понимаются буквально и без использования данных других наук (палеогеологии, физической географии, ботаники, геофизики). Нужно отметить, что VII в. н.э. – это время регрессии Каспийского моря. Она началась в конце VI в. н.э. и завершилась примерно в X в. Каспий обмелел и приобрел почти современные берега. Но до этого была трансгрессия Каспия. Она приходится на I – II вв. н.э. В этот период Кума-Маньчская впадина была дном «моря». Реки Кума, Терек и Волга сливаясь, образовывали одну огромную дельту, так, что те, кто

²¹ С.Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу //ЗИВАН, Вып. VII. М.–Л. 1939, с. 138.

²² Ibid. с. 138-139.

²³ А.А. Кудрявцев. Древний Дербент. М., 1982. с. 131-132.

побывал на Кавказе, непременно говорили, что здесь располагается огромное море, в которое впадает река Волга (Итиль). Нынешняя дельта Волги была полностью поглощена волнами Каспия. Поэтому искать памятники времени ранее X в. в районе Астрахани бессмысленно. Активная жизнь здесь началась только с X в., да и то, в крайне примитивной форме. После регрессии VI – VII вв. открываются большие пространства между Кубанью, Кумой и Тереком. Воды еще много, но она больше представляет теперь многочисленные рукава Волго-Кумско-Терского водного региона. На этих степных предгорных пространствах с прекрасным мягким климатом появляется сочная трава; в еще очень полноводных реках в изобилии обитает рыба. Именно здесь возникает столица «Царства гуннов» – Варачан. Самым прекрасным для этого местом является район Бештау с его термальными источниками и более чем 300 солнечными днями в году с температурой в разгар лета не выше 24 градусов. Так на берегу реки Кумы и возник древний город, построенный, возможно, действительно персидским шахом, но затем перешедший под контроль гуннов. Именно здесь возникнет главный город Хазарского каганата – Итиль. Искать Итиль в районе Астрахани бесполезно. Удивляет то упорство, с которым археологи (и опять без геологов, ботаников и др.) продолжают искать там Итиль! Тратятся огромные средства, силы, ресурсы на, по сути, бесполезную затею! А в это время великолепный памятник Маджары продолжает исчезать и разграбляться черными археологами. Но вернемся к анализу маршрута албанской миссии. С.Т. Еремян чувствует противоречие, но не может оторваться от идеи «гунны в Дагестане», хотя, возможно, это ему и не приходит в голову. Официальная версия непоколебима и тогда не обсуждалась. При этом многие авторы обоснованно отмечают, что северокавказские племена (включая гуннов) вторгались в Закавказье в абсолютном большинстве случаев через Дарьяльский проход, который и был известен под именем «Каспийских ворот».²⁴ Но этот экскурс в гуннскую географию лишь часть доказательств. Самые удивительные и важные сведения о царстве гуннов содержатся в произведении Прокопия Кесарийского «Война с готами». Автор здесь дает точные координаты «страны гуннов». Самым интересным является его рассказ об усмирении римляна-

²⁴ Очерки истории Грузии. Т. I (Грузия с древнейших времен до IV в. н.э.). Тбилиси, 1989. с. 316; См. также: Я.А. Манандян. О местонахождении Caspia via и Caspia portae //Исторические записки, 1948. 25. с. 60-70.

ми абазгов и абхазов: «...За пределами апсилиев, при входе в пределы абасгов, есть место следующего рода: высокая гора (Эльбрус- А.Г.), начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Евксинского Понта (Черное море – А.Г.)...». Далее П. Кесарийский рассказывает о том, как римляне прибыли в страну абасгов для их усмирения, и начался бой. Абхазы потерпели тяжелое поражение: «...Абасги, увидя врагов, наседающих на них с двух сторон, уже не стали смотреть на возможность защищаться и не сохраняли своего боевого строя, но в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать с этого места все дальше и дальше. Страх, а поэтому и растерянность так сковали их, что они не могли сообразить ни о выгоде для них их родных гористых местностей, ни того, что они легко могли здесь пройти. Преследуя их с двух сторон, римляне захватили и убили очень многих из них... **Правитель абасгов Опсит с небольшим отрядом сумел бежать и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта...**».²⁵ Здесь не нужно уже что-то комментировать. Автор четко указывает, что за Главным Кавказским хребтом на границе с Абхазией живут гунны. Однако и другие места этого важного источника заслуживают не меньшего внимания ученых. В этой же книге читаем: «Само это «болото» (Меотида – А.Г.) впадает в Евксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами... В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимали те места, которых я недавно упоминал (Северный Кавказ – А.Г.), и один царь стоял во главе их всех. Как-то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собою власть, и своих подданных каждый назвал своим именем».²⁶ Но в логической связи со всем этим находится другой интереснейший фрагмент: «Над этой страной лежит горный хребет Кавказа. Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин не касаются ни дожди, ни снегопады: они выше всяких туч. Начиная от середины и до самой вершины они сплошь покрыты снегом; предгорья же их и у подошвы очень высоки, их пики ничуть не ниже, чем у других гор. Отроги Кавказских

²⁵ Прокопий Кесарийский. Война с готами. Кн. VII. 10. Перевод С.П. Кондратьева //А.Н. Гаркавец. Великая степь в античных и византийских источниках. Алматы. 2006. с. 532 – 549.

²⁶ Ibid. с. 535.

гор, обращенные к северо-западу, доходят до Иллирии и Фракии, а обращенные к юго-востоку, достигают до тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот. **Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы;** это племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов... **Тут живут гунны, так называемые сабиры,** и некоторые другие гуннские племена. Говорят, что отсюда вышли амазонки...».²⁷ Вряд ли здесь что-то нужно комментировать. Я лишь отмечу, что вновь мы имеем удивительное сообщение о совместном проживании гуннов и аланов на одной территории. Менандр сообщает о мире заключенном в 562 г. между Ираном и Византией: «... персы не позволяли ни уннам, ни аланам, ни другим варварам переходить в римские владения ущельем, называемым Хорузон и вратами Каспийскими...».²⁸ Нет сомнений в том, что здесь мы имеем не только указание на то, что гунны и аланы проживают рядом, но и одно из древнейших известий о Карачае. Таким образом, гунны и аланы локализируются в районе Карачая (Хорузон, Хоручон) и до Дарьяльского прохода²⁹ (Каспийские ворота) включительно. Видимо, поэтому позднесредневековый автор Жан Шарден не просто говорит: «Обитатели Кавказа составляют ту воинственную народность, столь прославившуюся под именем гуннов, которая распалась теперь на разные мелкие племена... Это карачеркесы (карачаевцы – А.Г.), как их зовут турки, то есть «чёрные черкесы», составляют северную отрасль. Турки дали им это название по причине непрерывных туманов и облаков в их стране».³⁰ Без сомнения, он был осведомлен о трудах многих античных авторов, что заставляло его говорить о Кавказе, как о родине гуннов. Однако советские, а с их подачи и зарубежные ученые, упорно продолжают искать гуннов в Дагестане, не взирая на то, что все гуннские памятники находят в большом количестве именно в этих местах, указанных Прокопием

²⁷ Ibid. с. 533.

²⁸ Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой. Перевод Де-стуниса. СПб, 1861, с. 342.

²⁹ В науке прочно утвердилось мнение, что и здесь идет речь именно о Дарьяльском проходе, т.е. о Каспийских воротах (Ю.С.Гоглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси. 1966. с. 143).

³⁰ Жан Шарден /Кавказский вестник. Тифлис. № 9-10 за 1900 г. с. 22.

Кесарийским и другими авторами (Моисей Каганкатваци, Феофан, Меландр и др.) – Центральном Кавказе и Предкавказье. Поэтому после этого исчерпывающего экскурса в ценнейшие исторические источники я перейду к археологическим памятникам гуннов на Северном Кавказе. Я привожу лишь часть того уникального и обширного гуннского материала, обнаруженного в этих местах, в надежде на то, что хотя бы мои зарубежные коллеги поменяют свою точку зрения и начнут скорейшие исследования Центрального Предкавказья, пока еще не все разграблено черными археологами.

Дело в том, что идея локализации (ошибочной!) «Царства гуннов» в Дагестане не нова и впервые была выдвинута дореволюционным исследователем Кавказа Я. Лазаревым в его очерке под названием «О гуннах Дагестана», который был напечатан в газете «Кавказ» в 1859 году³¹. В этом очерке автор подробно приводит древние свидетельства о гуннах на Кавказе, но не проводит анализа этих источников с географической точки зрения, произвольно помещая гуннов в Дагестане. Делает он это только по одной единственной причине – ряд авторов помещает гуннов за Дербентом (или к северу от Дербента). Но, во-первых, и Крым с Приазовьем этими же авторами тоже помещается за Дербентом. Во-вторых, советские ученые (Артамонов, Новосельцев и др.) не особо утруждали себя тщательным исследованием сложных и запутанных географических выкладок арабских и закавказских источников. Легче было использовать ранние дореволюционные труды и версии, выдвинутые произвольно. Кстати, ни в одном труде (Новосельцев, Артамонов, Гумилев и др.) советского периода нет даже ссылки на очерк Я. Лазарева. В этом кроется самая большая ошибка археологов и историков. Никаких весомых данных для такой локализации не было и нет до сих пор. Так, в «Армянской географии» говорится о том, что *«Севернее его (от Дарбанда – А.Г.) близ моря, находится царство гуннов, к западу от него, у Кавказа – город гуннов, Варачан, а также Чунгар и Мс-нд-р. К востоку живут Савиры до реки Талта, отделяющей Азиатскую Сарматию от Скифии...»*³². Этот отрывок завел многих авторов в тупик, так как официальная наука уже поместила

³¹ Лазарев. О гуннах Дагестана //Кавказ, 1859, №№ 34, 36, 38.

³² Géographie de Moïse d'après Ptoléméepar le P.Arsène Soukry. Venise. 1881, p. 27.

«Царство гуннов» в приморском Дагестане, то восточнее есть только Каспий. Где же могут жить савиры? Советским авторам ничего не оставалось как заявить о том, что савиры, возможно, жили дальше, у низовьев Волги, или автор «Армянской географии» просто ошибся (!). Отсюда у указанных авторов следует еще один «новаторский» вывод: савиры и гунны – это не одно и то же, они разные народы, но, возможно, между ними были какие-то связи и т.п. Антинаучность и тенденциозность таких рассуждений очевидна. В том то и дело, что армянский автор очень хорошо знал географию Кавказа. Если поместить «Царство гуннов» в бассейне реки Кумы, в Центральном Предкавказье, а не в Дагестане, то все становится на свои места. Поэтому автор «Армянской географии» и помещает еще одну колонию савиров к востоку от него. Но к востоку от него – это значит территория нынешней Дигории и части Чечни и Ингушетии, а не приморского Дагестана. Центр же гуннов находился в степном Предкавказье и в Прикубанье до Приазовья, где уже жили сородичи савиров – утигуры. Морем же здесь называется не Каспий, а Кума-Манычская впадина, которая тогда была частью огромной дельты, образованной Волгой, Терекон и Кумой, что соединяла эти реки с Азовским морем. Это все подтверждается исследованиями геофизиков и географов. В этом то и состоит один из больших изъянов советских археологических исследований, когда археологи не желают сравнивать исторические источники с открытиями ученых-геофизиков, ботаников, географов.

На территории Дагестана, несмотря на тщательные раскопки, так и не найдено гуннских древностей, если не считать незначительных разрозненных находок (бляхи, керамика) в погребениях, которые никак нельзя отнести ни к гуннам, ни к хазарам³³. Напротив, на территории Северной Осетии и Кабардино-Балкарии обнаружены великолепные образцы знаменитого гуннского полихромного стиля. Я имею ввиду, прежде всего, гуннское погребение у с. Хабаз (Балкария), где найден великолепный гуннский котел, гуннское погребение у с. Кишпек (КБР), богатые полихромные предметы воинского снаряжения из могильника в Верхней Балкарии и у с. Былым (Балкария), уникальный гуннский

³³ М.Г. Магомедов. Образование Хазарского каганата. М. 1983. с. 38, 89. Его же: Прикаспийская Хазария. Махачкала. 2004. с. 67-69, 284.

могильник у с. Брут в Дигории (Северная Осетия)³⁴. Особое значение для всей гуннской археологии имеет Брутский могильник, в котором были погребены знатные гуннские (савирские) воины. Инвентарь поражает своим богатством: множество полихромных инкрустированных альмандинами поясных блях и конской упряжи, оружие и предметы одежды. Особо хочу отметить гуннский котел из Хабаза. Этот котел самый совершенный по своим формам из всех известных гуннских котлов. Кишпекское погребение было ограблено. Тем не менее, в нем был найден шлем с инкрустацией из альмандинов, золотые и серебряные полихромные бляхи и предметы одежды. Нельзя не сказать и о другой уникальной находке археолога Б.Х. Атабиева. Это гуннское погребение у с. Зарагиж (Балкария). В нем были найдены золотой меч и нож, а также уникальные украшения оружия и одежды все в том же полихромном стиле. На указанной территории мы имеем ярчайшие признаки существования некогда могущественного государства, находившегося в стадии классической военной демократии – «Царство гуннов». Так, Лазарь Парпеци, писатель V в., в повествовании своем о девяностосемилетних событиях в Армении (388 – 485 гг.) называет Северный Кавказ землей гуннов, а народы его общим именем гунны³⁵. Современник Малалы Прокопий в географическом описании Кавказа говорит о реке Боас (Βόας ποταμός), берущей начало поблизости от Цанских гор³⁶, а ниже уточняет, что по течению этой реки живут гунны, называемые сабирь³⁷. Автор также уточняет, что река Βόας является одним из истоков Фасиса³⁸. Река Фасис – древнегреческое название р. Риони, главной реки Колхиды. В древнем мире Фасис и Колхида воспринимались нередко как одно понятие. По этой реке шёл древний торговый путь от Чёрного моря к Каспийскому. В начале н.э. р. Фасис считалась северной границей римских владений в Закавказье.

³⁴ Этот могильник был открыт московским исследователем-осетином Т. Габуевым в 80-е гг. Однако автор продолжает до сих пор называть его аланским, имея ввиду ираноязычность алан и их связь с осетинами. Автор раскопок упорно избегает названия «гуннский», принося в жертву конъюнктурным целям главную ценность своего замечательного открытия. Впрочем, ни слова о гуннах, дабы не пострадала «алано-иранская теория»! Между тем, в солидных отечественных и зарубежных изданиях брутские сокровища уже четко названы гуннскими (см. например «Атлас Tartarica»).

³⁵ Лазарь Парпеци. История Армении, СПб. 1904, с. 143.

³⁶ Prokopius. Bellum Pers., II, 29, 14.

³⁷ Ibid., II, 29, 15.

³⁸ Ibid., II, 29, 16.

Следует сказать, что толкование неясных маршрутов и локализаций страны гуннов и расположения их города Варачан указанных в древних источниках было произвольным и ни чем не подкреплено. Как я уже отметил, несмотря на усиленные поиски дагестанских и московских археологов, в Дагестане так и не обнаружены ни гуннские, ни хазарские памятники. Более того, памятники, которые можно связать с ранними тюрками, в Дагестане весьма фрагментарны. Единственно верный вывод, который напрашивается – «Страна гуннов» находилась в Центральном Предкавказье, на территории нынешних Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Дигория и Ардон), примыкая вплотную к Алании и соседствуя с аланами (Карачаево-Черкесия). Гунны-савиры занимали ущелья Балкарии и Дигории. Здесь была их главная метрополия. Тесное соприкосновение и смешение гуннов с аланами происходило на территории Чегемского и Баксанского ущелий и прилегающих Предкавказских степей. Это также подтверждается этнографическими исследованиями. В разделе о религиозных верованиях гуннов это будет ярко показано. Данная версия не нова и уже не раз высказывалась авторитетными учеными. Приведу слова большого знатока гуннского вопроса И.П. Засецкой, которая в своем капитальном труде пишет: *«Предположительно уннов можно локализовать в районе между реками Кума и Терек... Если предположить, что Иордан описывает территорию Скифии в период переселения готов в Северное Причерноморье в III в., то, очевидно, имя гуннов было уже известно к тому времени, как и их место обитания. В свете данного сообщения становится и более вероятной предложенная нами трактовка отрывка Дионисия о локализации «уннов» в районе между Тереком и Кумой...»*³⁹. Это весьма важное замечание и для правильной локализации главного города гуннов – Варачана армяно-албанских летописей. Ибо именно на берегу Кумы находятся развалины древнейшего города Маджара. Все данные говорят о том, что именно Маджар и является тем местом, где нужно локализовать столицу гуннов, а затем и первую столицу хазар. Нужно обратить пристальное внимание на тот факт, что именно савиры (гунны) выступают основной политической и военной силой на Северном Кавказе. Савиры значительно чаще, чем, например, хазары, упоминаются в источниках на раннем этапе (V-VI вв.). Вообще, гуннский во-

³⁹ И.П. Засецкая. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.) СПб. 1994. с. 136-137.

прос и для хазарской истории крайне важен, ибо именно гунны Северного Кавказа почти всегда выступали главной ударной силой хазар, особенно при вторжениях в Закавказье и персидские территории Ближнего Востока. В связи с этим, имя хазар чаще всего переносилось на гуннов так, что под хазарами в абсолютном большинстве случаев выступали гунны Центрального Предкавказья – савиры. Так, согласно «Истории агван» Моисея Каганкатваци, переговоры о союзе велись не с хазарами, а с предводителем именно гуннов «преемником царя севера, вторым человеком в его царстве, по имени Джебу-хакан», который находился в земле гуннов (а не хазар)⁴⁰. На страницах «Истории агван» гунны выступают главной военной силой хазарских войск. Зачастую гунны самостоятельно вторгаются в Закавказье, несмотря на то, что их предводитель Джэбу-хакан (Джэбгу-каган) является наместником «Царя севера» (хазарского кагана?). В этой связи особо нужно обратить внимание на то, что арабский автор ал-Масуди говорит: «Имя хазар есть персидское, тюркское же название этого народа – сабир»⁴¹. Для правильной локализации гуннов нужно проанализировать сообщения древних авторов о племенах Северного Кавказа. Так, аланы упоминаются довольно рано уже в античных источниках. Асов же античные источники не упоминают, но практически всегда рядом с аланами упоминаются гунны (или савиры). Античные упоминания об аланах и гуннах разительно напоминают сообщения авторов XIII-XV вв. об аланах и асах. Все это наводит нас на мысль о том, что античные и раннесредневековые гунны (савиры) Северного Кавказа – это позднейшие асы. Савиры - тюркский народ, византийскими и античными авторами часто называемый гуннами, а восточными (главным образом персидскими) авторами - восточными хазарами. Необходимо тщательно исследовать все сообщения о савирах (гуннах), ибо взаимосвязь их с аланами и особенно с предками балкарцев и дигорцев – асами весьма очевидна. Возможно, что савиры упоминаются в качестве народа, живущего на Кавказе уже у античного автора II в. н.э. Клавдия Птолемея, который цитировался выше. (Птолемей сообщает о *савирах* и *хунах*). Примечателен и тот факт, что этноним *савир* дожил до наших дней. Сваны до сих пор называют своих соседей балкарцев и карачаевцев савирами sav-i (мн. ч. saviyar). Н.Я. Марр говорил, что этот факт имеет

⁴⁰ Мовзес Каланкатуци. История страны Алуанк. с. 81.

⁴¹ Peter B. Golden. Khazar Studies. Budapest. 1980. vol. I. p. 36.

исключительно важное значение для анализа общего названия Кавказа (см. Н.Я. Марр «Балкаро-сванские скрещения») ⁴². В связи с этим, исследуя карачаево-балкарский язык и дав правильную этимологию этнониму *савир*, А.К. Боровков пишет: «Второе племенное название карачаевцев и балкарцев *savı* находит свое «оправдание» и в самом карачаево-балкарском языке. Мы уже говорили о движении и взаимосвязи терминов – племенных названий и пр., в частности: «тотем племени» → «название племени» → «человек», «дитя (сын+дочь) данного племени» → «селение» → «население» → «страна» и пр., которые представляются как движение одного слова, которое получает все новые значения вместе с развитием общественных форм. Совсем, следовательно, не случайно в карч.-балк. языке *sav* (*saw*) значит «весь» (*saw* *çəl* «весь год» и пр.), *saw* (*sav*) значит «здоровый», «благополучный», что восходит к названию племенного тотема, в карач.-балк. же *saw-ğa* «подарок» ← «дар» *Sav'ı* т.е. «тотему, божеству племени» (в кирг. значит именно: «часть добычи, которую охотник обязан отдать тем, кто встречается с ним во время возвращения с охоты») ⁴³. И когда при этом по карачаево-балкарски *sabı* (*sabıy*) значит и «дитя», т.е. разновидность *savı* [|| *sabı*], то проблема этого второго названия, как указал Н.Я. Марр, открывает еще более глубокие перспективы «турецкого (тюркского – А.Г.) уголка» на Кавказе (ср. груз. *sofel* «селение», «мир»)» ⁴⁴. К этому ценному наблюдению известного ученого я лишь добавлю кар.-балк. *сау-эрь* (здоровый, живой человек, воин), что тоже имеет связь и со словом *сау-гъа*. ⁴⁵ Известный специалист по истории Руси и хазар, профессор В.В. Мавродин писал: «...Учитывая скрещение и исторические

⁴² А.К. Боровков. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. VII. 1932. с. 53.

⁴³ Этот же обычай существовал у горцев Северного Кавказа.

⁴⁴ А.К. Боровков. Указ. соч. с. 54.

⁴⁵ Нельзя в этой связи не обратить внимание на то, что в «Декрете в честь Протогена» (III в. до н.э.) царские скифы названы скифским термином *сай* (М.И. Артамонов. Скифское царство // СА, 1972, № 3, с. 57; В.Н. Граков. Скифы. М. 1971. с. 22). Этому скифскому термину исследователи так и не смогли дать удовлетворительное объяснение. Между тем, он имеет прямую связь с караимскими «сай» – почитать, уважать, «сайгъы» – почет, почтение, уважение (КРПС. с. 459). Слово «сый» в значении честь, уважение, почет, слава есть как в караимском, так и в карачаево-балкарском языках (КРПС. с. 489; КМТАС. III. с. 250). Но в карачаево-балкарском языке есть и слово «сайла» – выбирай, избирай/ сай+ла, т.е. делать кого-либо избранным (КМТАС. III. с. 28). Нет ли здесь связи с этнонимом «савир». Так, можно предположить следующую этимологию: «сай+әр» – «сый+әр» – избранный народ, т.е. царские скифы.

миграции, можно сказать, что «черные болгары», по видимому, являются в прошлом «савирами», а в настоящем – балкарцами. Если так, то станет ясным вопрос о роли салтово-маяцкой культуры в истории древнейшего славянского населения лесостепной полосы...»⁴⁶ И с этим следует согласиться. Многочисленные гуннские племена, к коим относились и оседлые савиры, в VI в. все будут называться также болгарами (булгарами) и будут объединены в государство Черная или Великая Болгария. Вероятно, этим объясняется наличие в речи Верхнебалкарцев выражения «Мени биттеу Къара Малкъар биледи!» («Да меня вся Черная Балкария знает!»). Саму же Верхнюю Балкарию (самое большое общество балкарцев) часто называют «Къара Малкъар» («Черная Балкария»). В последствии уже гуннов Северного Кавказа называли то гуннами, то савирами, то хазарами. Прокопий Кесарийский так и пишет: «гунны, называемые савирами...»⁴⁷ или: «Между тем, Кавад отправил другое войско в подвластную римлянам Армению... с ними было три тысячи гуннов, так называемых савиров, воинственнейшего племени...»⁴⁸. Здесь уместно привести сообщение Прокопия Кесарийского и о том, что «...задолго до этого ему (Гувазу – А.Г.) удалось заключить союз с аланами и савирами...»⁴⁹. Интересно, что этот же источник локализует гуннов недалеко от Лазики и именно поэтому Гуваз хотел установить над Лазикой свое господство, так как в этом случае он считал возможным оградить Иран от вторжений гуннов⁵⁰. Примечательно, что старое название Дигорского ущелья (Северная Осетия) – *Савир-ком* (букв. «Савирское ущелье»). В том же Дигорском ущелье находятся горные вершины *Тенгир-цау* (букв. «Гора Бога Тенгри») и *Савартизон-хох*⁵¹ (букв. Савирская вершина), а до революции были известны солевой источник *Савир* и река *Савир-дон* (букв. Савирская река)⁵². Всего в Северной Осетии более 200 тюркских

⁴⁶ В.В. Мавродин, Образование древнерусского государства. Л. 1945.

⁴⁷ Прокопий Кесарийский. Кн. II. XXIX. 15.

⁴⁸ Ibid. кн. I. XV. 1.

⁴⁹ Прокопий Кесарийский. Кн. II. XXIX. 27.

⁵⁰ Ibid. 22.

⁵¹ Е.Н. Клетнова. По рудной Осетии //Исторический вестник. 1913. вып. 11. с. 705.

⁵² Д.Д. Пагирев. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского Военно-Топографического отдела // ЗКОИРГО, Тифлис, 1913, (Переизд.: Кавказ: Географические названия и объекты. Из-во М.и В. Котляровых, Нальчик, 2007, с. 244.

топонимов!⁵³ Все это говорит о том, что под савирами или гуннами скрывается тюркский народ асы или овсы грузинских летописей, родственный аланам. Их имя в последствии и покроеет (поглотит) ираноязычных пришельцев, ассимилировавших в языковом отношении ту часть савиров (гуннов), которые проживали в Дигорском (Савирском) ущелье. Так появится современный этноним «осетины». Несмотря на это, осетины сами продолжают себя называть иронами. Если все это принять, локализация гуннов (савиров) Северного Кавказа приобретает логику, и все противоречия, связанные с этим вопросом, исчезают, если их поместить на территории современных Дигории и Балкарии, включая всю долину р. Урух в Кабардино-Балкарии и до реки Кума. Именно нежелание признать наличие тюркского элемента в Осетии является камнем преткновения в вопросе правильной локализации «Страны гуннов» (савиров). Не найдя ничего лучшего, М.И. Артамонов локализует их в Дагестане. При этом известный археолог хорошо знает, что в Дагестане до сих пор не найдено ни одного памятника гуннского облика! Все гуннские памятники находят на территории Балкарии и Дигории, например гуннский могильник у с. Брут в Осетии. Причем это одни из самых значительных гуннских памятников в Европе, сравнимый с богатыми воинскими погребениями Северного Причерноморья и Центральной Европы.

Но разберем гуннские археологические памятники более подробно. Как уже сказано выше, у с. Кишпек (Кабардино-Балкария) Р.Ж. Бетровым было открыто погребение гуннского воина. Самым интересным предметом оказался клепанный шлем, украшенный кроваво-красными альмандинами. Р.Ж. Бетров определил погребение как гуннское и связал его напрямую с этногенезом балкарцев, датировав находку IV-V вв.⁵⁴ В связи с этим небезынтересно привести свидетельство о вооружении гуннского предводителя, вторгшегося в Закавказье, которое содержится в «Истории Агван»: *«В то самое время выступил гунн из гуннов по имени h'Онагур. Этот вначале стал грабить Персию, а затем послал к Шапуху гонца и говорит: «Зачем это кровопролитие? Приди, поборемся с тобой, один на один – ты да я». Сам гунн был высок, исполинского ро-*

⁵³ А.Д.Цагаева. Топонимика Северной Осетии. Ч. 1. Орджоникидзе. 1971.

⁵⁴ Р.Ж.Бетров. Захоронение вождя гуннского времени у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии //отдельный оттиск из «Северный Кавказ в древности и в средние века. М. 1980. с. 113-122.

ста и одет в кольчугу, на огромной голове носил клепанный шлем. Медная пластина защищала лоб в три пяди. Древко огромного копья было из крепкого кедрового дерева. Меч его сверкал пламенем и одним только видом своим наводил ужас...»⁵⁵. Автор раскопок считает безошибочным отнесение памятника к IV-V вв. н.э.⁵⁶ Не могу не отметить великолепный набор золотых предметов (поясной набор и пряжки) воинского снаряжения из гуннского кургана (IV-V вв. н.э.), открытого недалеко от г. Нальчика. Фото этого набора опубликовано М.И. Артамоновым⁵⁷, а хранится он в Государственном Эрмитаже. Особенно интересна золотая пряжка в виде головки птицы. Она разительно напоминает бутероль из Зарагижского могильника (Б.Х. Атабиев).

Об открытии археолога Б.Х. Атабиева у с. Зарагиж (Балкария) уже написано в зарубежной и российской научной прессе. Вот, что написано по поводу этой находки в одной солидной работе: «Одна недавняя находка, казалось бы, могла свидетельствовать о византийском происхождении меча Хильдерика. Мы имеем ввиду находку из погребения 118 на могильнике в Кабардино-Балкарии Зарагиж (раскопки Б.Х. Атабиева). Здесь среди прочих предметов была обнаружена бутероль (наконечник ножен) короткого меча, украшенная птичьими головами, наиболее близкой аналогией которой является бутероль меча Хильдерика. Сходство нам сразу же бросилось в глаза, на этом основании мы даже предложили в свое время датировать погребение в Зарагиче второй половиной V в. (*Kazanski, Mastykova, 1999, p. 566*). Однако полная публикация инвентаря могилы Б.Х. Атабиевым (*Atabiev, 2000*) заставила нас пересмотреть предложенную датировку. В самом деле, непосредственно ознакомившись с вещами, Я. Тейрал обратил внимание на две детали. Во-первых, пряжки из зарагижского погребения (*Atabiev, 2000, tab. 26, 9-11*) по форме язычка достаточно архаичны и более всего напоминают изделия позднего IV – раннего V в. Во-вторых, простые по форме перегородки на украшенных гранатами изделиях из Зарагича (*Atabiev, 2000, tab. 26, 1,2*), в том числе на бутероли, явно относятся к стилистической группе гуннского времени, в то время как сложные мотивы декора на вещах из могилы Хильдерика, включая бутероль, являются определяющими для стилистической группы пост-

⁵⁵ Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Перевод Ш.В.Смбатяна. Ереван. 1984. с. 66.

⁵⁶ Р.Ж. Бетров. Курганы гуннского времени у с. Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1987. с. 11.

⁵⁷ М.И. Артамонов. История хазар. Л. 1962. с. 129.

гуннского времени (Засецкая, 1994. рис. 15). Иными словами, погребение из Зарагижа относится к гуннскому времени, к позднему IV или к началу V в., а погребение Хильдерика надежно датируется 481/482 г., таким образом, бутероль из Зарагижа является далеким средиземноморским прототипом наконечника ножен меча Хильдерика, и этот последний, стало быть, не может быть признан прямым импортом из Византии»⁵⁸. Примечательно то, что на территории КБР обнаружены две разновидности этого украшения и датируются они IV в. н.э. Нельзя не отметить разительное сходство меча из Пуанского клада, инвентарь которого выставлен в музее в Труа. Европейские исследователи предположили, что это погребальные предметы короля вестготов Теодориха⁵⁹. Однако все предметы являются явно гуннскими, а после обнаружения Зарагижского погребения никаких сомнений в этом не должно остаться ни у кого.

II. Гуннское искусство

Несколько слов о гуннском полихромном стиле и гуннских котлах. Одним из самых ярких проявлений гуннской культуры является так называемый полихромный стиль изготовления ювелирных изделий, в основном из золота. Богатая воинская аммуниция и конское снаряжение из золота, с зернью и многочисленными вставками из цветного стекла или кроваво-красных альмандинов. Особенно это искусство достигает своего развития в IV-V вв. н.э. и постепенно затухает к VII-VIII вв., когда уже полностью господствует более простой стиль, а золото уступает место серебру и белым металлическим сплавам. Значительно сокращается и обычай вставок из драгоценных камней и стекла, которыми так изобилует культура сармато-гуннов. Уникальное явление – полихромный стиль – поражает воображение своим варварским великолепием, близостью к реальной жизни гуннов. Нет никаких сомнений в том, что в отличие от скифских золотых изделий, сармато-гуннские сокровища создавались самими гуннами, что подтверждается их архаизмом и оригинальностью, непохожестью ни на один другой вид искусства, и, наконец, неизменным их находением в гуннских памятниках. Я уже говорил о том, что ряд известных ученых считает, что не только полихромный стиль, но вся гуннская культура зародилась в Восточной

⁵⁸ М.М. Казанский, П. Перен. Могила Хильдерика 481/482 г.: состояние исследований //КСИА, вып. 218, М. 2005. с. 35-36.

⁵⁹ Дж. Мэн. Аттила. М. 2007, цв. вкладка.

Европе, а не в Центральной Азии⁶⁰. Следует отметить, что гуннский полихромный стиль имел свое продолжение в позднекочевнической культуре тюркских племен VIII – X вв. В погребениях тюрков этого периода находят много предметов (бляшки, поясные наборы, однолезвийные мечи и кинжалы, седла с жесткой конструкцией и др.), распространение которых в Восточной Европе восходит ко времени господства гуннов.⁶¹

Мы не можем обойти вниманием яркое явления гуннского искусства – гуннские ритуальные котлы, которые восходят своими корнями к скифским литым бронзовым котлам. Гуннские котлы находят на огромном пространстве от Манчжурии до Венгрии. Античные авторы особо отметили культ котла у кимвров. Так, например, Страбон сообщает, что, потерпев несколько неудач в войнах за утверждение на юге Европы, *кимвры* послали Августу в дар свой самый священный котел, прося дружбы и предлагая дружбу⁶². Поклонение котлу было широко распространено у степных народов, что и не удивительно, учитывая его значение в степной жизни⁶³. Сообщение о том, сколь важным предметом для степняков, проводивших большую часть своей жизни в военных походах, был котел, мы находим в «Истории» Геродота. Влияние гуннского искусства и всей гуннской культуры было довольно сильным. Исследователи отмечают наличие культовых котлов даже у кельтов⁶⁴. Известно, что есть вполне определенная версия о приходе кельтов из Восточной Европы. Самый яркий образец гуннских котлов был обнаружен в гуннском склепе у балкарского села Хабаз (КБР). Котел этот богато орнаментирован и еще ждет своего описания с точки зрения культурно-религиозных вопросов. Котел бронзовый, литой, с фигурными ручками. По мнению большинства исследователей, эти котлы носили ритуальный характер. Известное число таких котлов в настоящее время невелико. Но они распространены на весьма обширной территории Восточной и Центральной Европы. Экземпляры котлов обнаружены в Румынии, Венгрии, Франции и Польше, близ верховье Северной Двины, в Южном Приуралье⁶⁵. Эти котлы имеют далекие прототипы в Сибири и Манчжурии,

⁶⁰ М.Н. Погребова. Указ. соч., с. 181.

⁶¹ И.П. Засецкая. Золотые украшения гуннской эпохи. Л. 1975, с. 19.

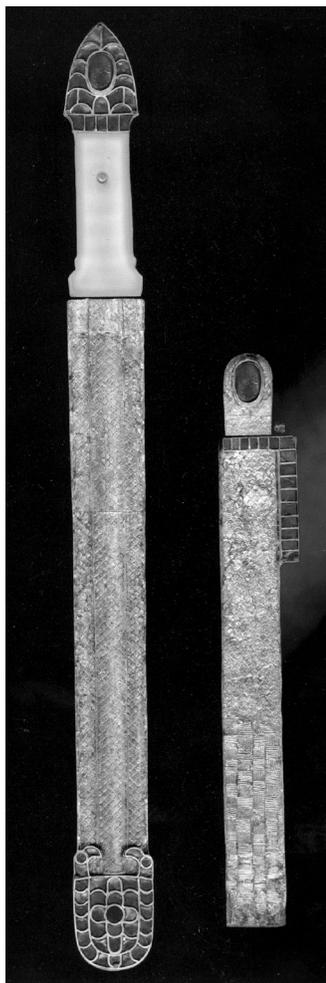
⁶² Страбон. География. с. 268.

⁶³ А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951. с. 199–201.

⁶⁴ Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 11.

с. 168, 193.

⁶⁵ И.М. Чеченов. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1987. с. 48.

Меч и нож гуннского вождя из погребения IV в. н.э. с. Зарагиж (Кабардино-Балкария).

Сталь, золото, цветное стекло, алмадины, перегородчатая инкрустация. Раскопки Б.Х.Атабиева.

которые, однако, существенно отличаются от европейских. Как указывает И. Ковриг, область распространения котлов совпадает с основной территорией государства европейских гуннов⁶⁶. Интересно, что хабазский котел по своим признакам относится к самому раннему периоду. Его ручки (три полуовальных выступа вместо четырех) сближаются с бронзовыми котлами II-III вв., условно отнесенными к сарматским и происходящими также с Северного Кавказа и других районов Восточной Европы. Генетическая связь «сарматских» и гуннских (особенно хабазского) котлов несомненна. Но в Хабазе были найдены и два других вида гуннских котлов, имевших, скорее всего, уже не ритуальное, а бытовое назначение – два клепанных бронзовых котла. По сравнению с ритуальными эти котлы имеют более широкие аналогии от Монголии до Венгрии вплоть до XIII в.⁶⁷ Такой же котел был в гуннском кургане №13 у с. Кишпек (КБР). Как я уже отмечал, этот ценный материал даже не затрагивается

И.П. Засецкой и другими авторами. Между тем, культ котла сохранился сегодня только у народов Северного Кавказа, особенно у карачаевцев и балкарцев. Начнем с того, что даже сегодня вы не найдете ни одного карачаевского или балкарского дома, где не был бы хотя бы один большой котел (къзан). Это непременный атрибут каждой семьи. Вообще, с кот-

⁶⁶ А.К. Амброз. Восточноевропейские и среднеазиатские степи в V-первой половине VIII в. // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. М. 1981. с. 19.

⁶⁷ И.М. Чеченов. Новые материалы и исследования..., с. 49.

лами у балкарцев связаны многие легенды и поверья. В нартском эпосе котел воспевается как высшее воплощение человеческой общности, как символ победы над индивидуализмом и разобщенностью людей⁶⁸. Численность семей еще в недавнем прошлом у балкарцев исчислялась в «казанах» или «котлах». Балкарцы говорят о раздоре между близкими: «Ала къазанлары бирге къайнамазча болгъандыла» (Их общий котел уже не закипит). От слова къазан (котел) образован метафоризированный глагол *къазанлашыргъа* (питаться вместе, жить и есть «единым котлом»)⁶⁹. *Къазанлашыргъа* также означает на балкарском языке сдружиться, собраться вместе (!).

Наконец, остается сказать, что еще в начале XX в. ведущие европейские археологи (Шантр, д'Бай и др.), изучая происхождение византийского ювелирного искусства, пришли к однозначному выводу о том, что как византийский, так и меровингский стили берут свое начало в среде варварских племен Северного Кавказа и Крыма, имея в виду, прежде всего гуннов (!)⁷⁰.

III. Духовный мир гуннов

Бесценную информацию о духовном мире гуннов содержит «История агван» Моисея Каганкатваци⁷¹. Этот документ содержит уникальные данные о верованиях и культах, господствовавших в Хазарии в VI-VIII вв. Причем большая часть этой информации до сих пор остается не раскрытой и неизученной глубоко. В главе L второй книги «Истории агван» Моисей Каганкатваци пишет, что почитаемый хазарами (гуннами) «...бог Куар производил искры громоносных молний и эфирные огни... Также они приносили в жертву жаренных лошадей какому-то чудовищному, громадному герою, называя его богом Тангриханом...»⁷². У Ш.В. Смбагына несколько другой перевод: «Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающее эфир, поражало человека или другое животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу Куару,

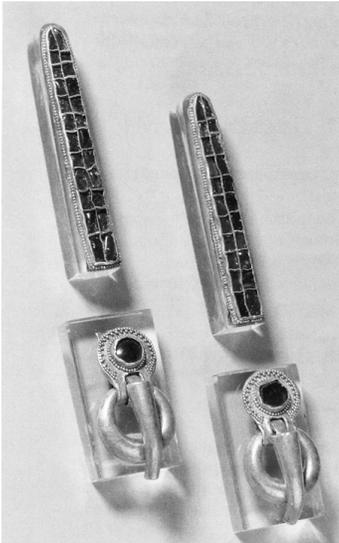
⁶⁸ З. Кучукова. Антологический метод как ядро этнопоэтики. Нальчик. 2005. с. 107.

⁶⁹ Ibid. с. 108.

⁷⁰ Движение к изучению России среди французских археологов // Ведомости Московской городской полиции, 1895, № 250, с. 2.

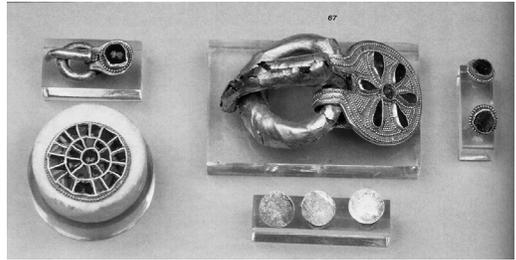
⁷¹ Моисей Каганкатваци. История Агван. Пер. К.Патканяна. СПб. 1861.

⁷² Ibid. 193.

Гуннский могильник у с. Брут (Дигория, Северная Осетия). Обувной гарнитур V-VI вв. Раскопки Габуева.

По каталогу выставки «Аланский всадник».

Гуннский могильник у с. Брут (Дигория, Северная Осетия). V-VI вв. Раскопки Габуева.

По каталогу выставки «Аланский всадник».

и служили ему. И еще почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу Тангри-хану, которого персы называют Аспандиат, приносили в жертву коней на кострах»⁷³. Это и другие сообщения «Истории агван» о жизни гуннов уводят нас в древнейший период истории гуннов и представляют исключительную ценность для науки, так как они явно написаны очевидцем всего происходившего, возможно, самим миссионером Исраилом (Sic!). Текст, посвященный гуннам Северного Кавказа и содержащий эти поразительные сведения об их языческих культах, не столь красив и пышен по своему слогу, как другие части рукописи, но в нем поражает живость и реализм описываемых событий, в особенности быта гуннов. Явно это писал человек, который сам непосредственно наблюдал за происходившим. В научной литературе, посвященной «Истории агван», отмечалась живость и правдоподобность изложения фактов, переданных явно из первых рук, и ввиду этого их большая ценность⁷⁴. С этим сообщением корреспондирует и сообщение Ибн-Фадлана: «И я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха Мухаммад пророк Аллаха»,

⁷³ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смба-тына. Ереван. 1984. с. 124.

⁷⁴ М. Абе-гян. История древнеармянской литературы. Ереван. 1975. с. 259.

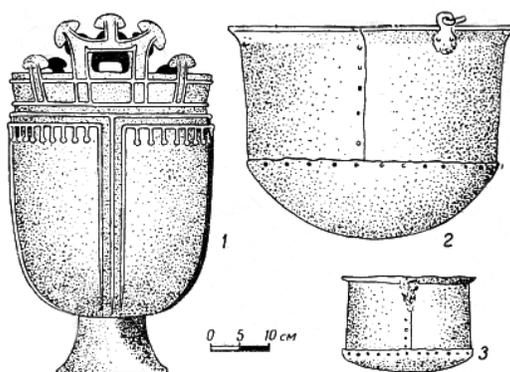
стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают у них, но не веря в это. А если постигнет одного из них несправедливость, или случится с ним какое-либо дело неприятное ему, он подымает свою голову к небу и говорит: «**Бир Тенгри!**»⁷⁵, а это по-тюркски (значит) «богом одним», так как «бир» по-тюркски «один», а «тенгри» – бог на языке тюрков...»⁷⁶. Это разительно напоминает то, как еще в XIX веке говорили балкарцы и карачаевцы: «*Тейри мени занымнан болсун, Аллах сени заныгнан болсун!*» – Пусть Тейри (Тенгри) будет на моей стороне, а Аллах на твоей стороне!». Это свидетельство Ибн-Фадлана о культах, господствовавших в Поволжье, является ценнейшим источником для восстановления религии самих хазар. И в связке с тем, что мы знаем о духовной культуре карачаевцев и балкарцев вплоть до XIX века, мы можем сказать с большой долей уверенности, что подавляющая часть хазар придерживались тенгрианства, несмотря на то, что формально могли считать или называть себя иудеями, христианами или мусульманами. С культом Тенгри тесно связана сакральность самого кагана. Каган у хазар являлся не только главой государства, но и главным жрецом.

Выше приведенный текст содержит и другие названия, связанные с языческими культурами. Так, гуннский культовый термин *Куар* зафиксирован у карачаево-балкарцев еще в 80-е гг. XX в. во время комплексной этнографической экспедиции АН СССР в Карачай. Карачаево-балкарцы во время грозы устраивали языческие пляски, прикрикивая

⁷⁵ По поводу этого интересного восклицания «хазарских» тюрков нужно заметить, что, возможно, Ибн-Фадлан ослышался, и ему показалось, что тюрки воскликнули: «Бир Тенгри!», хотя должно было быть скорее «Бий Тенгри!». В пользу этого говорит анализ половецких религиозных текстов. Так, в изданном известным тюркологом А.Н. Гаркавцом молитвеннике на половецком языке 1618 года есть фраза, обращение к богу: «...Alıışlısenel, Bıy Teğri, atalarımızdan bizim...». Половецкие религиозные тексты в большом количестве содержат эту фразу. Вот выдержка из другого источника – «Книги церковных песнопений» 1638 года, написанной также на половецком языке: «...Bıy Teğrinin kelgäninä dirä...» – перевод А. Гаркавца: «...до самого пришествия Господа Бога...» (см. А.Н. Гаркавец. Кипчакское письменное наследие. Алматы. 2002. I.). Но интересно то, что выражение «Bıy Teğri!» в них отсутствует! Таким образом, мы имеем не только уникальный случай фонетической ошибки, произошедшей в глубокой древности, но и возможность еще больше сблизить духовный мир половцев и населения Хазарии. Это еще один аргумент в пользу того, что половцы, печенеги и хазары составляли одну духовную общность, один этнос.

⁷⁶ Ибн-Фадлан. с. 60.

Кюрюу, кюрюу, Къуар-хан, уа Эллири-Шопна! (Sic!)⁷⁷. Къуар следует выводить из кар.-балк. къуу 'гнать', 'наводит ужас', 'напустить страху' и т.д. > къуар 'тот, который наводит ужас'. Второе слово – Эллири-Шопна - не что иное, как обращение к языческому богу Чопна (гуннск. Чона). Отсюда мы вполне можем заключить, что гуннское Куар не имя бога, как это понял Израил, не владевший достаточно хорошо гуннским языком, а эпитет, которым гунны наделяли бога Чопна (Чона), так как именно последний и является у карачаево-балкарцев богом грозы и молнии и деторождения. Иными словами, гунны, скорее все-

Бронзовые котлы из гуннских погребений в с. Хабаз (Балкария).

го, говорили: «О нагоняющий ужас громовержец, козложертвенный⁷⁸, наш Чопна!», что по-карачаево-балкарски и будет: «Кюрюу-кюрюу Къуар-хан, уа Эллири Чона!». Здесь интересно отметить, что карачаевцы и балкарцы считали Чопну сыном верховного бога Тейри-хана (Тенгри)⁷⁹. Это все находится в логической связи со следующим еще более интересным пассажем в «Истории агван», который говорит о культе бога Чона у гуннов, который сохранился у карачаево-балкарцев

⁷⁷ Записано на магнитную ленту доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником ИАЭ РАН М.Д.Каракетовым в 80-е гг. во время комплексной научной экспедиции АН СССР в Карачай. Хранится в личном архиве М.Д. Каракетова, который любезно дал разрешение на публикацию этого ценного материала.

⁷⁸ Эллири – шкурка жертвенного козленка (МК I 127).

⁷⁹ А.К. Аликберов. Эпоха классического ислама на Кавказе. М. 2003. с. 445.

(в переводе Патканяна *Чопай շոփիշ* или *чопчи, чопайчи*, а в переводе Смбатяна *Чопа*)⁸⁰: «...прежде всего должно быть сожжено громогласное **кладбище чопа**, называемое Даркунанд, руками этих уверовавших старших жрецов. Они должны пойти туда с проклятиями и сжечь [кладбище-роиц], лишь после того они могут быть крещены и причащены...»⁸¹. Из текста ясно видно, что кладбище называется *Даркунанд*, а не *чопа*, как полагали Довсет и Гукасян, а за ними и все остальные авторы. Слово же *чопа* употреблено именно так, что оно обозначает имя того, кому посвящено «громогласное кладбище». Самое удивительное то, что описание языческих верований гуннов в ИА ничем не отличается от языческих верований карачаевцев и балкарцев! *Чопта* – бог грозы и молнии в карачаево-балкарской мифологии. Он считался покровителем плодородия, поэтому, подобно *Даулету*, являлся божеством, покровительствующим бракам и деторождению. Более того, у гуннов Чопа, также как у карачаево-балкарцев, был и богом грозы и молнии. Самое интересное то, что сохранено правильное написание этого гуннского слова, за исключением выпадения одного *-п-* в гуннском, что вполне объяснимо трудностью передачи тюркского удвоенного *-п-* на древнеармянском. Израил, обращаясь к гуннам, говорит: «*Вы также почитаете богом и называете спасителем молнию небесную, которая сверкает во время грома*»⁸². Причина земледельческого характера культа бога грома и молнии кроется в том, что предки балкарцев и карачаевцев на определенной стадии развития рассматривали небо как начало мужское, а землю – как женское. Соответственно гроза мыслилась ими как акт их соединения, соития, что и отразилось в выражении, бытующем до сих пор: «*Кёк кюкюресе, жер бууз болады – Когда гремит гром, земля оплодотворяется*». В результате этого появлялась растительность⁸³. Поэтому праздник в честь божества *Чопта* проводили весной, а пляска во время этого праздника называлась *Чопнай!*⁸⁴ Здесь нелишним будет привести, что балкарцы

⁸⁰ Этому слову я дал подробную этимологию в своих работах: отдельной книге «О хазарском языке» (2005) и моем докладе на конференции в Институте языкознания РАН (2008), опубликованном в сборнике памяти Э.Р. Тенишева «Вопросы алтайского филологии» (2008).

⁸¹ Ibid. с. 131.

⁸² Мовсес Каланакатуаци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна, с. 126.

⁸³ М.Ч. Джуртубаев. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1991. с. 126.

⁸⁴ КМТАС. III.

часто и теперь дразня маленького мальчика, говорят, как бы пытаюсь ухватиться за penis мальчика: «Къайда Чопай-ынг! – Ну-ка! Где твой Чопай!» (в этом случае именно с одним глухим *п*). Не свидетельствует ли это и о наличии у гуннов фаллического культа? Если да, то это объясняет в свою очередь смысл слов преподобного Исраила: «То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились на мечах на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал, кто рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и, предаваясь скверным поступкам, погружались в мрачную мерзость, ибо были лишены света творца... и еще преданные похотливым желаниям, [присущим Афродите], по диким языческим нравам своим жен отцов своих брали себе, или два брата брали одну жену, или [один] брал много разных жен»⁸⁵. Нет сомнений в том, что сексуальная свобода у гуннов была в почете, и название у карачаево-балкарцев полового члена (penis) именем чопай (именем бога Чопа) не что иное, как напоминание о некогда бытовавшем у гуннов фаллическом культе, тесно связанном с культом Чоппа⁸⁶. Интересное сообщение об этом божестве мы находим у Г.Ф. Чурсина: «В Карачае мною собраны в 1914 году подробные сведения относительно «Чоппы». У карачаевцев под названием «Чоппаны таши», т.е. «Камень Чоппы», были известны священные камни, почитаемые народом. «Чоппа», по объяснению карачаевцев, был каким-то богом, к которому обращались во всех важных случаях жизни. Ежегодный праздник Чоппе устраивался весной. Около «камня Чоппы» ставили из жердей козлы и к поперечной перекладине их подвешивали за ноги серого козленка. Козленка раскачивали за рога, он кричал, а молящиеся устраивали вокруг хоровод и пели песню «Эллири Чоппа». По окончании церемонии козленка варили и ели...»⁸⁷. В названии песни Эллири-Чоппа некоторые исследователи усмотрели в первом слове имя пророка Ильи, который

⁸⁵ Мовсес Каланакатуаци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В. Смбатяна, с. 124.

⁸⁶ Интересно, что если у карачаевцев и баксано-чегемцев слово чопай сегодня стыдно произносить (относится к табуированной лексике), то у балкарцев Черекского ущелья это слово не является табуированным и мужчины еще сегодня носят имя Чопай, что часто приводит в замешательство карачаевцев.

⁸⁷ Ibid. с. 127.

часто ассоциировался с Элией (Бог грома и молнии). Однако это неверно. В этом названии мы имеем уникальный, дошедший до наших дней древнейший тюркский религиозный термин. Основным его значением в древнетюркских языках было «*шкура жертвенного козленка*», как правильно отмечают некоторые авторы⁸⁸. Именно это значение приводится в Древнетюркском словаре (в качестве источника Малов указывает Словарь Махмуда Кашгарского): **elri** *шкурка козленка* (МК I 127) или в форме **eldiri** (МК I 127)⁸⁹. Интересно, что балкарцы до сих пор козленка называют уменьшительно-ласкательным «*чапай*» или «*чапайчикъ*», т.е. «*козленок*». При этом есть обычно слово «*улакъ*» или «*улакъчикъ*», но, когда козленка хотят приласкать, его называют именно «*чапай*». Особый интерес представляют также аланские амулеты в виде стилизованного изображения человека, вписанного в круг с лучами. Эти амулеты разительно напоминают бубен алтайского шамана и такой же кожаный амулет кетских шаманов с изображением божества Дох. Интересно, что кетский Дох разительно напоминает гуннского и карачаево-балкарского бога грозы и молнии Чопа. Дох вместе с Альбе является первым культурным героем кетов, с которых и начинается шаманская историческая традиция. Кеты связывают с ним и возникновение Млечного пути, называя его «*след Доха*». Во всем существе Доха проявляется его синкретический характер, также как у Чоппа. Гибель Доха произошла на небе по пути к Есю. Дох имеет отношение к солнцу, грому и молнии. Дох убивает нечистую силу, прячущуюся в дереве. Поэтому во время грозы запрещается укрываться под деревом (обычно под лиственницей).⁹⁰ Нет сомнений в том, что кетская мифология сохранила древнейшие черты культов, распространенных на обширном пространстве евразийских степей, включая и Центральное Предкавказье. Данный культ очень древний и имеет тюркское происхождение. Этот культ также сохранился у татар-крящен (*Чупна*), шорцев (*Алтын Шаппа*)⁹¹ и марийцев (*Чопакин Кереметь*). Интересно, что этому божеству марийцы приносили в жертву теленка⁹². Интересно, что герои шорского героического эпоса, богатыри Алтын Сырык и Алтын Шаппа, расстаются в походе на небо у громадной ли-

⁸⁸ Х.Х. Биджиев. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск. 1993. с. 276.

⁸⁹ ДТС. 170-171.

⁹⁰ Кетская мифология // Мифы народов мира. М. 1980. т. 1. с. 642.

⁹¹ М.Д. Каракетов в сб. посвященном А.Е. Крымскому. М. 2009.

⁹² И.Н. Смирнов. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань. 1889. с. 137.

стенницы, которая «...вершиной до 40-го неба доходит...».⁹³ Здесь Алтын Сырык уходит туда, где восходит солнце, а Алтын Шаппа туда, где заходит солнце. О происходящем с Алтын Шаппа в краю Ай-каана рассказывается в диалоге между конем и повествователем, в котором рассказывается о двух богатырях, путешествующих к девяти творцам-небожителям и о испытании двух богатырских коней. Алтын Шаппа – посланник богов, но он погибает на небе во время неравного боя с Чарылбастом Чаш Молотом.⁹⁴

С культом *Чона* (*Чонпа*) тесно связан и культ священного дерева. В этом смысле характерна известная история огромного священного грушевого дерева «Раубазы», почитавшегося балкарцами с Верхняя Балкария. Даже в 30-е годы, когда балкарцы уже были официальными мусульманами почти 130 лет, ночью тайно балкарки ходили к «Раубазы» и просили его о благосклонности. У исламских духовных наставников опустили руки, и им ничего не оставалось как применить последнее средство – срубить «Раубазы». Но и это не помогло! Во время депортации в Среднюю Азию и Казахстан многие балкарки взяли с собой щепки «Раубазы», которые они тайно спрятали ночью, после того, как его срубили в 30-е годы. Остались брошенными драгоценности и деньги, но не щепки «Раубазы». Щепки вернулись из Казахстана обратно в Балкарию вместе с их владельцами. И это происходит в середине 20 века! Вот отрывок из балкарской языческой песни посвященной *Чона*, исполнявшейся во время *Чонпай* (Священная пляска в честь Чоппа). Ее карачаевцы и балкарцы исполняли, прося подарить ребенка, уже будучи мусульманами:

Карачаево-балкарский текст:

Ойра, Чоппа, биз да юйюр болайыкъ,
 Ойра, Чоппа, чомарт сен,
 Ойра, Чоппа, къарангыбыз – жарыкъ эт.
 Ойра, Чоппа, сени байлыгъынг – тенгиз.
 Ойра, Чоппа, биз тилеген а – эгиз,
 Ойра, Чоппа, болуш сен!
 Ойра, Чоппа, Тейриден сора – сен Тейри...

Перевод:

Ойра, Чоппа, мы хотим семью создать,
 Ойра, Чоппа, щедрый ты,

⁹³ Шорские героические сказания. Москва–Новосибирск. 1998. с. 25

⁹⁴ Ibid. с. 425 – 429.

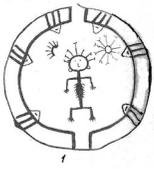
Ойра, Чоппа, мы во тьме, на свет нас выведи.
 Ойра, Чоппа, ты богат, как море.
 Ойра, Чоппа, нам же дай близнецов,
 Ойра, Чоппа, помоги!
 Ойра, Чоппа, после Тенгри – ты Тенгри...

Распевая подобные песни в честь бога *Чоппа*, балкарцы шли к священному дереву «Раубазы» или к камню-кумирне, так же как это происходило у гуннов. У карачаевцев также, как у балкарцев, почиталось дерево *Жангыз Терек* (Одинокое Дерево). Это была огромная многовековая сосна⁹⁵. Интересна песня, которую пели карачаевцы, обращаясь к *Жангыз Терек*, исполняя вокруг него танец, посвященный богу Чоппа⁹⁶. Об этой сосне русский исследователь Карачая сообщает: «...эти следы (язычества – А.Г.) обнаруживаются и у карачаевцев. В качестве примера укажем на почитание священного дерева – старой сосны, растущей на кладбище в Хурзуке. Эффендии и муллы, справедливо усматривая в этом почитании остатки язычества, охотно срубили бы это дерево, но не решаются этого сделать из боязни возмущения народа...»⁹⁷. Как это напоминает возмущение гуннов, когда по приказанию Исраила и Алфилитвера срубили священное дерево, которое росло «на громогласном кладбище Чопа»! К дереву «Раубазы» поклоняющиеся относились очень почтительно: ни в коем случае нельзя было срезать его ветви. Имя его не произносилось вслух. Особенно боялись этого женщины. «Раубазы» называли «Иман-Терек» («Дерево веры»). Балкарцы верили, что «Раубазы» могло причинить большой вред тем лицам, которые не почитали его или плохо отзывались о нем. Недаром у жителей селений Верхней Балкарии существовала поговорка: «Пусть моим защитником будет «Раубазы», а твоим – Аллах!». Никто не смел пройти мимо дерева, не оставив около него какие-нибудь приношения. Большие дары подносились обычно в праздничные дни. Кроме того, и в четверг многие жители отправлялись на поклонение к дереву, захватив с собой разные яства, кои после молитвы оставлялись внизу под ним или же подвешивались на него. Если

⁹⁵ В.М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении //СМОМПК. Тифлис. 1913. Вып. 43.

⁹⁶ Йохан Маттис. Грозовые божества черкесов и балкарцев и молния как явление //Аспекты культурной антропологии народов Кабардино-Балкарии. Нальчик. 2002. с. 18.

⁹⁷ И.С. Жукин. Материалы для изучения карачаевцев //Русский антропологический журнал. 1913. №1-2. с. 50.

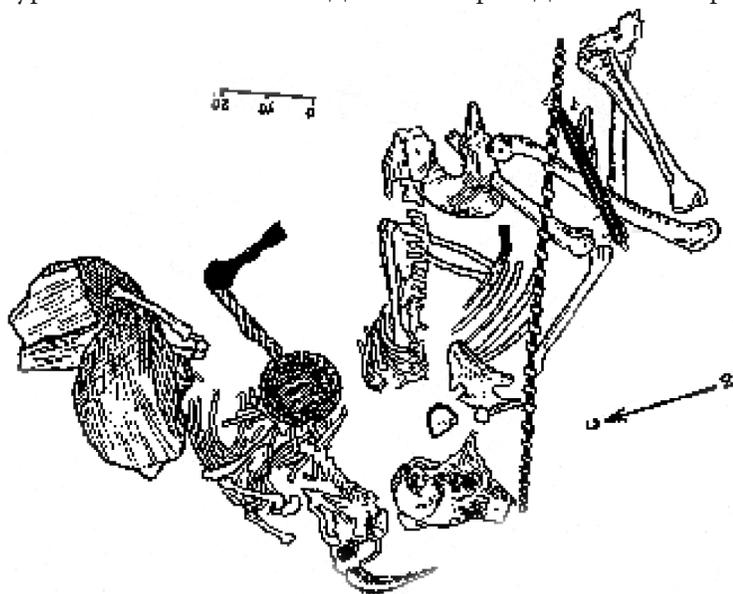

1. Кетский амулет.
2. Бубен алтайского шамана нач. XIX в.
3. Аланский амулет VII-VIII вв.

на следующий день эта пища исчезала, то считалось, что «Раубазы» приняло жертвоприношения и исполнит все просьбы жителей. Отправляясь на охоту, охотники оставляли «Раубазы» какие-либо подарки, чтобы охота у них была удачной. Так, например, когда происходил падеж скота, для его прекращения скот поили водой, настоянной на листьях «Раубазы». Больных оспой купали в воде, взятой из речки, протекающей недалеко от дерева. Если ребенок все же умирал, родители даже не горевали, утверждая, что «Раубазы» дал, он же и забрал его. Во время погони убегающий от смертельной опасности мог стать под его ветви, и никто не смел его тронуть, пока он стоит под ветвями *Раубазы*. Это правило беспрекословно соблюдалось всеми балкарцами. Жители Верхней Балкарии сообщали, что под деревом лежал большой камень. Девушки, возвращаясь из леса, где они собирали ягоды, обязаны были поделиться с деревом, отсыпав ему часть ягод. Грушевое дерево «Раубазы» почиталось балкарцами и как символ плодородия. Бездетные женщины, «одарив» дерево, обнимая его, просили избавить их от напасти. Перед свадьбой девушки, как правило, отправлялись к «Раубазы», где молились о будущем семейном благополучии. Под деревом находили приют и лица, умыкнувшие невесту. Жители с. Шаурдат защищали молодоженов, вступивших в брак без благословения, говоря: *«Ведь их обвенчал сам Раубазы»*. Дерево «Раубазы» считалось неприкосновенным. Это табу распространялось на всех лиц, кто искал защиты.

Исраилу было явно недостаточно нескольких месяцев, чтобы справиться с хазарским богом *Чоппа*. Только чрезвычайно почитаемый языческий бог мог так сильно раздражать христианского священника Исраила, что тот был готов сжечь все, что с ним связано. Теперь о том, что же он хотел сжечь. Думаю, ответ вновь содержится в отрывке из отчета Чурсина, приведенном нами выше. Скорее всего, речь шла о священных местах или камнях, где из жердей могли быть сооружены кумирни, возможно, даже с идолами. Не найдя более подходящего слова в христианизированном армянском языке, Исраил использовал

слово *гробница*. Здесь нужно отметить, что во многих древних языках слова «могила» («гробница») и «святыня» звучат и пишутся одинаково (достаточно вспомнить курьез с именем новой столицы Казахстана «Ак-мола»). Однако никаких противоречий я здесь не вижу. Их видят в тексте «Истории Агван» лишь совершенно не знающие этнографию карачаево-балкарцев ученые. Обратимся к тексту «Истории Агван». В нем читаем: «Тогда епископ и повелел срубить самое большое, посвященное скверному Аспандиату дерево – дуб, с пышной кроной, которому приносили в жертву лошадей и который окропляли кровью жертвы, а голову и шкуру ее вешали на ветви. Этот дуб был как бы главой и матерью всех остальных высоких, покрытых густой листвой деревьев, посвященных суетным богам...»⁹⁸. Это место точно передает и языческий обряд у карачаево-балкарцев. По сообщению ведущего научного сотрудника ИЭ РАН, доктора исторических наук М.Д. Каракетова, еще в конце XIX в. карачаевцы, принося в жертву богу *Чопна* лошадей, шкуры их вешали на ветви Джангыз Терек. Далее в «Истории Агван»

Расчищенный скелет жреца, погребенного вместе с ритуальным козленком. Погребение 226 Тлийского могильника (Северная Осетия).

⁹⁸ Мовсэс Каланкатуаци. История станы Алуанк. (пер. Смбатяна), с. 128.

читаем: «...прежде всего, должно быть сожжено громогласное **кладбище чопа**, называемое Даркунанд, руками этих уверовавших старших жрецов. Они должны пойти туда с проклятиями и сжечь [кладбищерощу], лишь после того они могут быть крещены и причащены...»⁹⁹. Интересно и название священного кладбища гуннов – *даркунанд*. В этом «необъясненном» слове ряд специалистов увидели карачаево-балкарское *дуркѳу* ‘загон для скота, огороженный плетеной оградой’, ‘горка’¹⁰⁰. Сохранился и языческий гимн: «Дуркѳу, дуркѳу, дуркѳу/Дуркѳу ичиндѳ кѳуба ѳгюз/Тура турду да, тас болду...»¹⁰¹. Однако, скорее всего, здесь мы имеем другое слово – *дыркѳы* ‘большая искусственная терраса’¹⁰². Древние кладбища у с. Хурзук (Карачай)¹⁰³ и у с. Шауурдат (Балкария), где росли священные деревья Джангыз Терек и Раубазы, как раз и представляют искусно сделанные террасы. Помимо «Раубазы» это кладбище у с. Шаурдат известно и многими другими интересными памятниками: каменный столб позора, квадратное в плане жертвенное сооружение, уходящее ступенями глубоко под землю, карта звездного неба, выбитая на большой каменной плите, и многое др. А в связи с крещением гуннов не могу не отметить недавнюю находку большого каменного креста в нескольких сотнях метрах от гуннского могильника в с. Хабаз (Балкария), где были обнаружены гуннские котлы¹⁰⁴. Этот крест я с коллегами доставил в Институт археологии Кавказа в г. Нальчике, где он и хранится. Как уже было отмечено, с культом *Чоппа* (*Чопай*) было связано и Священное дерево, а у карачаевцев также, как у балкарцев, почиталось дерево «Джангыз Терек» (букв. «Единственное (Несравненное) Дерево»). Это была огромная многовековая сосна¹⁰⁵. Интересна песня, которую пели карачаевцы, обращаясь к Жангыз Терек, исполняя вокруг него танец, посвященный богу *Чоппа*¹⁰⁶.

⁹⁹ Ibid. с. 131.

¹⁰⁰ КМТАС I 692.

¹⁰¹ Малкѳар поэзияны антологиясы. – Нальчик.1959. с. 97.

¹⁰² КМТАС I 706

¹⁰³ Еще остался живой пень этого дерева на старинном заброшенном кладбище в Карачае!

¹⁰⁴ В «Истории Агван» говорится: «Соорудив крест и снабдив его различными и чудесными украшениями, он установил этот крест для обетов и молитв восточнее царского дворца...» («История Агван», Гл. ХLI).

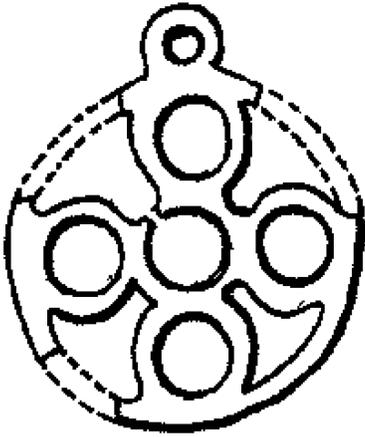
¹⁰⁵ В.М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении //СМОМПК. Тифлис. 1913. Вып. 43.

¹⁰⁶ Йохан Маттис. Грозные божества черкесов и балкарцев и молния как явление //Аспекты культурной антропологии народов Кабардино-Балкарии. Нальчик. 2002. с. 18.

Так что сжечь могли только жертвенные козлы из жердей. Гукасян об этом в своей статье не пишет. Не пишет об этом и М.И. Артамонов. Это объяснимо. Им и в голову не приходило, что необъяснимое слово *чопай* может быть напрямую связано с культовым деревом, растущим на кладбище. Центральным сюжетом главы ХLI «Истории агван» является то, что Израил приказал Алфилитверу¹⁰⁷ срубить огромное дерево, которому поклонялись хазары! Вот как это описывается в «Истории албан» в переводе Патканяна: *«Епископ приказал срубить старейшину и, так сказать, мать высоких дерев, которым приносили жертвы во имя суетных идолов и которым многие поклонялись в стране гуннов (хазар). Князь и дворяне почитали его спасителем богов, жизнеподателем и дарователем всех благ. Этим высоким густолиственным дубам поклонялись, как скверному идолу Аспандиату, принося ему в жертву лошадей; кровь поливали вокруг деревьев. Когда жрецы-чародеи, колдуньи и знахари услышали, что приказал срубить громадное и исполинское дерево, которое всех соблазнило и сокрушило, то они подняли вопль, рвали ворота и громко восклицали: «Как вы, зная, можете и смеете делать то, что противно нам, и враг богов наших вместе с вами срубает то дерево. Почему вы слушаете его и внемлете ему, разрушаете, разоряете, грабите капища кумиров наших, которых поставили отцы ваши, и вся страна наша поклонялась до сих пор и получила благие дары от идолов, капищ и от поклоняемых деревьев...»*¹⁰⁸. Сколь разительно это напоминает описанный выше случай, произошедший в Балкарии в конце XIX века, когда срубили священное дерево *Раубазы*! Таким образом, перед нами встает картина древнейших верований гуннов, которые сегодня сохранились в первоизданном виде лишь у карачаевцев и

¹⁰⁷ Алфилитвер, принявший христианство и женившийся на армянской принцессе, вскоре был убит. Хазары не простили ему срубленного священного дерева и посягательства на обычаи предков. Израил бежал из Хазарии. Вскоре после этого хазары вторглись в Армению и Грузию. Такого разгрома Армения не испытывала давно. Хазары обложили тяжелой данью Закавказские государства. Тюрки еще не раз будут жестоко расправляться с теми, кто будет насаждать среди них «новую» религию. Это четко уяснили евреи, много столетий жившие бок о бок на Кавказе с теми, кто их приютил во время жестоких гонений в «цивилизованных странах». Тюрки щедро платили евреям преданностью за их нейтральное отношение к религиозному вопросу, а тюркское оружие надолго пресекло такое явление как еврейские погромы на подвластных им территориях. Именно поэтому (и не только поэтому) Кавказ до сих пор остается единственным местом на земле, где нет антисемитизма и неприязни к евреям.

¹⁰⁸ Моисей Каганкатваци. История Агван. СПб. 1861.

Соляной амулет – символ бога-героя Тенгри с грубо выломанным внешним кольцом.

V-VI вв. катакомба 10а Гоуста.

балкарцев, прямых потомков тех гуннов, о которых говорит автор «Истории Агван»! Такое разительное сходство даже в деталях возможно лишь в том случае, если в обоих случаях речь идет об одном и том же народе. Лишь добавлю, что самое поразительное это то, что культ священных деревьев сохранился у балкарцев еще в 30-е гг. (!)

В 1936 году жители одного из кабардинских селений сообщили этнографу Л.И. Лаврову о том, что балкарцы еще недавно поклонялись какой-то березе¹⁰⁹. Авторы правильно отмечают, что кабардинцы со стороны стали свидетелями языческого культа поклонению Тейри, отмечая также, что именно вокруг березы совершаются тюрками Саяно-Алтая культы в честь Тенгри¹¹⁰. Небезынтересно привести сообщение русского офицера XIX века Д. Романовского о том, что «...следы язычества выражаются у горцев особенным уважением к некоторым заповедным роцам, в которых коснуться до дерева топором считается святотатством, а также жертвоприношениями в лесах, напоминающими древних друидов, и некоторыми особыми обрядами, соблюдаемыми при свадьбах, похоронах и в других случаях. Такие следы язычества встречаются у племен черкесских, осетинских, у чеченцев, и в особенности в тех обществах горцев, которые занимают верхние, наименее доступные уступы гор...»¹¹¹. Этот же хазаро-савирский культ дерева упорно почитался другим древним тюркским народом – караимами. Вспомним о священной роще караимов «Балта-Тиймез» («Да не коснется топор!») в Чуфут-Кале. Вот выдержка из одного любопытного исследования: «До наших дней дошел культ Священных Дубов родового

¹⁰⁹ Х.Х. Малкондугев. Древняя песенная культура балкарцев и караичевцев. Нальчик. 1990. с. 130-131, со ссылкой на: Л.И.Лавров. Этнография Кавказа. М. 1976. с. 112.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Д. Романовский. Кавказ и кавказская война. М. ГПИБ (по изд. 1860 г.). 2004. с. 108.

кладбища. Показательно название кладбища Балта Тиймез («Топор не коснется»). В конце прошлого века в Джуфут-Кале можно было видеть процессию, которая направлялась из кенаса на кладбище. Впереди газзан нес свитки Ветхого Завета. У дубов молили Тенгри о ниспослании дождя...». Далее в книге приводятся слова известного ученого, караима С. Шапшала: «Можно только удивляться, – писал С. Шапшал, – как само духовенство караимское строго и сурово боровшееся с остатками язычества, все же вынуждено было в угоду народу идти во главе его к этим дубам во время сильной засухи. Остатки древопочитания прямо указывают на унаследование караимами этого религиозного суеверия от своих хазарских предков...». Далее не менее интересные слова автора книги: «...Култ (дерева) никогда не афишировался, а периодами, к примеру, в годы советской власти, отправляли тайно. Эта тема запретна и поныне... Верующие болезненно реагируют на внимание к священным дубам и на пребывание в святилище посторонних... Поразительная живучесть культа. По древней традиции вот уже много веков караи стремятся хотя бы раз в году совершить паломничество и прикоснуться к Священным Дубам. И убеждены, что Тэнгри исполнит загаданные у дубов сокровенные желания...»¹¹².

IV. Гунны (савиры) на Востоке

Савирские племена не оставались лишь на Северном Кавказе. Археологический и письменный материалы говорят об их вторжении в Среднюю Азию, где они осели в Гиндукуше и стали известны под именем эфталитов. Здесь савиры установили безраздельное господство. Вот как описывает их древне-армянский историк, цитируя обращение к иранскому шаху, дерзнувшему идти войной на эфталитов: «В мирное даже время никто не смог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слышать о нем, не то что идти на него войной открыто...»¹¹³. После тщательных исследований источников Маркварт пришел к выводу, что северокавказские гунны (савиры) были тождественны эфталитам (белым гуннам).¹¹⁴ К такому же заключению пришла Н.В. Пигулевская, дотошно изучившая все источники о гуннах

¹¹² И.М. Коваленко. Священная природа Крыма. Киев. 2001. с. 64-65.

¹¹³ Лазарь Парпеци. История Армении.

¹¹⁴ Marquart. Die albulgarische Ausdrücke //Известия русского археологического института в Константинополе, т. XV; см. также: М.И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, с. 34.

Северного Кавказа и эфталитах. Р.Л. Манасерян отмечает: «Интересно будет отметить изыскания Н.В. Пигулевской, которые позволяют определенным образом осветить вопрос об этнической принадлежности племени, которое вторглось из-за Кавказа в страны Восточного средиземноморья в 395 г.¹¹⁵ Согласно Н.В. Пигулевской, в сирийском переводе «Жития» Петра Ивера они названы белыми гуннами, они же, по определению источника, «соседи иверов (грузин – А.Г.)».¹¹⁶ По мнению Н.В. Пигулевской, «свидетельство это имеет, конечно, выдающееся значение для установления географических пределов распространения именно белых гуннов».¹¹⁷ Согласно древним источникам, главная ставка эфталитов называлась *Бадиянь* (Бамиан в Афганистане).¹¹⁸ Интересно, что это название очень похоже на название одного из древнейших родов карачаево-балкарцев *Будиян*, а связь карачаево-балкарцев с савирами сегодня уже не вызывает сомнений. В связи со всеми этими фактами небезынтересно привести сведения китайских источников о происхождении эфталитов (кит. *эда*). По китайским источникам *эда* составляли отдельную ветвь юэчжей. По одной из версий, эфталиты происходят от юэчжей, а по другой версии – от уйгуров (гаогюй). Их первоначальное местообитание было у Алтая. В последствии они заняли Среднюю Азию.¹¹⁹ Эти факты имеют замечательное значение для выяснения происхождения эфталитов и подтверждают их северокавказские корни. Подтверждением тому является находка, известная под названием «Тугозвоновский князь» на реке Оби.

Становится понятным сообщение авторитетного автора Прокопия Кесарийского о том, что белые гунны не смешиваются с другими гуннами. Нет сомнений в том, что под другими гуннами понимаются кочевые племена Средней Азии и Поволжья, но не савиры и эфталиты. Все сообщения о савирах и эфталитах имеют одну важную особенность – и те, и другие выступают как оседлые народы в отличие от многочисленных кочевых народов Евразии. Здесь мы имеем давнее противостояние оседлых горцев и кочевников степи. Интересно, что и внешне савиры и эфталиты выступают как классические европеоиды, у которых к тому

¹¹⁵ Р.Л. Манасерян. Прииск Панийский и Павстос Бузанд о походе гуннов в Мидию // Христианский Восток. Т. 4 (X). Новая серия. М., 2006. с. 252.

¹¹⁶ Н.В. Пигулевская. Сирийские источники..., с. 37.

¹¹⁷ Ibid. с. 38.

¹¹⁸ А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л. 1951. с. 183.

¹¹⁹ Ibid.

же широко распространен обычай искусственной кольцевой деформации головы. Такие черепа особенно часто находят в горах Балкарии и Карачая. Тамги эфталитов находят свои параллели среди тамг народов Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы, абазины, кабардинские фамилии с тюркскими корнями) и особенно среди так называемых сарматских тамг Северного Кавказа II-III вв. н.э. Все это наводит на правильность выводов Маркварта и Пигулевской о северокавказском происхождении эфталитов, а также Мавродина об этнической связи карачаево-балкарцев с савирами. Если так, то в лице эфталитов мы имеем дело все с теми же савирами – северокавказскими гуннами.

V. Гунны и происхождение алан

Излагая савирский вопрос, нельзя не коснуться другого важного вопроса – происхождение алан. Весь имеющийся материал говорит о том, что происхождение алан нужно искать в среде все тех же северокавказских гуннов-савиров. Анализ материалов говорит о том, что название «алан» первоначально прилагалось к очень небольшой группе, расположенной в верховьях Кубани, в самом сердце нынешнего Карачая. Эта группа представляла собой некий духовно-рыцарский орден, основанный профессиональными воинами различного этнического происхождения, основу которого составили савиры. Я бы сказал, что здесь обосновались лучшие гуннские бойцы, которые и станут известны всему миру под именем аланов. В последствии община разрослась, и название «алан» превратилось в этноним. Именно поэтому гунны и аланы во всех источниках упоминаются вместе. Они всегда выступают плечом к плечу, и лишь однажды они были по разные стороны баррикад – на Каталаунских полях в 453 г., когда произошла битва между Аэцием и Атилией. Но это тоже объяснимо. Гунны Европы времен Атилии уже не были теми классическими савирами, которые в 370 г. выступив из Северного Кавказа, наполнили ужасом всю Европу. Это уже был конгломерат племен (германских, славянских, тюркских). Это все объясняет странную на первый взгляд характеристику алан, данную Аммианом Марцелином, который говорит о том, что аланы во всем похожи на гуннов, но только более культурны и имеют более мягкий нрав. «Более мягкий» нрав алан – это как раз то сдержанное поведение рыцарского сословия, благородство алан, которое часто отмеча-

ют многие античные авторы. Все это продукт того самого рыцарского ордена, ибо известно, что любое такое образование начинает свою деятельность с принятия «Кодекса чести рыцаря». Здесь лишь еще раз процитирую А.Н. Бернштама: *«Судя по тому, что аланы были такими же, как и гунны, кочевниками (скотоводами – А.Г.), можно предполагать, что часть из них включилась в гуннскую орду, другая часть передвинулась к югу, на Северный Кавказ, где следы их сохранились, вероятно, в сабирах, а до наших дней среди племени осетин, возможно, в дигорах...»*¹²⁰. Утвердившаяся теория ираноязычности алан не позволила ученому тогда прямо назвать аланов и гуннов единоплеменниками и по сути одним народом. Этот тезис о происхождении алан я пока выдвигаю как рабочую версию и озвучиваю для того, чтобы «запустить» новые нетенденциозные исследования, особенно среди нового поколения ученых. Данной теме я посвятил главу в моей отдельной монографии *«Аланы и этногенез карачаево-балкарцев»*, которая готовится к публикации.

К сожалению, рамки доклада не позволяют привести всего накопленного материала. Я лишь хотел привлечь внимание коллег к необходимости нового подхода к древней и средневековой истории Восточной Европы в целом. Чем скорее это произойдет, тем больше ошибок прошлого мы исправим.

¹²⁰ Ibid. с. 148.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Анучин Д.Н. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России //Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1887. Т. 49, вып. 4. с. 367-414.

Батчаев В.М. Гуннский котел из селения Хабаз //СА, 1984, №.1.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л. 1951.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л. 1940.

Бобин В.В. Об искусственной деформации черепа //Сборник, посвященный 60-летию проф. П.О. Исаева. Алма-Ата, 1958. с. 7-10.

Бобин В.В. Искусственная деформация черепа //Труды 6-го Всесоюзного съезда АГЭ. Киев, 8-14 июля 1958 г. Т. 2. Харьков: Медгиз, 1961. с. 557-558.

Гмыря Л. Обряд вызова дождя в стране гуннов Прикаспия в VII в. н.э. по данным армянских и арабских источников //Древнетюркский мир: история и традиции. Казань. 2002.

Гумилев Л.Н. Хунну. М. 1960.

Гудмунд Х. Искусственное формирование головы у скандинавских лапландцев // Сборник музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии Наук. Том III. Пг. 1916. II, XVI.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильниках эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА, 1979, №4.

Жиров Е.В. Об искусственной деформации головы //КСИИМК. Вып. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1940. с. 81-88.

Жиров Е.В. Разновидности брахикефализации //КСИИМК. Вып. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1941. с. 63-74.

Жиров Е.В. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 10. М., 1949. с. 266-272.

Зальцберг И.И. К вопросу о строении и деформации черепов (по Р. Вирхову) // Русский антропологический журнал. 1902. №2. с. 91-93.

Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л. 1975.

Иловайский Д. Вторая дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1902.

Иностранцев К. Хунну и гунны. Л. 1926.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-минусинской котловины. М.1960.

Левин. М. Деформация головы у туркмен //Советская этнография. Сборник статей. Вып. VI-VII. М.-Л. Изд-во АН СССР 1947.

Пятышева Н.В. К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии //Археологические исследования на юге Восточной Европы. Сборник научных статей. ГИМ. М. 1974.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л. 1962.

Рычков Ю.Г. О деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми //Краткие сообщения ИЭ АН СССР. Вып. 27. 1957. с. 64-68.

Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1956. № 64.

Сперанский В.С., Зайченко А.А. Морфологические особенности черепов с искусственной деформацией //Влияние антропогенных факторов на морфогенез и структурные преобразования органов: Материалы Всероссийской конференции. Астрахань, 1991. с. 145.

Трофимова Т.А. Изображение эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности //История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. с. 179-188.

Ходжайов Т.К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности //Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1966. №4. с. 60-67.

Ходжайов Т.К. К антропологии кочевого населения античного Заравшана //Общественные науки в Узбекистане. 1983. №11. с.36-39.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа //МАК, 1900, вып.VIII.

Яцута К.З. Об искусственно-деформированных черепах на Юго-востоке России //Известия Донского госуниверситета. т. 5. 1925. с. 70-76.

Яцута К. К вопросу о технике изучения черепов //Сборник музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при ИАН. Том III. Пг. 1916. II, XVI.

Anges S. Deformations cephaliques de l'ancien Perou //Rev. stomatol. 1974. т.75, № 2. pp.333-337.

Grupe G. Zur Variabilitat der Diplostrukturen ethnisch deformierter Schadel //Z.Morphol. und Anthropol.- Natur. und Mus. 1982. Bd. 73, H.2. S.157-173.

Czegledy K. Kaukazusi hunok, kaukazusi avarok. (Huns et Avars du Caucase). Antik Tanulmanyok, II, Budapest, 1955.

Grupe G. On diploic structures and their variability in artificially deformed skull// J. Hum. Evol.- 1984. Vol. 13, № 4. pp. 307-309.

Grupe G. Die Rolle des Blutgefasssystems bei der Schadelmorphogenese am Beispiel ethnisch deformierter Schade //Sonderforschungsber.230. Natur. Konstr. Leichtbau Archit. und Natur. Univ. Stuttgart und Tubingen. 1986. Bd. 13. S. 81-86.

Koenigswald von G.H.R. Skelettkult und Vorgeschichte. 6. Deformierte Schadel und Schrumpfkopfchen// Natur. und Mus. 1979. Bd.109, H.3. S. 65-69.

Ozbek M. Etude de la deformation cranienne artificielle chez les chalcolithiques de Byblos (Liban): Modifications cosecutives sur le crane// Bull. et mem. Soc. anthropol. Paris.- 1974. T.1, №4. pp.455-481.

Plourde A.M., Anton S.C. Craniofacial compeusation in artificially deformed children`s crania// Amer. J. Phys. Anthropol. 1992. Suppl. №14. pp.132.

Pray G. Annales veteres hunnorum, a-varum et hungarorum, ad anno ante natum christum ccx. Ad annum christi cmxcvii. Vindoboane (Wien), Georg Schulz, 1761.

Pucciarelli H.M. The influence of experimental deformation on neurocranial wormian bones in rats// Amer. J. Phys. Anthropol. 1974. Vol. 41, №1. pp. 29-37.

Soto-Heim P. Deformation cranienne artificielle dans l'Iran ancien //Bull. et mem. Soc. anthropol. Paris. 1986. T.3, №2. pp.105-116.

Werner J. Beitrage zur Archaologie des Attila- Reiches.Munchen. 1956.

И.И. Ханмурзаев
г. Махачкала

КУМЫКСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ (СЫН ТАШ)

Страсть к приумножению увлекает вас,
пока вы не посетите могилы¹.

Коран 102:1,2.

Научное значение изучения надгробных надписей и кладбищ определяется несколькими факторами. Во-первых, они дают исследователям важный биографический материал – даты смерти (реже даты рождения) человека. В условиях, когда первая перепись населения у кумыков была проведена после присоединения Дагестана к России, в 1886 г. данные текстов надгробий становятся чрезвычайно важны и зачастую уникальны. Ведь у нас не велись метрические книги, как это было заведено в церквях России и Европы. В этих книгах велись записи дат рождения, крещения и смерти прихожан, а также приводилась и другая информация. Во-вторых, изучение надгробных надписей представляет несомненный историко-культурный интерес. «Всякий мемориал в момент его создания – свидетельство понимания взаимосвязи настоящего с прошлым людьми определенного времени и социального (точнее – социокультурного) положения, – пишет С.О. Шмидт. – Память – основа не только культуры, но и мировосприятия, и именно сбереженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений. <...> Поэтому кладбище (и его состояние) становится для историка источником понимания общественного (и религиозного) сознания и системы символов культуры не только тех лет, когда

¹ Перевод Кулиева Э.

жили похороненные там люди, но и времени жизни их потомков»².

И наконец, не менее важен и актуален нравственно-патриотический аспект изучения эпитафий.

Причудливые переплетения арабской вязи, вырезанные на камнях, завораживают, притягивают взор. Несмотря на короткий и лаконичный текст эпитафий, их значимость как исторического источника очень велика. Главная их особенность состоит в том, что они дают представление о духовной и материальной культуре наших народов. Как отмечает Мухаметшин Д.Г., в них отражена память людей, многовековая память истории³. Помимо информации, лежащей на поверхности (имена предков, даты жизни), эпитафии при внимательном изучении могут также помочь раскрытию некоторых пробелов в истории и культуре наций.

Термин, обозначающий каменный памятник, называется по кумыкски «сын таш», употребляется также словосочетание «таш белги».

Наиболее распространенный тип надгробных памятников, встречающихся в Кумыкии, представляет собой вертикально установленную каменную плиту. Хотя встречаются и горизонтально расположенные плиты (Кяхулай, Дербент). Высота надгробий различная, колеблется от 0,2 м до 3 м., ширина от 0,2 м до 0,7 м., а толщина от 0,1 м. до 0,4 м. Высота обычно зависит от знатности, родовитости и богатства, чем выше социальный статус, тем выше и богаче оформлен памятник, хотя это не всегда обязательно. Нам попадались надгробия представителей феодальной верхушки, которые были средних размеров и довольно скромно оформленные (Эндирей, Кяхулай). Надгробия от 0,3 до 1,2 м обычно устанавливались детям.

Представителям аристократической знати мог быть установлен также каменный парапет – шардыван, представляющий собой две скобообразные каменные плиты, горизонтально уложенные и обхватывающие могилу по периметру.

Для изготовления стел чаще всего применяется мелкий ракушечник, добываемый, как правило, на таркинских каменоломнях. Встре-

² Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана. М, 1991. Вып. 1. С. 9-11.

³ Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское книжное изд-во, 1987. с. 128.

чаются и отесанные валуны (Муцалаул). В предгорных районах употреблялся горный камень. Нередко употреблялось дерево, вероятно, когда у покойного не было никаких родственников, либо по причине крайней бедности. Выбор материала также часто зависел от материального достатка семьи усопшего.

По внешнему виду надгробных памятников (сынташлар) можно определить, кто похоронен. Обычно мужские надгробные памятники имели шарообразную или прямоугольную форму, а женские плиты имели округленную верхнюю часть. Из орнамента чаще всего бывал растительный мотив.

Особенностью мужских надгробных памятников является их антропоморфизм. Явно выделяется голова, шарообразной или цилиндрической формы, конусообразная шея, покатые плечики и туловище. На голове, если человек был хаджи, имелись бороздки, символизирующие чалму. Мы полагаем, что этот тип каменных плит генетически восходит к «каменным бабам» тюрков - «балбалам». Таким образом, здесь происходит синтез доисламских, тюркских и мусульманских традиций. Надо сказать, что «балбалы» довольно часто встречались раньше на обширной территории Евразии и в Дагестане в частности.

Надгробия устанавливаются в соответствии с мусульманскими канонами лицевой стороной ориентированной на Восток. На поверхность лицевой стороны наносится орнамент и надписи. Тыльная и боковые стороны обрабатывались обычно реже.

Язык текстов эпитафий в подавляющем большинстве своем арабский. Арабская письменность использовалась на эпитафиях вплоть до 50-х годов XX века. Тексты эпитафий оформлялись рельефными или врезанными (углубленными) буквами и выполнялись почерками сульс, насх, куфи и т. д. Надписи бывают выполнены как по горизонтали, так и по вертикали.

Часто на ограниченном пространстве мастера пытались отображать как можно больше информации. Это заставляло камнерезчиков в целях экономии пространства, послойно вырезать ряды арабских слов. В итоге получался узор, состоящий из причудливых переплетений, завораживающих и притягивающих взор, но разобрать, где начинается фраза и где она заканчивается, а зачастую и что это вообще за фраза, было нелегко. Чтение таких надписей на камнях порою бывает крайне затруднительно даже для владеющих арабским языком. Для этого необходимо иметь

определенный опыт и навыки чтения, а также разбираться в особенностях письма на твердых предметах, на камнях в частности.

Содержание текста эпитафий, как правило, стандартно. Тексты изученных нами эпитафий имеют следующую структуру:

1. Религиозная формула.

Чаще всего таковой служит какой-нибудь аят из Корана или текст хадиса. Наибольшее распространение имеют выражения: «Все, что на ней (земле), тленно, останется вечно (лишь) лицо Господа твоего, обладателя величия и почтения», «Он вечный, который не умрет», «Всякая душа вкусит смерть». Некоторые эпитафии после этого пункта могут содержать стихи известных поэтов морально-назидательного характера: «Мир (есть) всего лишь ночь (перед вечностью)».

2. Слова или словосочетания, передающие понятие смерти, типа: «умер» (مات، توفى), «переселился» (ارتحل), «отошел» (из преходящего мира в мир вечности) (انتقل), «отошел из преходящего мира в мир вечности» или «Из мира бренного переселившись, в мир вечности ушел» (قد انتقل من دار الفناء الى دار البقاء), «перешел (из преходящего мира в мир вечности) к милости Всевышнего Аллаха» (انتقل الى رحمة الله تعالى).

Вместо вышеуказанных слов или словосочетаний могут употребляться также слова: камень (حجر), могила (قبر), гробница (ضريح), ложе (روضة), сад (مرقد) в сочетании с указательным местоимением «это» или без него.

3. Слова, обозначающие покойного. К ним относятся: покойный (المرحوم), прощенный (المغفور), погребенный (المدفون), нуждающийся в милости Всевышнего Аллаха (تعالى المحتاج الى رحمة الله). Человек умерший насильственной смертью: убитый (المقتول). Умерший от болезни (чума, холера) (والطاعون المرحوم المسبل بالوباء).

4. Имена, титулы, родословная, а иногда и нисба покойного. Титулы обычно сопровождалась эпитетами (благородный, достойный, похвальный). Шамхал (شمخال، شمخان، شوخال), князь (امير), достойный ученый (العالم الفاضل) и др. Здесь же указывалась информация о том, что покойный являлся паломником (الحاج).

Данный компонент может быть кратким или же относительно развернутым. Обычно приводится имя покойного и имя его отца, реже имя деда и прадеда. Более подробная надпись обычно встречается у людей знатных, представителей феодальной верхушки. В качестве примера приведем

памятник на кяхулайском кладбище: «Всякая душа вкусит смерти. Умер князь (الامير) Албёрю сын Касимбека сына Албёрю сына Махди Шамхала. 25 Раджаба 1334 г.х. (28 мая 1916 г.)»

5. Формулы благопожелания. Наиболее часто встречаются изречения: « Да простит их обоих Аллах » и его различные вариации.

6. Дата смерти (по хиджре). Обычно она выражается цифровыми обозначениями, хотя в более ранних памятниках встречаются и словами. Как правило, обозначается год. Некоторые эпитафии содержат весьма подробную информацию - месяц, день, а иногда даже и дни недели. С начала XX в. наряду с датой по хиджре начинает употребляться григорианская дата, а также появляются даты рождения.

Необязательно, чтобы памятники содержали все вышеперечисленные пункты. В отдельных случаях структура может меняться, могут отсутствовать те или иные компоненты, а также допускается смена порядка следования, так, например, дата может стоять на первом месте. Как самый минимум содержатся пункты 2, 5, 6. Например, плита в с. Генжеаул Хасавюртовского р-на: «1299 г.х. (23 ноября 1881 – 12 ноября 1882) Костек сын Назира».

Специфической особенностью кумыкских надгробных памятников является наличие на них рисунков. «Характерным для орнаментации кумыкских надгробий, - отмечает Дебилов П.М. - является также изображение на поверхности памятника различных предметов». Вероятно, желая оставить потомкам хоть какую-то информацию о предках, на плитах создавались рисунки, обозначающие род деятельности покойного.

На мужских надгробиях изображались конь, гребень для расчесывания коня, кинжал, сабля или шашка, пистолет, ружье, пороховница, патронташ, кнут, обувь (чаще всего сапоги). На надгробных памятниках более раннего периода, до XIX в., изображались лук, стрелы, колчан, щит, копьё. Если это был набожный человек, то изображались четки, трость, кувшин для омовения. По сообщениям информаторов-стариков на плитах людей, погибших насильственной смертью, наносились насечки.

Фото с мужского надгробия в п. Кяхулай⁴.

Фото с мужского надгробия в п. Кяхулай⁵.

На некоторых антропоморфных могилах, если покойный совершил хадж, на голове изображали стилизованную чалму, хотя это бывало не всегда. Чаще бывали надписи типа: «паломник обеих святынь такой-то».

На женских могилах изображались зеркала, кувшины, сундук, ножи, чарыки, иголки, ювелирные украшения (серьги, браслеты, ожерелья) и т.д.

Правящая верхушка имела свои кладбища, куда не допускалось погребение простого люда. Это вышеупомянутые «шамхальские» кладбища (например, в селах Тарки, Казикумух). Однако имеются

⁴ Фотографии из личного архива автора статьи.

⁵ Фотографии из личного архива автора статьи.

прецеденты захоронения некоторых представителей княжеского сословия вблизи особо почитаемых мусульманских мест, таких как зияраты святых. В Тарках, например, некоторые представители этого сословия похоронены недалеко от могилы известного святого Али ал-Багдади. Представителям феодальной верхушки устанавливались огромные, изящно оформленные плиты. «Эпитафии являлись самовыражением привилегированности знати, демонстрацией своей знаменитости»⁶. Если же в селе не имелось отдельного кладбища для правящей верхушки, они хоронились на общем кладбище, но, как правило, обособленно (Аксай, Дженгутай, Костек, Уллубий-аул, Эндирей и др.).

Тексты эпитафий, кроме имен и даты, могут содержать также упоминания об исторических событиях. Например, надгробный памятник в Муцалауле имеет следующую надпись: «Убитый в битве с неверными в 1211 г.х. (1796/97 г.) Арслангерей сын Азнаура. Да простит их обоих Аллах» и другие интересные исторические сведения. Кроме того, эпитафии часто содержат материал об истории заселения края. По ним можно проследить маршруты миграций населения. В случае если покойные были не из числа местных жителей, в надписях указывалось место их рождения (нисба). Например, надгробный камень 1892 г. был воздвигнут жителю села Доргели прибывшему в Кяхулай, 1859 г. – уроженцу села Дженгутай поселившемуся в Тарках, 1848 г. – прибывшему из села Казикумух в Эндирей, 1900 г. – из селения Какашура. Являясь историческими документами XVIII-XX вв., эти надписи на надмогильных камнях повествуют о том, что на данном отрезке времени в Тарки, Эндирей, Кяхулай прибывал поток населения со стороны окружающих сел.

Помимо явной информации об именах предков, дат жизни и смерти, исторических событиях, изучение эпитафий может дать косвенный материал по истории возникновения, например, данного населенного пункта. Изучение кладбищ конкретного населенного пункта позволяет установить хронологические рамки его основания. Как правило, село не может быть основано ранее времени установления на его кладбище первых надгробий. Словом, они являются бесценным историческим источником, хранилищем исторической памяти. Через

⁶ Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское книжное изд-во, 1987. с. 128.

них можно проследить ступени этнической истории, этногенеза кумыков, отдельных сел и хуторов региона, жизни и общественной деятельности легендарных личностей края.

Некоторую информацию можно почерпнуть также из расположения памятников, например, можно определить в каких родственных отношениях состояли покойные друг к другу. Тут необходимо отметить стремление (тенденцию) хоронить близких родственников рядом друг с другом. Если рядом находится надгробие женщины, которая не приходится похороненному дочерью или сестрой, то с большой долей вероятности можно предположить, что последняя являлась его супругой.

На кладбищах в основном преобладают мужские памятники, особенно это проявляется на Кумыкской равнине. Это можно объяснить дороговизной камня, а точнее дороговизной его обработки. Скорее всего, плиты ставили мужьям как главе семьи и хозяину, а женам, которые хоронились рядом, ставились надгробия из дерева. Автор помнит деревянные надгробия на кладбищах, они естественно сгнили с течением времени.

«Своеобразным видом художественного и культурного наследия Востока является архитектурно-декоративная резьба по камню, в том числе эпиграфика».⁷ Помимо исторической ценности памятники привлекают нас как произведения народного творчества. Способ обработки камня, орнаменты, рисунки, символы являются частью духовной и материальной культуры кумыкского народа.

Большинство надмогильных памятников Кумыкской равнины орнаментально небогато оформлены. Чаще всего они представляют собой гладко отшлифованные каменные плиты без украшений, за исключением надписи⁸.

Наиболее орнаментально богато украшенные надгробия ставились правящей верхушке, военной и торговой аристократии, служителям культа. Некоторые из исследованных надмогильных стел поистине являются художественными произведениями. Орнаментом покрываются плоскости боковых граней памятника, а иногда и шарообразная поверхность головки памятника и его шейка.

Мастера-камнерезы Кумыкской плоскости конца XVIII – начала XIX вв. придерживались определенной традиционной схемы. Компо-

⁷ Ibid.

⁸ Дебиров П.М. К истории искусства резьбы по камню у лезгин и кумыков. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.3. №123. С. 34.

ненты орнаментального сюжета были общепринятыми и во многом были сходны по всему Дагестану. «Композиция украшения надгробия строится сравнительно свободно; его схема зависит не столько от форм контура силуэта украшаемой поверхности, сколько от творческого замысла отдельного мастера-камнереза»⁹.

С конца XIX века мастера-камнерезы Кумыкии применяют раскрашивание высеченного на камне узора. «Применяя многокрасочную расцветку, они стремятся лучше оттенить высеченный рисунок, не теряя равновесие, гармонию в сочетании различных цветов».

Весьма примечательно, что, как заметил Дебиров П.М., мотивы орнаментов надмогильных памятников и войлочных узорчатых ковров «арбабашей», производимых на Кумыкской плоскости, идентичны.

Значительную смысловую нагрузку несут и символы, изображенные на надгробиях. Эти символы могли служить показателем социальной значимости личности, в честь которой сооружались надмогильные плиты. Один символ особо привлек наше внимание. Символ этот изображен на большинстве памятников, установленных представителям правящего класса, символизируя собой подобие атрибута власти. Большое количество памятников с этим символом сохранилось в Тарках, в селении Казикумух – горной резиденции кумыкских шамхалов, в Казанище, в Бойнаке, в Мехельте, Телетле. Этот символ представляет собой миндалевидный, а точнее каплеобразный знак с розетками (встречается вариант без розеток).

«Эта фигура, – пишет об этом знаке Дебиров П.К. – напоминает грушеобразный медальон, заполненный растительными формами, который является неотъемлемым компонентом декора казикумухских надмогильных памятников, установленных на могилах шамхалов»¹⁰. Шихсаидов А.Р. так описывает этот знак, именуя его в дальнейшем «шамхальской» эмблемой: «шамхальская эмблема в виде каплеобразной фигуры с двумя розетками по бокам»¹¹.

Символы эти везде, где бы они не находились, одинаковые, с незначительными вариациями. При сравнении нетрудно заметить большое внешнее сходство между ними, которое указывает на общность исто-

⁹ Ibid.

¹⁰ Дебиров П.К. К истории искусства резьбы по камню у лезгин и кумыков. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.3. №123. С.40.

¹¹ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. М.: «Наука», 1984. С.305-307.

рических истоков и цивилизационно – культурного происхождения указанных атрибутов власти. Их невозможно спутать – все они каплеобразной формы. По причине того, что эти символы изображались исключительно только на памятниках представителям шамхальской династии, за ними закрепилось название «шамхальская эмблема».

Примечательным фактом является и то, что для подкрепления посланий и писем некоторыми представителями шамхальской династии использовались перстневые печати аналогичной каплеобразной формы. Данные обстоятельства натолкнули нас на мысль о том, что данный символ мог использоваться представителями этой династии как отличительный знак, указывающий на принадлежность обладателя этого символа к определенной социальной группе. В данном случае принадлежность к шамхальской семье.

Однако печати каплеобразной формы не были исключительным явлением у шамхалов в Дагестане и Чечне. Печати такой формы встречаются и за пределами Северного Кавказа. О перстневых печатях этой формы пишет Усманов М.А. в своей работе. После анализа многочисленных источников он приходит к выводу, что перстневая печать характерной миндалевидной формы служила удостоверением личности всех членов династии Джучидов¹².

Детально изучив большое количество данных о миндалевидных по форме печатях династии Гиреев в Крыму, а также других чингизидов в Средней Азии, Казахстане, автор не обнаружил ни одного факта употребления этой формы печатей тюрко-татарскими вельможами, саванниками не чингизидского происхождения. «Их печати могут иметь прямоугольную, квадратную, круглую, овальную, словом, любую форму, но только не миндалевидную» констатирует он. Миндалевидная же печать «была монопольной собственностью всей династии»¹³.

В качестве примера, подтверждающего этот вывод, он приводит рассказ об исключительном факте нарушения порядка. Рассказывая об особо близких отношениях Руктемира Ширинского с Токтамышем, говорится следующее: «сверх прочих почестей, «хан уполномочил его, Руктемир-бея, во всем его ханском правлении участвовать, пожаловал его в том грамотою с тем, что без воли и согласия

¹² Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса Казань: Издательство Казанского университета, 1979, С.170–171.

¹³ Ibid.

Ширинского-бея никакие важные государственные дела не начинались и не оканчивались, почему Ширинский-бей считался хану товарищем, для чего жалован от хана вензелем, каковой сам он хан имел, печатью, называемой по-татарски бадеми мугр, следующего изображения... (дано характерное изображение; бадам – миндаль – М. У.), каковой печати более никто из беев не имел»¹⁴.

Таким образом, принадлежность миндалевидной перстневой печати царствующей династии Джучидов подтверждается полностью. «Ее функцией является удостоверение личности, независимо от занимаемой должности, ранга»¹⁵. Использование этих атрибутов посторонними лицами, не потомками Джучи¹⁶, строго каралось.

Шамхалы, вероятно, решили отображать этот символ династии также и на надгробиях. Символ здесь тот же, но ставится он на другом материале (см. рис. 1,2)¹⁷.

На основе вышеизложенных фактов мы вправе выдвинуть предположение о том, что и представители шамхальского дома, где бы они не находились, будь это в горах на территории ныне аварских, даргинских, лакских, лезгинских, чеченских районов или на территории Кумыкской равнины, являются потомками Джучи. Члены этой династии приходились друг другу кровными родственниками пусть даже и дальними. Тем более, что имеющиеся местные исторические источники, подтверждают это предположение. Например, автор хроники «История Маза» прямо пишет об этом «Эти куймукские султаны – потомки того шамхала, которого эмир Чубан поставил среди них, [избрав его] из числа своих близких. Они – ветвь ханско-хаканских поколений»¹⁸.

Внимание привлекает фигура, изображенная внутри миндалевидного знака: среди переплетения прямых и кругов просматривается шестиугольник – знак Давида. Что хотели этим показать мастера? Является ли это простым совпадением, мы пока не знаем. Не хотели ли они этим показать преемственность власти на этой территории?

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Джучи – старший сын Чингиз-хана, первый правитель Улуса Джучи (1224 – 1227).

¹⁷ Рисунок с фотографий надгробий выполнил студент ДГПУ Заирханов М.З.

¹⁸ Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 116, 118, 119. См. там же «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи С. 101.

Фигуры эти также удивительным образом напоминают фигуру хазарского медальона. Возможно, эти фигуры генетически связаны друг с другом. Как известно, правящая верхушка хазар была иудеями. Очевидно, предки шамхалов каким-то образом **были связаны и с хазарскими каганами**. Вполне возможно, симбиозом этих двух фигур они хотели передать потомкам именно эту мысль.

Рис. 1. Вариации шамхальской эмблемы на могиле Муртазали.

Рис. 2. То же на могиле Месей шамхала сына Махди дочери Адильгереев шамхала.

На изученных нами плитах более позднего периода (вторая половина XIX в.) эти фигуры встречаются гораздо реже. Это, очевидно, можно объяснить тем, что идет постепенное заужание традиции. Мастера – камнерезы, да и сами представители этого рода могли позабыть смысловую нагрузку этого символа.

Это ещё один пример иллюстрирующий то, как эпитафии при соответствующем подходе могут помочь в восстановлении истории.

Привлекает внимание то, что на старых кладбищах имеются большие пространства без надмогильных памятников, и лишь просевшая земля указывает на наличие здесь некогда погребений (Аксай, Тарки,

Эндирей, Хамаматюрт). Это можно объяснить тем, что в 30-40 гг. XX в. в первые годы советской власти, многие надгробия были варварским образом разрушены и демонтированы. Это делалось под предлогом нужд народного хозяйства. Каменные плиты шли для строительства под фундамент зданий. Большое количество надгробий таркинских кладбищ использовались для постройки канализации Махачкалы. Этими действиями был нанесен невосполнимый ущерб истории и культуре кумыкского народа. Эти действия являлись не иначе как попыткой стереть историческую память народа. Ибо историческая манкуртизация начинается тогда, когда потомки начинают забывать имена своих предков.

Рис. Хазарский медальон.

Покосившиеся, заброшенные надгробия как будто с укором глядят на нас. Они – «немые свидетели давно прошедших времен и надежные источники, в большинстве своем единственные, в деле восстановления... древней и средневековой истории края...»¹⁹. Изучение старых кладбищ дает ценнейший материал для демографических, социологических, культурологических и иного рода исследований кумыкского общества. Дает возможность прояснить такие аспекты, как круг профессиональных занятий, социальный статус, культурный кругозор, этническое и религиозное сознание населения Кумыкии. Они являются, образно говоря, страницами переписи населения, выполненными в камне и оставленными нашими предками нам в качестве аманата²⁰, изучение которого представляет исключительно важное значение как важного исторического источника. Нашей обязанностью является бережно их хранить и изучать.

Отношение к кладбищам является индикатором нашего отношения к истории нашего народа и к памяти предков.

¹⁹ Казаков Е.П. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань, 1987. С. 3.

²⁰ Аманат – вещь, оставляемая на хранение, забота о которой предписывается мусульманину религией.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Дебиров П.М. К истории искусства резьбы по камню у лезгин и кумыков. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 3. №123.

Казаков Е.П. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татарское книжное изд-во, 1987.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. М.: «Наука», 1984.

Б.А. Глашев
г. Нальчик

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЯХ О КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦАХ В ДРЕВНИХ ИСТОЧНИКАХ

Карачаево-балкарцы - древнейший тюркоязычный народ, живущий в настоящее время в предгорьях и ущельях Центрального Кавказа. Наиболее близкие языки к карачаево-балкарскому – кумыкский, караимский, крымско-татарский, крымчакский. Из мертвых языков к карачаево-балкарскому языку чрезвычайно близки языки армяно-кыпчакских документов XVI-XVII вв., язык юридических документов Золотой Орды и чагатайский язык. Самоназвание карачаево-балкарцев: алан, таулу, малкар, карачайлы. Соседи же называют их так: сваны – *савир (савиор)*, осетины – *аси (ассон)*, мегрелы – *алани*, абхазы – *азухо (асы)*, грузины – *басиани*.

Карачаевцы и балкарцы считают себя единым народом с общими языком и культурой. Предками своими признают аланов и асов, чьи этнические корни уходят в древнейшие скифские времена. Изолированность в горах позволила им сохранить древний язык, народные предания, древние танцы и обычаи, а также исторические хроники. О том, что карачаево-балкарцы - древнейший народ Кавказа, свидетельствуют многочисленные факты – лингвистические, исторические и археологические. Однако ряд авторов считает, что самым древним упоминанием о карачаево-балкарцах является сообщение Иоанна де Галонифонтибуса. В 1404 году архиепископ персидского города Султания Иоан де Галонифонтибус написал сочинение «*Книга познания мира*», в которой он описывает свои поездки по различным странам

и по Кавказу, где он сообщает о том, что карачаевцы имели свою письменность.¹ О балкарцах же принято считать, что первое летописное сообщение содержится в надписи на Цховатском кресте XIV-XV в., которая сообщает о том, что грузинский священник Ризия Квенеповели находился в плену у басыан (балкарцев) и был выкуплен из этого плена на деньги церкви². Однако отсутствие этнонима «балкарцы» и «карачаевцы» в памятниках более раннего периода не означает того, что о карачаево-балкарцах не сообщается в этих ранних источниках. При этом без должного анализа остаются другие источники: легенды, язык, исторические хроники, этнографические данные. Нужно сказать, что, например, колоссальный исторический материал общетюркского значения можно почерпнуть в карачаево-балкарских легендах и мифах. В этих мифах, например, можно найти упоминание о прародительнице скифов – змееногой царице³. Многие другие факты, сообщаемые Геродотом, дожили до наших дней только у карачаево-балкарцев. Например, сообщение о скифском котле Арианта. Примечательно, что такой котел огромных размеров еще в XIX в. стоял у скотного двора Абаевых в с. Верхняя Балкария. Он назывался «*Тайнокъ къазан*» (*тайна* – племя, *окъ* – стрела), и в него с головой помещался жеребенок и много овец (Sic!).

Но начнем с археологических памятников, ибо письменные источники нельзя рассматривать в отрыве от археологического материала, тем более, что тот археологический материал, который обнаружен за последние 20 лет, подтверждает, что сообщение о гуннах (савирах) в древних армянских и албанских источниках есть сообщение о карачаево-балкарцах («История Агван» Моисея Каганкатваца⁴ и др.). Корни тюркского этноса на Кавказе уходят в глубокую древность. Тот факт, что карачаево-балкарцы живут на Кавказе уже с древнейших до скифских времен, не оспаривается практически ни одним известным ученым⁵. Обнаруженные до настоящего времени следы деятельности

¹ Иоанн де Галонафантибус. Сведения о народах Кавказа. Баку. 1980. с. 35.

² История Кабардино-Балкарии. Под. ред. Т.Х. Кумыкова и И.М. Мизиева. Нальчик. 1995. с. 112.

³ Къарачай-Малкъар мифле. Сост. М.Ч. Джрктбаев. Нальчик. 2007.

⁴ Мовзес Каланкатуаца. История страны Алуанк. Ереван. 1984.

⁵ См. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974; Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.

первобытного человека на территории Балкарии восходят к концу палеолита, т.е. древнекаменного века (12-15 тысяч лет назад). Они характеризуются первобытными стоянками Сосруко в Баксанском ущелье... Над самым верхним слоем каменного периода шел культурный слой бронзовой эпохи с характерными для этой эпохи остатками деятельности человека. Еще выше начинался период конца бронзы и начала железа (кобанско-скифский период). Затем шел аланский и, наконец, на самом верху были остатки пастушеских костров нашего времени. Таким образом, грот Сосруко является своеобразной книгой – историей, на страницах которой последовательно запечатлена жизнь человеческого общества в течение 12-15 тысяч лет⁶. Основным занятием карачаевцев и балкарцев было разведение крупного и мелкого рогатого скота. Наряду со скотоводством они занимались и земледелием. Скотоводство в Балкарии, как и вообще в горах Кавказа, стало ведущей формой хозяйства, очевидно, после приручения овцы (и тысячелетие до н.э.). По археологическим данным, тогда же началось приручение лошади. В это же время в Центральном Кавказе, богатым полезными ископаемыми, зародилась древняя примитивная металлургия и металлургическое производство⁷.

Археолог И.М. Мизиев пришел к следующим выводам: «Кавказ был освоен и заселен еще первобытными людьми эпохи палеолита. Он является одним из очагов становления человека как существа разумного... Недаром уже древнейшие художники пытались воспроизвести громадный Кавказский хребет в своих произведениях. Еще 4200 лет назад, на заре бронзового века, неизвестный художник из Передней Азии пытался изобразить горную цепь Кавказа на знаменитой майкопской вазе»⁸. Аналог подобной вазы с изображением Эльбруса был найден в Балкарии в Черекском ущелье. Гамирзан Давлетшин в статье «Белый волк и крылатый барс» отмечал: «Центральную группу мифов у народов с развитыми мифологическими системами составляют мифы о происхождении мира, вселенной. У остальных народов их крайне мало. У наших предков еще в глубокой древности сформулировался разветвленный комплекс космогонических воззрений»⁹. Нужно согласиться с такой формулировкой. О том, что карачаево-балкарский

⁶ Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.

⁷ Там же. С.11.

⁸ Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. Ставрополь, 2001. С. 7.

⁹ Журнал «Родина» №8. М., 2005. С. 24.

народ сформировался в глубокой древности, свидетельствуют и названия на родном языке звезд, созвездий и даже танцы посвященные им. Озай – «Космос», Жетегейле – «Большая Медведица», Чолпан – «Венера», Мелек жулдузла – «Дева», Къандауур – «Кентавр», Покъун – «Козерог», Мырых – «Марс», Гидала – «Орион»... Космосу, созвездиям и отдельным звездам посвящены одноименные танцы. Орнамент с изображением небесных светил и явлений, так называемых «солярных знаков», применяется для мужской и женской одежды к танцам.¹⁰

В связи с тем, что балкарцы долгое время жили почти изолированно в неприступных горах Кавказа у них сохранился не только древний язык, но и архаичные обычаи. Известный русский исследователь Кавказа И.С.Щукин отмечал: «В старину часто бывали такие случаи, что два хороших приятеля еще в детстве обручали своих малолетних детей с целью породниться; еще и теперь в Карачае встречаются люди, которые были в детстве обручены родителями. Если они были против (новобрачные – А.Г.), то их не принуждали, особенно в крестьянской семье, в княжеской же договоренность не нарушалась»¹¹. Известно, что этот обычай существовал у древних тюрков и корнями уходит в седую старину, подобный обряд отмечается еще при легендарном Деде Коркуте¹².

Предания и легенды карачаевцев и балкарцев так же свидетельствуют о древности этого народа. Одно из таких преданий написано классиком карачаевской поэзии Сымаилом Семеновым, который в 1936 г. в соревновании акынов, посвященном армянскому эпосу «Давид Сосунский», проходившем в Ереване, занял первое место среди участников СССР. В предании «Ассы тау», написанном в стихотворной форме, говорится о всемирном потопе. Пророк Нух (Ной) хотел пристать во время потопа со своим ковчегом к горе Эльбрус. Но тот возгордился своей высотой, красотой и отверг пришельцев. Тогда Нух (Ной) решил наказать гордеца и, прорезав ковчегом вершину Эльбруса, сделал его двуглавым. С тех пор гора назвалась Ассы – непокорный, злой.¹³ Автор этих строк, будучи научным сотрудником Института археологии Кавказа, сам записывал у стариков Приэльбрусья предания с подоб-

¹⁰ Кудяев М.Ч. Карачаево- балкарский свадебный обряд. Нальчик, 1998 С. 917.

¹¹ Там же. С.14.

¹² Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. акад. В.В.Бартольда. СПб. «Наука». 2007 (по изд. 1962 г.).

¹³ Джырчы Сымаил. М., 1992. С. 176-178.

ным сюжетом. Мало того, даже рассказывали, что чабаны находили в снегах Эльбруса крашенные доски, якобы оторвавшиеся от ковчега (Sic!). Это предание отмечено еще в 1879 г. П. Остряковым который напечатал его в Петербурге в «Вестнике Европы». Вот, что он пишет: «Как только Творец создал Кавказ и лучший его перл, величественный Эльбрус, то и дозволил у подножья этой горы селиться людям; первыми поселенцами были Ной со своим семейством, ковчег которого, после всемирного потопа, остановился на Эльбрусе... Горцы (балкарцы – А.Г.) положительно убеждены, что Ноев ковчег остановился на Эльбрусе. Одни указывают на впадину между вершинами горы как на место, через которое прошел ковчег, а другие, более основательно ссылаются на то, что одному из горцев, всходившему на вершину, удалось найти обрубок как бы обделанного дерева, и обрубок этот до сих пор хранится у них как святыня. Мало-помалу селения разрослись, но у подножья Эльбруса поселилось самое честное и воинственное племя, представителем которого был мастистый старец Девет, обучивший своих соплеменников ковать железо. За трудолюбивую жизнь, честность и веру в бога Девет был награжден девятнадцатью сыновьями-героями»¹⁴. Но вернемся к преданию Семенова Сымаила «Ассы Тау». Ассы означает гордый, непокорный, злой. Вспомним слова античных авторов о том, что аланы получили свое название от гор¹⁵. Если горы Эльбруса назывались ассы, а впоследствии в I в. ассы переименовались в аланов, то появляется гипотеза, не оттуда ли аланы (асы) получили свое название от гор.

Тюрки издревле пользовались рунической письменностью, о чем свидетельствуют некрологи на обелисках написанные в начале VIII века в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука. Карачаевцы и балкарцы так же имели свою письменность, о чем свидетельствует древнее слово «месул» – редактор, которое уходит корнями в глубокую древность. Слово «месь» означает «кожа», так сейчас называют кожаные ноговицы. Таким образом, «месул» *редактор*, возможно, образовался еще в те времена, когда пользовались кожаными пергаменами. Мы уже отметили выше, что свидетельство о наличии письменности у карачаево-балкарцев относится к началу 1404 года. Однако письменность у

¹⁴ Коллектив авторов. Карачаево-балкарский фольклор. Нальчик. 1983. С. 48

¹⁵ Памятуя и о том, что «алан» в переводе с монгольского языка означает «горец».

карачаево-балкарцев уже была распространена значительно раньше. О том, что предки балкарцев и карачаевцев использовали руническое письмо, пишут В.А. Кузнецов, Е.П. Алексеева и др. Но если Е.П. Алексеева только предполагает, что раннесредневековая руническая письменность сохранилась у карачаевцев и в позднем средневековье, в XV в., то С.Я. Байчоров в результате многолетних исследований пришел к выводу, что предки карачаевцев и балкарцев пользовались руническим письмом¹⁶. Сама устаревшая лексика в карачаево-балкарском языке дает уникальную информацию для реконструкции древнейшей истории тюрков. Сохранилось, например, интересное слово «къара таныгъан», т.е. человек знакомый с письменностью, грамотный человек. В данном случае слово «къара» имеет два значения: «смотреть» и «черное», т.е. посмотреть на записи, на книгу. А слово «черное» тоже присутствует не случайно, возможно, в те времена писали черной краской. Тогда слово «къара» может означать «посмотреть на черные буквы». В русском языке ведь так же присутствуют слова «черновые записи», «черновик». Возможно, это калькированные переводы с тюркского, попавшие в русский язык с хазарских времен. Одним из ближайших языков к карачаево-балкарскому является караимский язык. «Караим» также означает «посмотреть», «поглядеть». Возможно, что предки караимов были во времена Хазарского каганата интеллигенцией, ведущей переписку, государственные дела, требующие знание письма при оформлении документов. Таким образом, *караим* - это нечто вроде клички, данной одному из хазарских племен. Сегодня не должно вызывать сомнений то, что в Хазарии существовали различные виды письменности: древнееврейская, древнетюркская (руническая), греческая. Писали, скорее всего, на древнееврейском и на тюркском (хазарском). Кстати, на иврите слово *караим* означало то же самое, что и на тюркском. «Караим» на иврите буквально обозначает «читающие».¹⁷ Несомненно, что доказательством всему вышесказанному может служить «Киевское письмо». Краткая история документа такова: в 1896 г. в Кембриджскую библиотеку Соломоном Шехтером была доставлено из Египта коллекция еврейских документов. Среди них оказалось «Киевское письмо», написанное еврейской общиной

¹⁶ Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь. 1989.

¹⁷ Галкина Е. С. Тайны русского каганата. М., 2002. С. 158.

Киева для своего ограбленного соплеменника. В письме, написанном квадратным еврейским шрифтом, была просьба оказать единоверцу помощь для уплаты долгов. Внизу пергамента, в левом углу тюркскими рунами написано слово, прочтенное О. Прицаком как *hokurum* (окурум / окбудум) «я прочел»¹⁸. Если относительно прочтения надписи не все согласны¹⁹ с О. Прицаком²⁰, то относительно того, что резолюция оставлена хазарским чиновником, через которого проходила документация Киева, установилось единодушие среди ученых. По мнению Нормана Голба, письмо написано примерно в 930 году²¹. Тюркские руны написаны «с помощью пишущего инструмента в виде птичьего пера или кисточки. Чернила остаются черными»²². Обратите внимание, надпись сделана черными чернилами, что подтверждает предположение о том, что в слове *къара* – «смотреть», не случайно присутствует второе значение «черное». Таким образом, *караим* означает «читать» (смотреть на черные буквы). Вообще, известные ученые давно отмечали то, что изучение карачаево-балкарского языка даст нам ключ к пониманию древнеписьменных памятников и их дешифровке²³. В литературе отмечалось то, что карачаево-балкарский язык сохранил древнейшие явления, которые уже исчезли в других тюркских языках²⁴. Карачаево-балкарский язык (особенно его верхне-балкарский цокающий диалект) обнаруживает уникальные параллели и архаизмы с древнейшими живыми тюркскими языками (чувашский, якутский, караимский), с монгольским языком, а также уникальные параллели с древне-японским и древне-корейским языками.

В карачаево-балкарских легендах говорится о книгах, хранящихся

¹⁸ Норман Голб и Омелян Прицак. Хазарско – еврейские документы X века. Москва – Иерусалим, 1997. с . 95 – 99.

¹⁹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М. Восточная лит-ра. 1994.

²⁰ Ясно, что О.Прицак пытался прочесть с ротацированием, считая, что хазарский язык был близок к чувашскому. Однако, во-первых, последние исследования (см. А.А.Глашев. О хазарском языке. М. 2005) доказывают, что собственно хазары говорили на языке близком к огузским и кыпчакским языкам, а не к чувашскому. Во-вторых, в самом чувашском языке слово окурум отсутствует.

²¹ Норман Голб и Омелян Прицак. Хазарско – еврейские документы..., с. 20.

²² Там же.

²³ Воровков А.К. Карачаево-балкарский язык //Яфетический сборник, вып. VII, изд. АН СССР. Л., 1932.

²⁴ Младописьменные языки народов СССР. Изд. АН СССР. М. – Л. 1959. с. 103.

в пещерах. Данный факт зафиксирован многими исследователями. В 1883 году В.Ф. Миллер на горе Донгат, в районе сел. Верхний Чегем, обнаружил «целое собрание могильных плит. Это тропинка ведет к пещере, в которой будто бы были найдены книги...». Л.И. Лавров писал, что «в районе Верхнего Чегема существовали небольшие церкви. Кроме них в пещере, на левом берегу реки Джилги, находился склад богослужбных книг»²⁵. Обычай, хранить книги в пещерах, напоминает сюжет из «Кембриджского документа»²⁶. Согласно этому документу: «И сказали князья казарские: «вот есть пещера в долине Тизул, достаньте нам книги, которые там находятся, и истолкуйте их перед нами». И они сделали так и вошли внутрь пещеры, и вот, там (оказались) книги...»²⁷. Название долины Тизул разительно напоминает название долины Тызыл в Балкарии у подножья Эльбруса, за селением Гунделен в Баксанском ущелье. Тызыл и пещеры с книгами в Балкарии – вряд ли это простое совпадение. Нужно сказать, что в Тызыле также обнаружены древние пещеры с руническими знаками на стенах, множеством археологических памятников раннесредневекового периода. А если предположить, что город Маджар и есть (по мнению научного сотрудника Института археологии Кавказа Ахмата Глашева) столица хазар Итиль, то во всем этом нет ничего нереального.

Вышесказанные доводы свидетельствуют, что карачаево – балкарцы жили на Кавказе с древнейших времен и сохранили многое из культуры своих предков.

25 Бабаев С.К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик. 2007. С. 224.

26 Коковцов П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X в. Л. 1932. с. 115.

27 Там же.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974.

Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы - древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.

Бабаев С.К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик. 2007.

Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь. 1989.

Боровков А.К. Карачаево-балкарский язык //Яфетический сборник, вып. VII, изд. АН СССР. Л., 1932.

Глашев А.А. О хазарском языке. М. 2005.

Норман Голб и Омелян Прицак. Хазарско-еврейские документы X века. Москва-Иерусалим. 1997.

Коковцов П.К. Еврейско-Хазарская переписка в X в. Л. 1932.

Къарачай-Малкъар мифле. Сост. М.Ч. Джуртубаев. Нальчик. 2007.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М. Восточная лит-ра. 1994.

Мовзес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. Ш.Смбатяна. Ереван. 1984.

Мосей Каганкатваци. История Агван. Пер. Патканяна. СПб. 1861.

Мизиев И.М. Следы на Эльбрусе. Ставрополь, 2001.

НАРТЫ. Балкаро-карчаевский героический эпос. М. «Наука». 1994.

Ш.М. Батчаев.
г. Теберда

ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ И СТАТУС СЕЛЬСКИХ СТАРШИН В КАРАЧАЕ (1870-1917 гг.)

С начала 70-х гг. главная роль в местном управлении в Карачае принадлежала сельскому сходу и сельским правлениям. Во главе последних стояли старшины, в подчинении которых находились все без исключения жители в пределах данного селения. Кроме старшин, в сельское правление входили и другие должностные лица: помощники старшин, сельские казначеи и эфенди, общественные доверенные и санитарные попечители, писарь, рассыльный, сельский глашатай, сторож и лесной сторож. Чтобы избежать неугодных кандидатур, должность сельского старшины была не выборной, а назначаемой начальником области по предоставлению начальника округа. В виде исключения начальник области мог представить благонадежным обществам право избрания старшин, но с последующим утверждением его начальником области. Если общество оказывалось неблагонадежным, оно тут же лишалось подобной привилегии. Подбор сельского старшины был тщательным и проходил несколько этапов. Кандидаты в сельские старшины подбирались начальниками участков и утверждались начальником Кубанской области по представлению начальника уезда. Старшины допускались к исполнению своих обязанностей после принятия присяги в окружном управлении «о беспрекословном исполнении всех поручений и требований администрации».

До конца XIX в. кавказская администрация на должность старшины назначала представителей княжеских и дворянских фамилий. Нужно учитывать давно укоренившиеся в общественном сознании

карачаевцев традиции избирать представителей княжеских фамилий. Неслучайно, первыми старшинами в 60-70-х гг. стали князья Крым-шамхаловы: с. Карт-Джурт – поручик Абдырзак, с. Хурзук – Даулет-Герий, с. Мара – поручик Бадра; представитель второго по значимости карачаевского княжеского рода, поручик Шмауха Дудов был старшиной Учкуланского общества (где князья фактически не проживали), а князь Идрис Карабашев – старшиной Дуута¹. В других селениях пост старшины занимали богатые уздени: Джазлык – Идрис Текеев, Теберди – Ожай Байчоров², а в селениях, основанных бывшими крепостными крестьянами (кулами) – разбогатевшие выходцы из их среды: Ташкепюр – Келемет Алакаев, Сынты – Крым-Герий Белимготов³. Однако к началу XX в. пост старшины в большинстве занимали уздени⁴, а в древних карачаевских селениях Карт-Джурт и Джазлык эту должность занимали уже представители крестьянских родов (Тенгиз и Рамазан Гаджаев)⁵. Многие старшины неоднократно несли эту обязанность, избираясь несколько раз. Так, в с. Маре пост старшины около 20 лет занимал Блимготов Кучук⁶. Часто после ухода старшины со своего поста, его место как бы по наследству занимал родственник (сын, брат). К примеру, вторым старшиной с. Теберди стал Байчоров Бучай (брат Ожая)⁷, в Маре Блимготова К. сменил его сын Мырзакул⁸, в Дууте Кочкарова Эдыка сменил его сын Наиб⁹.

Под влиянием революции 1905-1907 гг. Кавказская администрация в 1906 г. вынуждена была признать «возможным ввести немедленно среди туземного населения институт старшин, избираемыми самими обществами». Порядок избрания сельских старшин проходил путём тайного голосования на сельских сходах сроком на три года. «Положение» допускало переизбрание сельских должностных лиц на несколько сроков. Утверждал старшин в должности начальник Кубан-

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф.774, оп.1, д.131, лл. 91-91об.

² Там же, л.91об., Памятная книжка Кубанской области на 1880 г., с.88.

³ Там же, л. 128, Памятная книжка Кубанской области на 1880 г., с.88.

⁴ ГАКК, ф.454, оп.4, д.159, л. 40-42.

⁵ Там же.

⁶ Там же. л. 41.

⁷ Памятная книжка Кубанской области на 1878 г. с. 84.

⁸ Государственный архив Карачаево-Черкесской республики, ф. р-321, д. 2, лл. 48-48об.

⁹ Рапорт Г.Г. Коваленского (1895 г.), ГАКК, библиотека, типографский экземпляр. с.1-53.

ской области. Этот порядок утверждения старшины давал окружному начальству возможность утвердить угодных ему лиц на должность. Так, например, когда два кандидата на должность старшины получали одинаковое количество голосов, старшиной становился тот, кому отдавало предпочтение областное начальство. Нужно ли говорить о том, что старшины не ограничивали себя в злоупотреблении служебным положением и с особым усердием выполняли свои обязанности. Для особо отличившихся предусматривалось награждение медалями, воинскими чинами, подарками. В положении о старшинах отмечалось: «В поощрение деятельности и точного исполнения обязанностей, аульный старшина по прошествии года, за усердную службу представляется к денежной награде в размере по усмотрению Начальства, если к тому найдёт его достойным. За трёхлетнюю службу представляется к званию юнкера, медали на шею и повышению в чинах, по усмотрению начальства»¹⁰. Большинство старшин имели воинские чины урядников, юнкеров, а за особые заслуги могли получить и офицерский чин прапорщика. Рамки статьи не позволяют более подробный анализ этих интересных вопросов, однако хотелось бы обратить внимание специалистов на важность дальнейших исследований в данной области.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Памятная книжка Кубанской области на 1878 г.

Памятная книжка Кубанской области на 1880 г.

Государственный архив Карачаево-Черкесской республики, ф. р-321, д. 2.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф.774, оп.1, д.131.

¹⁰ ГАКК, ф.774, оп.2, д.278, л.10

А.С. Боташева
г. Карачаевск

БОГИНЯ УМАЙ: ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ

Духовное мироощущение карачаево-балкарцев, наследников одной из наиболее ярких автохтонных культур Северного Кавказа, именуемой кобанской, формировалось в течение многих веков, на протяжении которых происходил процесс взаимной адаптации тюрко-кавказских языческих систем и мировых религий. Они активно взаимодействовали и взаимовлияли друг на друга, формируя таким образом самобытную «карачаево-балкарскую» религиозно-мифологическую доктрину. Благодаря монотеистической направленности тенгриизма и гибкости авраамистических религий последние не просто вытесняли традиционные воззрения горцев, а гармонично вливались и дополняли их новым содержанием. В настоящей статье в наиболее кратких чертах освещается проблема формирования религиозно-мифологических представлений карачаево-балкарцев, связанных с культом богини Умай, в условиях рецепции авраамистических культурных традиций.

В фольклоре карачаево-балкарцев представлены в синкретизированном виде образы покровительниц материнства древнетюркского, христианского и мусульманского пантеона святых. Такие образцы устного народного творчества, как песни «Тейри», «Умай-бийче», «Байрымгъа барыу», «Бийнёгер» и другие, являются богатым материалом для понимания характера влияния различных религиозных концепций на мировоззрение карачаево-балкарцев. Некоторые исследователи связывают процесс взаимопроникновения языческих,

мифологических и теистических представлений в древних жанрах карачаево-балкарского фольклора «тилек» (просьба) и «алгъыш» (пожелание) с исламизацией народа¹. Тем временем синтез культурных традиций имеет значительно более длительную историю и берет свое начало задолго до утверждения ислама в Карачае и Балкарии. Свидетельством тому служит замещение в карачаево-балкарской нартиаде мифологических функций древнетюркской богини-покровительницы материнства Умай образами христианской Марии и мусульманской Фатимы, их сосуществование и синкретизм в культовой обрядности карачаево-балкарцев. Синтез образов языческого и авраамистических культов обусловил и контаминацию имен Умай с Марией (отсюда карачаево-балкарское Байрым), Умай с Фатимат² (отсюда – Байдымат)³. Представляется, что словоформа *бай* является производной от Умай, именно поэтому самостоятельное значение слова *бай* – богатый также неразрывно связано с функциями воспроизводства. Умай, символизируя жизненное начало, покровительствовала не только материнству, но также даровала богатые урожаи и приумножала скот⁴.

Функции Умай изначально были шире тех представлений о ней, которые традиционно принято отмечать в этнографической литературе – богиня плодородия, покровительница материнства, олицетворение женского начала и т.п. Косвенно на это указывает и ее высокий статус «царицы», которым она наделена в древнеуйгурских текстах X в. В карачаево-балкарской вариации Нартского эпоса, являющегося общим наследием народов Кавказа, она в соответствии с древнетюркской традицией также зовется княгиней Умай – «Умай-бийче»⁵.

Умай, олицетворяя земное начало, выступает в качестве супруги верховного божества тюрков Тенгри⁶, являющегося во-

¹ Маремшаова, 2000. С. 55.

² Аффикс «ат» – формант полной формы арабского имени Фатима.

³ Впрочем, авторы словаря карачаево-балкарских имен и фамилий, изданного в 2003 году, считают имена Байрым и Байдымат «исконными», отрицая (в первом случае) или не указывая (во втором) на их «нетюркское» происхождение (Алиев, 2003. С.53, 148). Возможно, этот вывод обусловлен существованием карачаево-балкарских аналогов имен Марии – Мариям, Марият и Фатимы – Патий, Патия, Патимат (КВРС, 1989. С. 798, 799).

⁴ Басилов, 1998. С. 547.

⁵ Нарты, 1994. С. 283.

⁶ У карачаево-балкарцев Тенгри нередко зовется «хан Тейри», данная традиция восходит, очевидно, к Тенгрихану/Тегрихану кавказских гуннов (савиров) и хазар.

площением верхнего мира. От соединения Неба и Земли рождена жизнь на земле. Этот сюжет древнетюркской мифологии содержится и в карачаево-балкарской Нартиаде, где Умай предстает в образе «божества Земли» (Жер⁷ Тейриси), супруги «божества Неба» (Кёк Тейриси)^{8,9}:

Давным-давно, когда (люди) пребывали в пещерах,¹⁰

Когда корыто было каменное, а сито – деревянное,

Тейри неба женился на Тейри земли,

Загрохотало небо – и эта земля зачала.

Девять лет и девять дней она была беременна,

(Затем) разверзлась земля и родился Дебет¹¹.

Перевод:

Эрте-эртде, дорбунлада тургъанда,

Таш тегене, агъач элек болгъанда,

Кёк Тейриси Жер Тейрисин алгъанды,

Кёк кюкюреп, бу Жер буаз болгъанды.

Тогъуз жылны, тогъуз кюнню бууаз болуп тургъанды,

Жер жарылыб, сора Дебет туугъанды.

Аналогичный сюжет есть и в чувашской мифологии, унаследовавшей, по-видимому, многие черты духовной культуры хазаро-булгарского

⁷ Текст нартиады представлен в балкарской вариации правописания карачаево-балкарского литературного языка. В карачаевской вариации начальный звук «ж» заменяется звуком «дж», исключение составляют звукоподражательные слова «жыгъыр-жугъур», имитирующие звуки грохота, и «жыркъ», имитирующий шум, возникающий при разрывании ткани (КБРС, 1989. С. 283).

⁸ Нарты, 1994. С. 68–69.

⁹ Здесь и далее переводы авторские.

¹⁰ В данном случае мы наблюдаем символику пещеры как материнского чрева, присущую тюркским и монгольским народам, у которых пережитки былого культа гор и пещер бытуют и в наше время. Сочетание и переплетение этих культов и составили, по мнению известного тюрколога Л.П. Потапова, «древнетюркский культ прародительской пещеры, в которой появились на свет, откуда вышли и расселились предки тюрков» (Потапов, 1991. С. 82). Мистическое представление о прародительской пещере было связано с женским воспроизводящим началом земли, ее антропоморфизацией (Косарев, 2005).

¹¹ В мифологии карачаево-балкарцев Дебет – первочеловек. Утверждение божественного происхождения нартов, позиционирующихся в эпосе как первых насельников-людей и предков карачаево-балкарцев, содержится и в других эпических текстах. Так, например, в «Молении нартов Тейри» нарты, обращаясь к божеству, говорят: «Нартла бары джаратылдыкъ, Тейри, къанынгдан, / Нартха ётдю хар бир жигинг санынгдан» – «Все мы – нарты – сотворены, Тейри, из крови твоей, / К нарту перешла каждая частица твоей плоти».

круга. Здесь природа является порождением божеств Ама¹², олицетворившей землю, и Аслати¹³, повелевавшего громом и молнией. В языке карачаево-балкарцев слово «амма» также означает мать¹⁴ (карач. еще и бабушка, старуха)¹⁵ и в предыдущие времена встречалось в качестве женского собственного имени – Ама, Аба. Производным от ама/амма является эмеген¹⁶ – дух женского первопредка, трансформировавшийся в карачаево-балкарской нартиаде в безобразных и могучих врагов (мужчин и женщин) нартского народа.

С принятием предками карачаево-балкарцев, аланами, христианства функции богини Умай были ограничены покровительством над животными, в то время как роль покровительницы материнства стала исполнять христианская святая Мария. Авраамистические доктрины насаждались исходя из политических соображений, поэтому языческое мировосприятие, неподвластное человеческому настроению, сохранялось в мифологии народа, становясь частью его обновленной веры. Мария, во многом заменяя собой языческую Умай-бийче, сохранила дохристианскую персонификацию, воплотившись в Байрым-бийче.¹⁷ В сознании полуязычников-полухристиан произошло переосмысление образа библейской святой, в результате которого она была превращена в богиню материнства.

Как и в фольклоре других христианизированных народов, образ Марии у карачаево-балкарцев контаминировался «с пережитками натуралистического язычества, указывающими на связь Марии с мифологическими образами богини земли, природы, богини-матери; но их смысл в контексте христианских религиозно-доктринальных представлений уже иной, поскольку Мария здесь не олицетворение природы как таковой, но «начаток», прообраз, первое явление пре-

¹² У верховых чувашей ама – еще и женское нагрудное украшение.

¹³ Аслати этимологизируется с чувашского языка как асла атте – «великий отец» и выступает в качестве одного из эпитетов верховного бога (туря) Тенгри (Танкяр). Интересно, что у караимов мифическое божество добра также именуется великим отцом – «Улуг-Ата» (Чореф, 1997. С. 220-228). Возможно, здесь мы наблюдаем отголоски булгаро-хазарского культурного наследия.

¹⁴ Ср. с туркм. эмме «мама», кирг. эме «старуха», фин. эме «мать» (Отаров, 1987. С.79).

¹⁵ КВРС, 1989. С. 63.

¹⁶ У монголов слова эмээ, эмэг, эмэгтэй означают «женщина» (Отаров, 1987. С.79).

¹⁷ Слово бийче означает «княгиня» и указывает на особый статус божества в пантеоне богов.

ображённой, райской природы»¹⁸. Отношения тюркского язычества и христианства были сложными и неоднозначными. К христианству, пришедшему на смену тенгриизму, в полной мере применимо определение русской религиозности, данное Бердяевым: это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества¹⁹.

Практически во всех селениях Карачая и Балкарии существовали объекты культового поклонения Байрым, в том числе камни, изначально символизировавшие богиню плодородия и материнства Умай-бийче²⁰, но впоследствии также названные камнями Байрым – «Байрым-таш». Им поклонялись не только жители близлежащих селений, но также приезжие и путники. В Чегемском обществе даже считали, что Мариам похоронена непосредственно под Байрым-таш.

В 80-х годах XIX в. В. Миллер и М. Ковалевский отмечали, что у карачаево-балкарцев «много следов древнего христианства», среди них и «камень Байрым (осет. Мариам), некогда святилище Богородицы, которому женщины до сих пор приносят жертвы». Как правило, у священного камня просили потомства. Обряд проходил в лунную ночь, но прежде бездетные женщины обходили «могилы нартов» (*нарт къабырла*)²¹ и, вскрыв одну из них, клали свои приношения: вареное яйцо, ковш молока, три мясных пирога (*эт бёрек*), «долю» (*юлюш*)²² из пшенной (*тюй*) или просяной (*тары*) мамалыги (*как*)²³.²⁴ Если женщина просила Байрым даровать сына, то следовало оставить у камня пулю – *окъ*.²⁵

¹⁸ Аверинцев, 1998. С.114.

¹⁹ Бердяев, 1990. С.15.

²⁰ Карачаево-балкарская поговорка (*нарт-сёз*) гласит: *джер таш къозлайды* (земля родит камни).

²¹ Могила нарта – символика первопредков (ср. с метафорой *нарт карачайлыла* – «древние карачаевцы») и прародительской пещеры.

²² *Юлюш иерге* – послать долю. При ритуальных торжествах отсутствующим посылается доля со стола с куском мяса от забитого животного (КВРС, 1989. С.784).

²³ Злаковые выступали в качестве атрибутов богини Умай, поэтому и теперь среди бытующих у карачаево-балкарцев пожеланий молодоженам сохранились выражения: «Размножайтесь подобно пшену!» («*Тюй кибик юй-региз!*»), «Пусть множатся подобно просу!» («*Тары кибик юйресинле!*») (КВРС, 1989. С. 670, 607).

²⁴ Хаджиева, 1996. С. 42-43.

²⁵ Словоформа *окъ/укъ* употребляется в окончаниях ряда карачаево-балкарских имен и фамилий (например, *Байрымукъ*, *Созарукъ*), а также эпических имен (*Сосурукъ/Сосуркъа*) в значении потомок, сын.

Наряду со священными камнями существовали и священные деревья, посвященные богине Байрым, символизовавшие жизнь и плодovitость на земле²⁶. Придя к священному дереву и совершив обряд жертвоприношения, бездетная женщина просила помощи у Байрым-бийче²⁷.

Сыйлы Байрым-бийчеден
улан тилейбиз,

Байрым тейриден нартла
бла тилейбиз.

Ай-лай-лай, Тейри²⁸,

лай-лай, лай-лай.²⁹

У почтенной княгини

Байрым просим сына,

У богини Байрым во имя
нартов просим.

О, баю-бай, богиня, бай-бай.

Обращает на себя внимание особый язык молитвы, в котором минимальная выделяемая единица – не отдельное слово, а формула, определяемая как «группа слов, регулярно употребляемая в одинаковых метрических условиях для воплощения заданной основной идеи»³⁰. Возможно, обращаясь к божеству материнства, женщины представляли пред собой ребенка и поэтому произносили «Ай-лай-лай, Тейри, лай-лай, лай-лай», где лай-лай является припевом колыбельных песен, который словно клише, воспроизводится после каждого куплета. Таким образом, вчитываясь в небольшой трехстрочный отрывок, можно утверждать, что они уходят своими корнями в глубокую древность, в которой и зародился тюркский миф о рождении человека.

С приходом ислама культ Байрым не претерпел значимых трансформаций, но был дополнен новым мусульманским содержанием. Так, в молитве «Байрымгъа барыу» можно наблюдать, как древние ритуалы сменились новыми табуированными обрядами:

Княгиня Байрым, щедрая княгиня,
Я прошу у тебя ребенка,
Умоляю, приклоняясь пред тобой,
В жертву приношу агнят.

Байрым бийче, бай бийче,
Мен тилейме сенден сабий,
Жалынама, жал барама,
Къозу къурманлыкля этеме.

²⁶ Маремшаова, 2000. С. 67.

²⁷ Шаманов, 1982. С. 163.

²⁸ Слово «Тейри», написанное составителем хрестоматии карачаево-балкарского фольклора с большой буквы, в данном случае не является обращением к верховному божеству Тейри, это обозначение божественности Байрым. Тенгри, являясь именем верховного небесного божества, обозначает также бога вообще (в том числе в буддийских, манихейских и мусульманских текстах) (Неклюдов, 1991. С. 536).

²⁹ Хаджиева, 1996. С. 43.

³⁰ Монроу, 1978. С. 99.

Княгиня Байрым –
 дарами наделяющая,
 Земле – дождь,
 мужчине – силу дарующая.
 Твоей божественности верю,
 Даруй жизнь, и
 я не отступлю от веры.
 Принесла я пули, рядами
 Выложила их
 на белом камене.
 Пули – твои, сын – мой,
 Пули – твои, сын – мой.
 Принесла шелка отрезами,
 Положила их
 на синий камень.
 Шелка – твои, дочь – моя,
 Шелка – твои, дочь – моя.
 Княгиня Байрым,
 богатая (щедрая) княгиня,
 Прояви ко мне (свое)
 милосердие, княгиня!³¹

Байрым бийче –
 саугъала юлешиучю,
 Жерге – жауун,
 эрге – кюч бериучю.
 Сени тейрилигинге
 ийнаныпма,
 Жарыт, мен ийнанганлай
 тураим.
 Окъла келтирдим
 тизгин-тизгин,
 Акъ ташха салдым аланы.
 Окъла – сени, жаш – мени,
 Окъла – сени, жаш – мени.
 Чилле келтирдим,
 къанат-къанат,
 Кёк ташха салдым аланы.
 Чилле – сени, къыз – мени,
 Чилле – сени, къыз – мени.
 Байрым бийче, бай бийче,
 Манга бир ырахмат эт, бийче!

У княгини Байрым просят ниспослать ребенка, обещая при этом провести обряд мусульманского жертвоприношения – *къурманлыкъ* («Къозу къурманлыкъла этеме»). Этот момент являет собою реминисценцию на мусульманское предание, в котором содержится история пророка Ибрахима, первого (*ханифа*) проповедника единобожия. Таким образом, указанное произведение относится к промежуточному от язычества к христианству и затем уже к исламу этапу процесса трансформации религиозно-мифологических функций Умай как покровительницы материнства.

В значительно большей степени ислам повлиял на незатронутые христианством функции и образ Умай как покровительницы животных. Контаминация образов Умай и Фатимы привели, как указывалось выше, к появлению нового мифологического персонажа – Байдымат. Аналогичные процессы наблюдались и в мифологиях других тюркоязычных народов, где с утверждением ислама Умай стала ото-

³¹ Хаджиева, 1996. С. 43.

ждествляться с Фатимой (например, Батма Зуура у киргизов). Переход функций покровителей охоты и зверей, выступавших ранее в зооморфном и антропоморфном проявлениях, к мусульманским святым отмечался и у ряда горских народностей Кавказа, например, у рутульцев (Ильдарова, 2007).

Замене Умай Фатимой³² способствовала, прежде всего, мифологизация последней среди мусульман Центральной Азии и Поволжья, где она представлялась покровительницей материнства и новорожденных, женщин и женских работ. В мусульманском мире Фатиму называли *сейида* – госпожой³³ всех женщин на земле и в потустороннем мире, что практически идентично титулу Умай у карачаево-балкарцев – *бийче*. Мифологизированный образ дочери Мухаммеда окружен многочисленными легендами, которые возникали главным образом в шиитско-исмаилитской среде и призваны были свидетельствовать о «святости» Фатимы и творимых ею «чудесах»³⁴.

Умай, как покровительница животных, представлена в карачаево-балкарской нартиаде в качестве наиболее почитаемого божества нартов, божественной княгини и изображена в образе белой трехногой оленухи³⁵, чьи рога подобны месяцу. В «нартской песне» (*нарт жыр*) «Умай-бийче» она описывается следующим образом:

Сыны нартов –	Нарт улулары –
слуги Тейри.	Тейри кзуллары,
Сыны нартов –	Нарт улулары –
парни-джигиты.	жигит балалары,
Сыны нартов –	Нарт улулары –
мать их волчица. ³⁶	бёрюд аналары,

³² Этот переход отмечен в мифологиях целого ряда тюркоязычных народов, где с утверждением ислама Умай стала отождествляться с Фатимой (например, Батма Зуура у киргизов, Биби Фатима у узбеков, Биби Патма у туркмен).

³³ Баранов, 1977. С. 381.

³⁴ Пиотровский, 1998. Т. 2. С. 558.

³⁵ Марал – один из тотемных животных древнетюркского пантеона. В поверьях и фольклоре тюркских народов часто встречаются образы животных, так или иначе связанных с архаическим уровнем мышления. Это такие животные, как «беркут (орел), сокол, медведь, дикий кабан, змея, тигр, ворон, удод, конь, верблюд, кукушка, бык, овца, корова, волк, лебедь, муравей, заяц, лиса, олень-марал, журавль, пантера». (Стеблева, 1971. С.222).

³⁶ Данный сюжет неразрывно связан с древнетюркской этногенетической легендой. Один из главных героев Нартского эпоса, Урусбек (Ёрюзмек) был вскормлен волчицей, постоянным атрибутом героя является волчья шуба. (Нарты, 1994. С.73, 308)

Самая почитаемая у них –
княгиня Умай.

А княгиня Умай –
дочь Тейри.

А княгиня Умай –
диво дивное:

Её тело подобно
облику оленухи,

Её бег –

как полет звезды,

Ее рога –

как прилипший месяц,

Ее глаза –

как утренняя звезда.

Трехногая, дивная Умай,

Трехногая, белая оленуха Умай.³⁷

Бек суйгенлери –

Умай-бийчеди.

Умай-бийче уа –

Тейрини къызыды.

Умай-бийче уа –

бир сейир-тамаша:

Аны санлары –

марал сыфатлы,

Аны жюрююшю –

жуддуз учханлай,

Аны мойюзю –

ай жабышханлай,

Аны кёзлери –

танг жуддузунлай.

Юч аякълы, тамаша Умай,

Юч аякълы, акъ марал Умай.

Умай не только сохранилась в эпосе, но в свою очередь приобрела некоторые «признаки» Фатимы, дочери мусульманского Пророка, преобразившись из жены Тейри в его дочь. Характерно при этом описание Умай-покровительницы животных, как маралихи, дарующей новые земли.³⁸ Во многом идентичный карачаево-балкарской Байдымат образ существует и в мифологии киргизов. Здесь в качестве дочери божественного покровителя диких жвачных животных (*кайына*) выступает белая маралиха по имени Мюйюздю эне («рогатая мать»),³⁹ принимавшая женский образ и славившаяся мудростью и способностью творить чудеса⁴⁰.

В иконографии древних тюрок Умай передавалась в образе женщины в богатых одеждах и трехрогом⁴¹ головном уборе, являвшемся тиарой божества, атрибутом святости, подчеркивавшим особое место боги-

³⁷ Нарты, 1994. С. 283.

³⁸ Так же как и у гуннов, у карачаево-балкарцев существовали предания о том, как их исконные земли были открыты охотниками Малкар и Боташ во время преследования ими маралов.

³⁹ Одна из легенд, связанных с Мюйюздю эне, приводится в повести Чингиза Айтматова «Белый пароход». Здесь Рогатая мать-олениха спасает от гибели и выкармливает двоих детей, которые впоследствии становятся родоначальниками киргизов (Айтматов, 1983. Т.2. с. 38-48).

⁴⁰ Басилов, 1991 (2). С. 382.

⁴¹ Издревле в мифологиях древних цивилизаций мотив рогов являлся символом могущества, изобилия и власти (Генон, 1997).

ни в трехчастной структуре тюркского пантеона богов⁴². В карачаево-балкарском эпосе трехрогая тиара «перевернута» и представлена в виде трехногости («юч аякълы») животного облика Байдымат – белой оленухи. Художественным средством усиления выразительности уникальной трехногости божества служит эпитет «хромая» (*асхакъ*). Хромота или уродство ног, – пишет Стеблева В.И., анализируя турецкую мифологию, – символизируя необычность, исключительность божеств, «одновременно с этим указывает на главную функцию данных персонажей – быть посредниками между небесным и подземным мирами и осуществлять связь этих противоположных миров»⁴³. В самом деле, Апсаты и его дочь Байдымат являются распорядителями жизни не только покровительствуемых ими животных, но и охотников, одних из которых они щедро вознаграждают, а других – карают.

Аналогичным персонажем в чувашской мифологии является хозяин лесов – *арсури*, который представлялся в человеческом (седобородый старец) или животном образах, имел три ноги и три руки⁴⁴.

Собиратель карачаево-балкарских легенд и сказок З.М. Улаков приводит сказку «Юч аякълы атны иеси» («Хозяин трёхногого коня»), в которой трехногий скакун оказывается наделенным сверхъестественными качествами, в том числе способностью летать⁴⁵.

Тройка является особым числовым кодом, с помощью которого описывается мир – это «не только образ абсолютного совершенства, превосходства (ср. роль числа 3 как суперлатива: трисвятой, треклятый и т.п.), но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации (включая и нормы стандартного поведения)»⁴⁶. Число три символизирует динамическую целостность. Стрела с трехрогим наконечником – символ Умай, сохранившийся и в наше время в детских амулетах от Средней Азии до Сибири.⁴⁷

В некоторых тенгрианских культах «мать Умай» в образе молодой красивой женщины с волнистыми серебряными волосами спускает-

⁴² Суразаков, 1994. С. 51-54.

⁴³ Стеблева, 2002. С. 94.

⁴⁴ Василов, 1991 (3). С. 60.

⁴⁵ Улаков, 1989. С.18.

⁴⁶ Топаров, 1998. т.2. С. 630.

⁴⁷ У хакасов делали символическое изображение Умайиче – оберег в виде лучка со стрелой, защищавший новорожденных от злых сил. По представлениям телеутов, Май-эне (мать Умай) охраняла детей с помощью золотого лука (Поталов, 1972).

ся с небес по радуге (Потапов, 1972). Взаимосвязь радуги, носящей название «сабли Тейгри» (*Тейри кылыч*),⁴⁸ и богини Умай еще отчетливее прослеживается в мифологии карачаево-балкарцев. Воззрения о магических свойствах радуги, переход через которую способствует перерождению человека⁴⁹, тесно связаны с культом Умай, божественной супруги Тейри, и являются эпическим отражением обрядов перехода, которые имели широкое бытование в Карачае и Балкарии вплоть до конца XIX столетия.⁵⁰

Кодовые слова «бийче», «Тейри», «марал», «юч аякълы» (трёхногая) из нартской песни «Умай-бийче» указывают на тесную связь образа «Умай – дочери Тейри» с образом «Байдымат – дочери Апсаты» из наиболее замечательного произведения карачаево-балкарской охотничьей поэзии – песни «Бийнегер».

История, повествующая об охотнике Бийнегер, проклятом дочерью Апсаты – Байдымат, является трансформацией древнейшего мифического сюжета о борьбе тотемных покровителей-маралов с представителями нижнего мира⁵¹. Таким образом, «Бийнегер» представляет собой конгломерат относительно самостоятельных мифологических систем.

В кавказоведческой литературе утвердилось мнение, согласно которому предания о погибшем охотнике построены на общекавказском мотиве заманивания охотников на неприступную скалу покровительницей охоты и зверей. Вместе с тем, легенда об охотнике, безжалостно

⁴⁸ Вариант: Джан кылыч («сабля Духа») – поздняя мусульманизированная калька с Тейри кылыч.

⁴⁹ Так, согласно поверьям, девочка, переступившая через радугу, может изменить свой пол и соответственно судьбу. Существует также поговорка: встала радуга – значит, умер князь (кылыч турду – бий ёлду) (КВРС, 1989. С. 443–444). При реконструкции древних верований карачаево-балкарцев немаловажно иметь ввиду традицию сакрализации, обожествления княжеского статуса (князь-бог), следовательно, можно полагать, что под князем имелось ввиду божество и процессы духовного обновления (Джуртубаев, 2005. С. 41).

⁵⁰ У карачаево-балкарцев существовала традиция оформления актов усыновления и побратимства путем исполнения обряда «прохождения под палкой» (вар. саблей). «Прохождение под палкой» является древнейшим и наиболее универсальным в данной этнической среде обрядом перехода (подробнее об обряде «прохождение под палкой» и способах его исполнения см. Воташев, 2002. С. 108–125). Представления карачаево-балкарцев о сакральных свойствах кылыча (изначальное значение – меч) генетически связаны со скифо-аланской традицией поклонения богу-мечу.

⁵¹ Турсунов, 2001. С. 24.

истреблявшем зверей и потому проклятом Небом, имела значительно больший ареал распространения и «сохранялась в фольклорном репертуаре целого ряда тюрко-монгольских народов»⁵². М. Ауэзов, исследуя историческое развитие казахской сказки, отмечает, что сказки об охотниках-мергенах (дословно охотник-стрелок) являются самыми древними среди прочих⁵³. То же самое можно сказать и об образе самого Апсаты, который описывается как высокий старец с длинной белой бородой и посохом в руке⁵⁴. Этот образ также чрезвычайно архаичен и, по моему мнению, восходит к «Белому Старцу» – божеству, широко распространенному в Восточной и Центральной Азии и считавшемуся у монголов «хозяином скота» (Бачуулун, 2003. с. 53-54). Однако однозначно утверждать о монгольском происхождении образа Апсаты⁵⁵ сложно, так как сходные по своей функциональной роли в религиозных системах и внешнему выражению мифотипы зачастую возникают и существуют независимо друг от друга. Тем не менее, в образе Апсаты и его дочери Байдымат нельзя не усмотреть тюркской культурной составляющей⁵⁶.

В песне «Бийнегер» покровительница диких животных Байдымат является охотнику в образе прекрасной белой оленухи с тремя ногами, золотыми рогами и глазами, «сияющими как звезды». Эта песня является лишь частью целого цикла карачаево-балкарских преданий о погибшем охотнике: песня «Джантуугъан», предание «Апсатыны къонагъы» («Гость Апсаты»), сказание «Эки къуш» («Два орла») и др.

Песня «Джантуугъан» посвящена трагической гибели сына Кар-

⁵² Ibid. С. 25.

⁵³ Ауэзов, 1961. С.291-292

⁵⁴ Аналогичные образы имеются в мифологии и других тюркских народов, например, у западносибирских татар, где пицен (бичен, пичан, пичин, ен, урман иясе) – хозяин леса также представлялся в образе человека, в частности благообразного старца с посохом и котомкой за плечами. (Басилов, 1991 (1). С. 442-443).

⁵⁵ Нет единого мнения и по поводу этимологии имени Апсаты. Существуют версии о его армянском (Сабадиос-асват), древнеиндийском (Пасупати), иранском (афсин) и, наконец, собственно тюркском (ab-охота, řad-титул правителя) происхождении. Интересна также эвенкийская легенда о прекрасной девушке Апсат, именем которой названа одноименная сибирская река.

⁵⁶ Считается, что Апсаты принадлежит открытие тюркского кисломолочного напитка – айран и его разновидностей – гыпы-айран (кефир), джуурт-айран (йогурт), мыстындау-айран. Апсаты научил людей рецептам айрана, представив его в качестве альтернативного охоте источника жизнеобеспечения.

чи, основателя одноименного ханства – Къарачай. Удачливый и бесстрашный охотник Джантуган был проклят «защитником зверей» (*кийиклени ёкюлю*) Апсаты и погиб во время охоты. В некоторых преданиях смерть Джантугана приписана «родоначальнику» рода Боташевых – «хану Боташу», что впоследствии стало предлогом для убийства последнего и разорения его семейства (по другой версии Боташевы были убиты восставшим народом за насаждение чуждых карачаево-балкарцам феодальных порядков).

В предании «Гость Апсаты» и сказании «Два орла» Байдымат, прекрасная девушка с золотыми волосами, влюбляется в охотника – мотив, также широко распространенный в охотничьей поэзии тюркских и кавказских народов.⁵⁷ В первом случае Тегей, возлюбленный Байдымат, трагически погибает во время испытания на мужество и силу (в цикле преданий есть песня-плач Апсаты по Тегею), во втором – приговоренные к смерти за запретную любовь были помилованы Апсаты и превращены в орлов (Семенова, 2002).

Объектом культового поклонения покровителям диких животных являлся Камень Апсолту (*Апсолту-таш*), представляющий из себя монолитную стелу высотой порядка четырех метров, в которой прослеживаются зоопоморфные черты.⁵⁸ Таким образом, Апсаты и Апсолту позиционируются создателями и носителями исследуемого культурного наследия как вариации единого имени. В этой связи мне представляется, что «апсолту» происходит от «абустол»⁵⁹, являясь его

⁵⁷ В одной из киргизских легенд покровительница диких животных прекрасная девушка по имени Мьюкюэду эне вышла замуж за охотника. Он обещал ей не входить в юрту без предупреждения, но однажды заглянул туда тайком и вместо жены увидел самку оленя (Мифологический словарь, 1991. С. 382).

⁵⁸ Апсолту-таш был обнаружен археологом Исмаилом Мизиевым в 1959 году. В настоящее время головная часть стелы выставлена в Краеведческом музее в г. Нальчике.

⁵⁹ Абустол ай – «месяц (св.) Апостола» – наименование ноября в карачаево-балкарском календаре. Несомненно, что этот и другие христианские названия месяцев, а также дней недели являются наследием аланского периода истории народа. Ср. также: январь – Башил ай (месяц св. Василия), февраль – Байрым ай (месяц св. Марии), март – Тотурну ал айы (первый месяц св. Теодора (рус. Федор), апрель – Тотурну арт айы (последний месяц св. Теодора), май – Никол ай (месяц св. Николая), июль – Элия ай (месяц св. Ильи), декабрь – Эндреуик ай (месяц св. Андрея); вторник – Геурге кюн (день св. Георгия), среда – Бараз кюн (день св. Параскевы), пятница – Байрым кюн (день св. Марии), воскресенье – Ыйых кюн (священный день).

метатезой (переход *солту* в *устол*), и Апсаты, так же как и Абустол, этимологизируется как апостол⁶⁰.

Другой объект культового поклонения, носящий в народе сразу два наименования – Эгиз-таш (камень близнецов) и Апсолту-таш (камень Апсолту), расположенный на горе Донгат в Верхнем Чегеме, являет собой феномен синтеза языческого, христианского и мусульманского культов. Связь Апсолту-таш (Эгиз-таш) с культом Умай очевидна и в тех мистических способностях, которые приписываются камню, – способствование деторождению.⁶¹ Показательно, что название Эгиз-таш носит описательный характер, так как данный камень Апсолту состоит из двух сферических форм, что значительно усиливает визуальное восприятие его функционального предназначения в культовой практике народа. Несколько выше от данного объекта расположен другой, несомненно более позднего происхождения, называемый *Намаз-таш* (Молитвенный камень), черная каменная плита, напоминающая по форме мусульманский молитвенный коврик. Согласно одной из легенд, на Намаз-таше молился некий мусульманский пророк, спускавшийся с небес на коне. На плите имеются углубления от мест «соприкосновения» с телом святого – его ступней, колен, ладоней и лба. К камню Эгиз-таш пророк «привязывал» своего коня, и уздечка оставила на камне глубокие борозды, разделившие его на две округлые половины.

Пророком, молившемся на Намаз-таше, вероятнее всего считали Хизра (кар.-балк. Хызыр) – праведника, которому Аллах, согласно мусульманским преданиям, даровал вечную жизнь. Хизр пользуется огромной популярностью в бытовом исламе, он описывается как белобородый старец, покровительствующий путникам и животным. В исламской мифологии Хизр символизирует вечность и постоянное

⁶⁰ Христианские корни Апсолту отчетливо прослеживаются и в легенде, согласно которой в башне-крепости Апсолту, возвышающейся над скалой Личиу в Балкарии, жил Хустос (от Христос), отец легендарного военачальника Тотура (от Теодор).

⁶¹ В свое время Ковалевский М.М. писал о ритуальном камне-фалле у сел. Верхний Чегем, к которому бездетные женщины приходили с подношениями и просьбами о потомстве. По некоторым сведениям, он был частью исследуемого культового комплекса на горе Донгат. Позднее с утверждением ислама его использовали в качестве камня-позора (Налат-таш), для чего в нем было проделано сквозное отверстие, через которое продевали веревку для привязывания к камню нарушителей морали. Сегодня Налат-таш можно наблюдать в качестве составной части одной из многочисленных каменных стен Чегема.

обновление природы, места поклонения ему зачастую включают в себя реликты доисламских верований, часто связанных с божествами плодородия⁶².

Таким образом, объект языческого поклонения стал частью христианского, а затем и мусульманского, а вместе с ним и образ, связанный с христианским апостолом, был трансформирован в образ мусульманского пророка.

Природа, обожествляемая тюрками, была высшей ценностью и единственным для них образцом мировой гармонии и порядка. Карачаево-балкарцы смогли принять догматы мировых религий, не нарушая гармонии между человеком и Природой, не отвергая природных богов, но признавая их различными проявлениями единой сущности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Аверинцев, 1998 – Аверинцев С.С. Мария // Мифы народов мира. Москва, 1998. Т.2. С.111-116.

Айтматов, 1983 – Айтматов Чингиз. Белый пароход. Собрание сочинений. Т.2. Москва, 1983.

Алиев, 2003 – Алиев И.И., Алиева З.И. Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь. Москва, 2003.

Ауэзов, 1961 – Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961.

Баранов, 1977 – Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Москва, 1977.

Басилов, 1998 – Басилов В.Н. Тюркоязычных народов мифология. // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Москва, 1998. Т.2.

Бачуулун, 2003 – Бачуулун Сергелен. Образ хозяина земли Белого

⁶² Ислам, 1991. С. 262.

старца в искусстве Монголии, Бурятии и Калмыкии как отражение взаимодействия культур // Путь Востока. Межкультурная коммуникация. Материалы VI Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия «Symposium». Выпуск 30. СПб., 2003. С.53-60

Бердяев, 1990 - Бердяев Н. Судьба России. Москва, 1990.

Боташев, 2002 – Боташев М.Д. Побратимство у карачаевцев // Этнографическое обозрение. М., 2002. № 1.

Генон, 1997 – Рене Генон. Символы священной науки. Москва, 1997.

Джуртубаев, 2005 – Ёзден Адет. Этический кодекс карачаево-балкарского народа / Сост., предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. Нальчик, 2005.

Ильдарова, 2007 – Ильдарова Э.Ш. Мифологические персонажи в прозаическом фольклоре рутульцев. Автореферат диссертации на соискание учен. степ. канд. филол. наук. Махачкала, 2007 // Дагестанского научного центра Российской академии наук (<http://www.dncran.ru/>).

Ислам, 1991 – Ислам. Энциклопедический словарь. Москва, 1991.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. Москва, 1989.

Косарев, 2005 – Косарев В.Д. Зверь и женщина: образы палеолита и традиционные религиозные верования (Краеведческий бюллетень, № 1. Южно-Сахалинск, 2005) // Ainumosiri - Страна Людей (<http://krafto.narod.ru>)

Краеведческие записки, 1961 – Краеведческие записки. Выпуск I. Нальчик, 1961.

Маремшаова, 2000 – Маремшаова И.И. Основы этнического сознания карачаево-балкарского народа. Минск, 2000.

Маремшаова, 2002 – Маремшаова И.И. Эволюция этнического сознания карачаево-балкарского народа (Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, Махачкала – 2002 г.) // Единый информационный портал балкарского народа (<http://www.balkaria.info/library>).

Мизиев, 1991 – Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII-XVIII вв. Нальчик, 1991.

Басилов, 1991 (1) – Басилов В.Н. Пицен // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. Москва, 1991.

Басилов, 1991 (2) – Мьююздю эне // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. Москва, 1991.

Басилов, 1991 (3) – Арсури // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. Москва, 1991.

Монроу, 1978 – Монроу Дж.Т. Устный характер доисламской поэзии // Арабская средневековая культура и литература: Сборник статей зарубежных ученых / Сост. И.М. Фильштинский. Москва, 1978.

Нарты, 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. Москва, 1994.

Неклюдов, 1991 – Неклюдов С.Ю. Тенгри // Мифологический словарь. Москва, 1991.

Отаров, 1987 – Отаров И.М. Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987.

Пиотровский, 1998 – Пиотровский М.Б. Фатима // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Москва, 1998. Т.2.

Потапов, 1972 – Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных (Тюркологический сборник, 1972. – М.: Наука, 1973) // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (www.kunstkamera.ru/siberia).

Потапов, 1991 – Потапов Л.П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах. // Советская этнография. 1991. №5. С.79-85.

Семенова, 2002 – Семенова И.Д. Два орла. Карачаевское сказание. (2002 г.) // Портал «Monumenta altaika» (<http://altaika.ru/texts/>).

Стеблева, 1971 – Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. // Тюркологический сборник. М., 1971.

Стеблева, 2002 – Стеблева И.В. Очерки турецкой мифологии: По материалам волшебной сказки. М., 2002.

Суразаков, 1994 – Суразаков А.С. К семантике изображений на Кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994.

Топоров, 1998 – Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Москва, 1998. Т.2.

Турсунов, 2001 – Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. Алматы. 2001.

Улаков, 1989 – Балкарские народные сказки. Сост. З. Улаков. Нальчик, 1989.

Хаджиева, 1996 – Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / Составитель Хаджиева Т.М. Нальчик, 1996.

Чореф, 1997 – Чореф М. Я. Крымские караимы: элементы язычества // Боги Тавриды (История религий народов Крыма). Севастополь, 1997.

Шаманов, 1982 – Шаманов И.М. Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.

И.И. Маремшаова
г. Нальчик

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАЛКАРЦЕВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Т.Х. КУМЫКОВА

Т.Х. Кумыков – известный российский ученый историк-кавказовед. Круг его научных интересов достаточно широк и не замыкался в пределах истории родного для него адыгского этнического массива. Будучи человеком кропотливым, тонко чувствующим «дыхание» истории, понимающим механизмы взаимодействия исторических событий и судеб, в своем творчестве он обращался к исследованию соседствующих с адыгами народов. Его становление как ученого проходило в советскую эпоху, когда дух интернационализма воспитывался в людях с «младых ногтей». В отличие от многочисленных современных ученых, зараженных этноцентрическими настроениями, он понимал, что разрывать веками сложившиеся связи между соседними народами на Кавказе (как впрочем и в любом другом уголке земли) путем неоправданного возвеличивания одних и унижения других – путь недостойный настоящего ученого и уводящий вдаль от исторической правды. Единственно верным мог стать, по его убеждению, лишь глубокий объективный анализ всех сторон, причин, взаимосвязей и взаимодействий между народами Северного Кавказа, объединенных в единое социокультурное пространство.

В рамках этой исследовательской парадигмы Т.Х. Кумыков на раннем этапе своей научной деятельности обратился к достаточно сложной и спорной проблеме этногенеза балкарского народа, приняв активное участие в работе научной сессии по проблеме происхождения

балкарского и карачаевского народа, состоявшейся 22-26 июня 1959 года. Для того времени это было знаменательное событие, несмотря на предварительный и общий характер выводов. Примечательно, что данная сессия проходила вскоре после возвращения балкарцев и карачаевцев из депортации в Среднюю Азию и Казахстан. К сожалению, общественно-исторические реалии 40-х-начала 50-х г.г. не давали возможности изучать этногенетические и иные проблемы депортированных народов. Любое упоминание о народах-«врагах» могло повлечь за собой губительные последствия. По этой причине исследования карачаево-балкарского, чеченского, ингушского народов были приостановлены и заморожены на 12 лет. Отсюда прослеживается некоторая поверхностность в суждениях, представленных в материалах вышеупомянутой сессии. Вместе с тем ее политическое значение трудно переоценить. Ее участники проявили свою гражданскую позицию, солидаризируясь с карачаево-балкарским народом и поддерживая линию на восстановление его автономных прав.

Т.Х. Кумыков, будучи в тот период кандидатом исторических наук, научным сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, выступил на сессии с докладом «Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе». В нем он отметил, что «вопрос о происхождении балкарцев и карачаевцев очень сложный... только в результате обстоятельного изучения этой проблемы можно проследить сложные пути развития балкаро-карачаевского народа»¹.

Малочисленность письменных источников по древнейшей истории балкарцев и карачаевцев ставила необходимость комплексного использования смежных дисциплин: истории, археологии, этнографии, палеоантропологии, палеологии, лингвистики. Основой же выступают археологические и палеологические артефакты, применение которых в этногенетическом аспекте крайне затруднительно². Вместе с тем практически все дореволюционные авторы, посетившие Балкарию и Карачай, задавались вопросом о происхождении населяющего эти земли народа. «Осколок» мощного древнетюркского мира, зате-

¹ Кумыков Т.Х. Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, с.10.

² Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989, с.11.

рившийся в горах Кавказа, волновал их воображение и подталкивал к выдвиганию разнообразных гипотез.

В своей работе Т.Х. Кумыков проследил основные направления по данному вопросу, существующие на тот момент в исторической литературе.

Они сводились к следующему:

- 1) балкарцы и карачаевцы – гуннского происхождения;
- 2) балкарцы – кабардинского происхождения;
- 3) балкарцы и карачаевцы – ногойского происхождения;
- 4) балкарцы и карачаевцы – крымско-татарского происхождения;
- 5) балкарцы и карачаевцы – монгольского происхождения;
- 6) балкарцы и карачаевцы – болгарского происхождения;
- 7) балкарцы и карачаевцы – кипчакского происхождения;
- 8) балкарцы и карачаевцы – хазарского происхождения;
- 9) балкарцы и карачаевцы – отуреченные кавказцы;
- 10) балкарцы – славянского происхождения;
- 11) балкарцы и карачаевцы – аланского происхождения.

В докладе Т.Х. Кумыков остановился на каждой гипотезе, вкратце охарактеризовав позиции их авторов. Самыми антинаучными среди них, по его мнению, являлись гипотезы о славянском и кабардинском происхождении балкарцев.

В основе славянской гипотезы лежит статья П. Буткова «О имени Козак», опубликованная в 1822 году в журнале «Вестник Европы», в которой автор возводит балкарцев к славянскому племени болгар, переселившихся с Кавказа в Европу. Заблуждения П. Буткова связаны, в первую очередь, с неверным представлением о древней истории болгар, являющихся, по его мнению, исконными славянами. Столь же необоснованной является и гипотеза о кабардинском происхождении балкарцев, базирующаяся на мнении Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, считающих балкарцев бедными кабардинскими переселенцами. Согласимся с мнением Е.Х. Кумыкова, что «нет нужды доказывать антинаучность гипотезы о кабардинском происхождении балкарцев. Даже не может быть и речи о существенном кабардинском компоненте в этногенезе балкарцев»³.

Монголо-татарская, ногойская, турецкая и крымская гипотезы, описанные в докладе Т.Х. Кумыкова, основаны, главным образом, на

³ Кумыков Т.Х. Указ. раб., с.13.

легендах и преданиях, которые содержат сведения о связях и отдельных компонентах названных народов в составе карачаево-балкарского этноса. Т.Х. Кумыков поддерживал исследовательский посыл о том, что рассматривать то или иное событие следует в конкретных исторических условиях, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. «Если взять период с IV по XIII вв. н.э., – пишет он, – на территории Северного Кавказа и Причерноморья столько было причудливых исторических переплетений! На протяжении более тысячелетия эта территория служила как бы мостом для передвижения тюркских народов на запад. Здесь мы встречаемся с гуннами, аварами, болгарами, печенегами, тюрками, хазарами, половцами, монголами и т.д.»⁴. Большинство из них в той или иной степени участвовали в этнической истории карачаевцев и балкарцев. Вопрос состоит в хронологии и степени этого участия.

Монголо-татарский и ногайский компоненты могут присутствовать в этноформирующем процессе, но лишь в виде отдельных групп, отколовшихся от полчищ Тимура и примкнувших к предкам карачаевцев и балкарцев после распада Орды. Они не явились этнообразующими поскольку эти группы растворились в уже сформированном этническом массиве, т.е. стали лишь завершающей фазой этногенеза. Предания, легенды, этимологии отдельных карачаево-балкарских фамилий сохранили память об этих событиях. Взгляды К.Ф. Сталь, Ф. Леонтовича, А.П. Берже о родстве карачаевцев и балкарцев с татарами, монголами, ногайцами проистекают из их общей принадлежности к тюркоязычным народам. Иными словами, русские ученые XIX в., не проводя специальных исследований, делали разнообразные предположения о возможных путях формирования карачаевцев и балкарцев, связывая их с более многочисленными и известными в истории Кавказа тюркоязычными племенами, т.к. игнорировать их родство было лишено смысла. Однако в некоторых случаях родство их имело отдаленное во времени значение и могло быть сведено лишь к общему прототюркскому ядру. В противовес этим утверждениям отдельные современные ученые пытаются доказать, что балкарцы перешли на тюркский язык лишь в XIX веке. Абсурдность подобных высказываний не требует доказательств.

Во временном срезе к монголо-татарской и ногайской версиям примыкала гипотеза о кипчакском происхождении карачаевцев и балкарцев. По Кумыкову, эта теории к середине XX века была «более или ме-

⁴ Там же, с.27.

нее обставлена научной аргументацией». Он указывает на языковую связь с кипчаками, установленную А. Самойловичем⁵, чем одновременно опровергает монгольскую и ногайскую версии. Наличие кипчакского компонента отмечали А.Н. Дьячков-Тарасов и Н.А. Баскаков. Главным документальным источником, лежащим в основе кипчакского происхождения балкарцев и карачаевцев, является летопись Ибн аль-Асира, где отмечается, что часть кипчаков, скрываясь от монголов, бежала в горы. При этом документ не содержит прямых указаний в какие именно горы бежали кипчаки, зато в нем имеется описание «степей на берегу моря». Рашид-ад-Дин, первый переводчик Ибн аль-Асира, также говорит о стране, «сплошь покрытой лугами», и о городе «Судак на берегу моря». Таким образом, речь идет не о горах Центрального Кавказа, где проживали предки карачаевцев и балкарцев. Этот тезис подтверждается и в специальных исследованиях Золотой Орды, где утверждается, что разбитые кипчаки двинулись на юго-восток Европы, к своим кочующим между Волгой и Днестром собратьям⁶. Кочевые области кипчаков сегодня определены достаточно точно путем археологических реконструкций. Это восемь объединений: Предкавказское, Крымское, Поволжское, Нижнедонское, Приазовское, Донецкое, Приднепровское и Лукоморское, причем восточные границы предкавказских кипчаков не простирались далее левобережья верховьев Кубани и Подкумка⁷. Языковая доминанта карачаево-балкарского языка также была предметом обсуждения на сессии 1959 года. Доказывалось, что фонетическая система и лексический состав грамматики говорят против мнения, что предки карачаевцев и балкарцев были кипчаки⁸. Таким образом, выводы Т.Х. Кумыкова о том, что кипчаки были основой формирования карачаево-балкарского народа, представляются с сегодняшних позиций преждевременными.

Близость расселения тюркских племен, входивших в состав Хазарии, становится основой для утверждения о хазарском происхождении балкарцев и карачаевцев. Аргументами для обоснования этой теории Т.Х. Кумыков считал фольклорные данные, факт принадлеж-

⁵ Самойлович А. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926, с. 5.

⁶ Греков В., Якубовский А. Золотая Орда. М.-Л., 1935.

⁷ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982, с.60

⁸ Алиев У.В. Выступление на научной сессии по происхождению балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, 250.

ности хазар к тюркским народам и то положение, что в сфере влияния Хазарского каганата находились северокавказские племена⁹. В X веке Константин Багрянородный подробно описывает жизнь хазар и соседних с ними народов¹⁰. В борьбе с арабским халифатом хазары использовали северокавказских горцев. Их крепости были построены у главных перевалов Кавказа, в частности, на территории Алании (нынешний Карачай). Распад Хазарского государства к середине X века привел к тому, что жители хазарских крепостей были ассимилированы этнически родственными тюркскими племенами. Из этого следует, что хазарский компонент с большой долей вероятности присутствует в этногенетическом ядре карачаево-балкарцев.

Таким образом, мы подошли к двум основным теориям, бытующим в современной историографии по интересующему нас вопросу: болгарской и аланской. Т.Х. Кумыковым они представлены не в равной степени. Гораздо большее внимание он уделяет болгарской теории.

В конце 50-х гг. XX века генетическая связь между карачаево-балкарцами и древними болгарами (булгарами) выдвигалась на первый план. Наиболее древние сведения о древних болгарах содержатся в трудах античных авторов. В работе Т.Х. Кумыкова упомянуты сочинения М. Хоренского, Маар-Абас-Котины, Феофана и Никифора, Константина Багрянородного. Этот список можно дополнить именами Аммиана Марцеллина, Прокопия, Зосима, Л. Мровели, Масуди и др. Древнейшим упоминанием о болгарах является сообщение Маар-Абасы-Котины о том, что в 149-127 г. до н.э. «произошли большие смуты в цепи кавказских гор, в земле болгар».¹¹

В первых веках новой эры в Северном Причерноморье и прилегающих восточноевропейских степях возникало и распадалось множество племенных союзов. На рубеже IV-V вв. н.э. возникает мощный союз племен, возглавляемый болгарами, достигший расцвета к середине VII в. Сопоставление византийских, армянских, сирийских и других письменных источников говорит, что земля древних болгар охватывала в этот период почти всю территорию Северного Предкавказья и горные районы Центрального Кавказа¹². Археологические памятники древних

⁹ Кумыков Т.Х. Указ.раб., с. 28.

¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991, с. 177.

¹¹ Голубовский П.В. Волгары и хазары // Киевская старина. Киев, 1988, №7, с. 27.

¹² Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993, с.95

болгар подтверждают словесные описания письменных источников¹³.

До гибели Тюркского каганата болгары входили в его состав, занимая крайние западные владения. В распаде каганата принимали активное участие два знатных рода – род Ашина и род Дуло¹⁴. Род Ашина впоследствии участвовал в формировании хазарского объединения. Вместе с династией Ашина Хазария унаследовала государственные традиции и авторитет тюркской державы¹⁵. Хан Кубрат из рода Дуло начал активную деятельность по объединению разрозненных болгарских орд. Вновь созданное им объединение, известное под именем Великой Булгарии, включало как тюркоязычные, так и угроязычные орды. Однако ведущим языком стал тюркский. По мнению ученых, это дает основание полагать, что внутри объединения уже началось формирование этнической общности¹⁶. После смерти хана Кубрата (около 642 г.) в Булгарии начинается междоусобная борьба между его сыновьями, закончившаяся распадом на несколько больших орд и расселением.

Часть болгар во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай и, подчинив здесь славянские племена, положила начало Дунайской Булгарии. Вторая часть во главе с ханом Батбаем осталась в Приазовье-Прикубанье. Третья часть передвигается на север к Дону и далее на Волгу, положив начало Волжской Булгарии¹⁷.

Как рассуждал средневековый историк Рашид-ад-Дин, с течением времени кочевые народы «разделились на многочисленные роды, (да, и) во всякую эпоху из каждого подразделения возникли (новые) подразделения и каждое по определенной причине получило свое имя и прозвище»¹⁸. Эти слова в полной мере соответствуют истории древних болгарских племен, которые оставили память о себе не только в исторических хрониках, но и отметили свое присутствие в этногенезе современных болгар, казанских татар, чувашей, балкарцев и карачаевцев.

Первое предположение о болгарском происхождении балкарцев выдвинул П. Бутков в 1822 году. Прослеживая историографию этой

¹³ Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984, с. 172-174.

¹⁴ История Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988, с. 117.

¹⁵ Атрамонов М.И. История хазар Л., 1962, с. 162.

¹⁶ Плетнева С.А. Указ.раб., с. 49.

¹⁷ История Северного Кавказа..., с. 117.

¹⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952, т.1, кн.1, с. 74.

теории, Т.Х. Кумыков представил в своем докладе мнение В. Миллера о том, что «тюркская народность балкарцев и близость их имени к одной из форм имени болгар (балкар), приводимой «армянской географией VII века», невольно наводит на предположение, не скрываются ли в балкарцах последние потомки одной из ветвей кавказских болгар»¹⁹. Позднее эта гипотеза была подтверждена Н.А. Карауловым в статье «Болкары на Кавказе». Л.Н. Гумилев в своих изысканиях по кочевникам Великой степи с балкарцами также отождествляет «черных болгар», которые были разбиты хазарами²⁰.

Анализируя болгарскую версию, Т.Х. Кумыков подвергает ее сомнению и для полного обоснования предлагает исходить из следующих предпосылок.

- 1) какие существуют исторические данные в пользу теории о болгарском происхождении балкарцев;
- 2) что говорят этнографические материалы о генетической связи между балкаро-карачаевцами и болгарями;
- 3) языковые данные;
- 4) каковы археологические материалы;
- 5) каковы итоги антропологических исследований;
- 6) топонимика, этнонимика.

На период проведения научной сессии 1959 г. не по всем из названных пунктов имелась достоверная научная информация. Наиболее обеспеченным данными выглядел пункт об исторической подтвержденности выдвинутой гипотезы. Дальнейшие исследования в этом направлении сполна дополнили болгарскую версию происхождения балкарцев, сделав ее на определенном этапе развития исторической мысли, одной из основных.

Болгаро-балкарские языковые схождения были представлены на сессии в докладе А.Х. Соттаева. Его вывод звучал следующим образом: «При классификации тюркских языков, балкаро-карачаевский язык не может быть оторван от древнеболгарской группы... Современный балкаро-карачаевский язык восходит к более древним тюркским языкам и является результатом исторического процесса развития, древнее же ядро балкаро-карачаевского языка составляет болгаро-

¹⁹ Цит. по Кумыкову Т.Х. Указ. раб., с. 19.

²⁰ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., с. 158.

алано-половецкий элемент»²¹. Эту линию продолжают исследования С.Я. Байчорова по выявлению, дешифровке и историко-лингвистическому анализу древнеболгарских надписей²². Чрезвычайная близость антропологических типов современных болгар и балкарцев, ранее установленная болгарским ученым Ц. Кристановым, подкреплена исследованиями академика В.П. Алексева²³. Указания древних письменных источников и данных языка со всей полнотой подтверждаются археологическими изысканиями. Археологические памятники древних болгар обнаружены у устья Кубани, в окрестностях Фанагории, в верховьях Кубани, в окрестностях г. Кисловодска, в Баксанском и Чегемском районах КБР, у с. Аргудан, у г. Майский и в др. районах Центрального Предкавказья²⁴. Древнетюркские рунические надписи говорят о массовом расселении тюрков-болгар в верховьях рек Уруп, Кыфар, на городищах Гиляч и Адиух и др. Обнаружена масса глиняных котлов с внутренними уголками, которые принято считать типично болгарскими.

Этнонимика, топонимика, гидронимика карачаево-балкарского языка изобилует красноречивыми подтверждениями генетической связи с древними болгарскими. В этом ряду стоят такие этнонимы балкарцев, сохранившиеся в языках соседних народов, как: асы, аланы, балкары, басыане, азухо и др.; топонимы: Башиль, Ас-кала, Гунн-кала, Былым, Хазар-кала, Алан-Дорбун и др.

И, наконец, последняя из гипотез, прозвучавшая в докладе Т.Х. Кумыкова, связана с племенем аланов. Ссылаясь на труды Г. Кокиева, он констатирует так же, что в первые века нашей эры кочевники-аланы населяли степные районы Приазовья и Предкавказья, и к концу I тыс. н.э. появились все предпосылки для образования аланского политического объединения, в состав которого входили и другие племена Северного Кавказа. Он констатирует, что в составе ала-

²¹ Соттаев А.Х. Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка // Происхождение балкарцев..., с. 94-95.

²² Байчоров С.Я. К этногенезу карачаево-балкарского народа по данным языка и эпиграфики // Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1989; Его же. Древнетюркские памятники Европы. Ставрополь, 1989 и др.

²³ Алексева В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989; Ее же. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

²⁴ Плетнева С.А. От кочевий к городам М., 1967, с. 7-8; Ковалевская В.Б. Указ. раб., с. 174.

нов находились разноязычные племена, в том числе и тюркские²⁵. Таким образом, признавалась несомненная этногенетическая связь карачаево-балкарцев с аланами. В основу, главным образом, было положено два аргумента: то, что вплоть до XIX в. территория, заселенная карачаево-балкарцами, именовалась «Аланией», и этноним «алан», сохранившийся только в карачаево-балкарском языке в значении «друг», «собрат», «товарищ» и т.п. По мнению Т.Х. Кумыкова эти факты заслуживают пристального внимания. Его научная прозорливость, тонкое научное чутье стали путеводными для многих его учеников и последователей.

Во второй половине XX века в результате интеграции археологических и этнографических исследований в нашей стране начинает складываться новое направление науки, призванное решать круг проблем по истории культуры и общества на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем²⁶. С этих позиций многие этногенетические вопросы приобретают новое звучание, открываются стороны, ранее остававшиеся за пределами научных изысканий. Получение новых знаний, переосмысление результатов прошлых исследований под углом этноархеологии с использованием смежных дисциплин прояснило отдельные моменты и траекторию в целом этногенетической истории карачаево-балкарцев.

В сентябре 1994 г. в г. Карачаевске на базе Карачаево-Черкесского госпедуниверситета состоялся круглый стол по проблемам этногенеза карачаевцев и балкарцев. Это была первая после сессии 1959 г., встреча ученых, посвященная данной проблеме²⁷. Были обобщены новые сведения, собранные почти за столетия. Красной нитью этого научного форума проходила аланская теория происхождения карачаево-балкарцев. «Бесспорно доказанным является то, – говорится в докладе К.Т. Лайпанова, – что в его (карачаево-балкарского народа (И.М.)) этногенезе участвовали как автохтонные древние северо-кавказские племена, так и пришлые кочевые тюркские племена, в частности, киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, болгары,

²⁵ Кумыков Т.Х. Указ.раб. с. 31.

²⁶ Томилов Н.А. Археолого-этнографическое течение в российской науке // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик-Омск, 2001 с. 22.

²⁷ Этногенез карачаевцев и балкарцев. Карачаевск, 1997.

хазары и в особенности аланы»²⁸. Этногенетический ход формирования карачаево-балкарского народа с точки зрения современной науки представляется достаточно сложным, но в то же время гораздо более прозрачным, чем это выглядело в середине XX века.

Многочисленные проанализированные материалы свидетельствуют, что основа этногенетического ядра карачаево-балкарцев была заложена на Северном Кавказе в период проникновения и оседания здесь древнейших кочевников IV-III тыс. до н.э. Позднее на эту основу наложилась тюркоязычная часть скифского племенного объединения и далее их генетические приемники - гунно-болгарские и алано-асские племена. Иными словами, это был трехэтапный процесс.

Первый этап, как отмечалось выше, соответствует эпохе энеолита и связан с процессом смешения кавказских племен со степными носителями древнейшей археологической культуры. Этот горно-степной симбиоз явился тем значимым историко-культурным явлением, которое дало толчок тем процессам, в результате которых появился карачаево-балкарский этнос.

Второй этап соотносится со скифским присутствием на Северном Кавказе. Наличие среди скифов тюркских племен признавали такие видные ученые как В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, Э.И. Эйхвальд, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Н. Аристов, В.В. Латышев и ряд др. именно эта часть скифов связана с формированием этногенетического ядра карачаевцев и балкарцев.

Третий этап падает на период раннего средневековья, когда племена гунно-болгарского и алано-асского круга, создавшие Великую Болгарскую державу в VII в. и Аланское государство в IX-XIII вв., довершают процесс формирования карачаево-балкарского этногенетического ядра.

По этому завершающему и самому молодому периоду сохранилось множество разнообразных свидетельств и памятников, ярко демонстрирующих сопричастность истории раннесредневековых тюрков с карачаево-балкарским этногенезом. Это и стало причиной того, что на сессии 1959 г. этногенез балкарцев и карачаевцев пытались увязать практически с каждым из этих племен в отдельности (то гунны, то аланы, то болгары...). Все становится на свои места, если проследить

²⁸ Лайпанов К.Т. Об аланском происхождении карачаево-балкарцев // Этногенез карачаевцев и балкарцев..., с. 36.

временную последовательность и генетическую преемственность тюркских племен, в разное время господствовавших на территории Северного Кавказа.

Роль поздних тюрков в изучаемом процессе не умаляется, однако их участие в процессе формирования карачаево-балкарского этноса уже не являлось определяющим и накладывалось на вполне сформированную основу, дополняя ее отдельными штрихами.

Вопросы этногенетической истории являются наиболее сложными и запутанными во всемирной истории человечества. Их решение, даже в приближенном варианте, требует особых знаний, умений, специальной подготовки, а также определенной научной смелости.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Артамонов М.И. История хазар Л., 1962.

Байчоров С.Я. К этногенезу карачаево-балкарского народа по данным языка и эпиграфики // Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1989.

Голубовский П.В. Болгары и хазары // Киевская старина. Киев, 1988, №7.

Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

Кумыков Т.Х. Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Лайтанов К.Т., Мизиев И.М. Происхождение тюркских народов. Черкесск, 1993.

О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Самойлович А. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926.

Этногенез карачаевцев и балкарцев. Карачаевск, 1997.

К.М. Алиев
г. Махачкала

К ИСТОРИИ ТИТУЛА КРЫМ-ШАУХАЛ

1. О достоинстве (статусе) крым-шаухала

Достоинство крым-шаухала (наследника престола) у кумыков сравнивают с достоинством «калгай-султана» в Крымском ханстве¹; можно, наверное, сравнить с кронпринцем у германцев (нем. *Kronprinz*, букв. принц (князь) короны). В Карачае этот титул, очевидно, стал фамилией правящей династии князей Крым-шаухаловых (в рус. транскрипции Крымшамхаловы), происхождение которых по одной из версий связывается с шаухалами Тарковскими, по другой, что менее вероятно – с Крымом².

Возникновение достоинства шаухала по всем достоверным источникам можно отнести ко временам или «аравийских завоеваний»³, или сельджуков, или золотоордынских ханов (см. выше). Как сообщает, опираясь на известные ему мусульманские источники, Халим Герей Султан в «Юлбин-и ханан», своего независимого правителя ку-

¹ См.: О правителях Дагестана – шаухалах. Мехмет-Эфенди. Рисале-и Ахвал-и Дагыстан... //Вести. №2-3.Махачкала. 2001.С. 16.

² Алиев У. Кара-халк. Ростов-на-Дону. 1924. С.с.28; Лайпанов К. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск. 2000. С. 30, 36; Алиев К.М. Дорогой тысячелетий. Кумыки и их этнородственные связи. Махачкала.2004. С. 50,56.

³ В одном из архивных документов, например, утверждается, что «учреждение звание Шаухала относится ко временам первых аравийских завоеваний. Из преданий и летописей кумыкских (!) видно, что первый шаухал Шахвали был шаухалом в Казы-Кумуке, а не во владениях Тарковских. Место пребывания ханов Золотой Орды было близь Дербента (между Буйнаком и Каякентом)» (ЦГА РД.Ф.105.Оп.1.Д.22. Л. 24).

мыки «избрали из рода Чингизхана после поражения Миран-Шаха от Ак-Коюнлу» и его величали по-своему шаухалом⁴, т.е. в 1443/44 г. Примерно на такую же хронологию указывают и архивные источники⁵. Из источников также известно, что одновременно с шаухалом намечался и крым-шаухал. Титул этот, как говорит предание, образовался после того, как шаухалы окончательно основали свою постоянную резиденцию в Тарках. Звание крым-шаухала, как указывает С. Белокуров, было связано с бийским (феодалным) обычаем («кум. – бийадат»), согласно которому самый старший в роде после шаухала считался наследником престола и должен был до получения власти, т.е. до смерти правящего в Тарках владетеля, жить в Бойнаке на положении «ярим-шавхала» (букв. половинного или неполного шавхала), а нередко и «крым-шаухала» (беспокойного шавхала)⁶.

Выборы как самого шаухала, так и крым-шаухала (наследника престола) происходили на съездах князей, мурз и «лучших людей» «всей Кумыцкой земли»⁷. Но еще в 16-17 вв. титул этот не был наследственным по прямой линии. Шаухалов и крым-шаухалов выбирали из старших членов шаухальского рода разных феодалных владений Кумыцкой земли.

2. К истории фиксации титула крым-шаухал

Наиболее часто этот кумыкский титул и производный от него политоним «крымство» («кырымлык») встречаются с первой половины XVI в.⁸ К этому же периоду относится упоминание в османских (турецких) источниках терминов «улу шавхал» (*большой шаухал*) и «кючюк шавхал» (*меньший шаухал*)⁹, что, очевидно, соответствует терминам

⁴ Ahmet Cevdet. *Kirim ve Kafkas Tarihcesi* // Emel. №221. Ankara. 1998. S.28.

⁵ В одном архивном источнике, в частности, сообщается, что «...шаухалы вышли из Кази-Кумука в Тарки во времена внутренних раздоров и неурядиц в Золотой Орде после грозного нашествия Тамерлана и распада Золотой Орды на отдельные царства и ханства» (ЦГА РД.Ф.105.Оп.1.Д.22. Л. 24).

⁶ См.: Белокуров С.А. Указ.соч., прим. 75.

⁷ Кушева Е.Н. Указ.соч. С.45.

⁸ См.: ПСРП. Т. 29. С. 230, 231; Бакиханов А.-К. *Гюлистан-и Ирам*. Баку. 1991; Кушева Е.Н. *Народы Северного Кавказа и их связи с Россией*. Вторая пол. XVI – 30-е годы XVII века. М. 1963. С.230, 231, 252, 254; Русско-дагестанские отношения в XVII- первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958. С.55, 97 и др.

⁹ Kirzioglu F. *Osmanlilarin Kafkas Ellerin Fethi*. 1475-1590. Ankara. 1993., S. 269, 311, 312,467

«шаухал» и «крым-шаухал» у самих кумыков. Отметим также, что в сефевидских (иранских) источниках известен «*асгар-и шавхал*» (*меньший шаухал*)¹⁰, что должно соответствовать термину «крым-шаухал». По всей вероятности был и «*азам-и шавхал*» (*великий шаухал*).

Однако встречающиеся в ряде источников данные позволяют отнести время фиксации данного титула к более раннему периоду, а именно к сельджукской эпохе. Базовым в этом титуле, конечно же, является «шаухал». Титул этот является производным от высокого титула кумыкских верховных правителей (царей) шаухал (шавхал, шевкал). Последний, очевидно, впервые встречается в форме «*шевкал-и мелик*» в «Книге моего деда Коркуда», несколько позже в «Повести о Шевкале» (1318 г.)¹¹ и у тимуровских историков Шами и Йезди в 1396 г. в форме «шаукал»¹², что свидетельствует об изначальности именно этой формы, а не позднейшей аварско-даргинско-лакской «шамхал», на что обращал внимание еще академик В. В. Бартольд¹³.

3. О происхождении и значении титула крым-шаухал

В настоящей статье мы не будем специально останавливаться на происхождении титула «шаухал», а только отошлем читателей к некоторым работам, освещающим данный вопрос¹⁴.

Что же касается значения первого компонента титула «*крым-шаухал*», то тут много неясного и спорного. В народной, не ученой этимологии он отождествляется с кумыкским «ярым» в значении «полу»/наполовину» [шамхал] или с лакским «хириб» в значении «меньший».

Мы исходим из того, что значение этого термина следует искать в словах «кърым», «къырымлыкъ» («крымство» в документах русско-

¹⁰ Козлова А.Н. Новое об Али Кули Хане Валехе и его духовном наследии // КНКО: Вести. №2-3. Махачкала. 2001. С.29.

¹¹ «Полн. Собр. рус. летоп.», тт. I, III, IV, V и VII (по указателю к 8-ми том. летописей – Шевкал); см. также. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Шелкан Дудентьевич русскими были в контексте древних взаимоотношений русского языка с тюркскими Северо-Восточного Кавказа. // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: итоги и перспективы. Петрозаводск. 2007. С.67.

¹² Kirzioglu F. Dede Korkud Oguznameleri. 1 kitap, Istanbul. 1952. S.56, 82, 249.

¹³ См.: Бартольд В.В. // Сочинения. Т.3.М., 1995. С.42..

¹⁴ Кадраджиев К.С. Структура и генезис соционима шамхал // Социальная терминология в дагестанских языках. Махачкала. 1989. С. 52; Алиев К.М. История шаухалов: страницы кумыкской родословной. Махачкала. 2007. С.; Гусейнов Г.-Р.А.-К. Шавхал // КНКО: Вести. №2-3(6-7). Махачкала. 2001. С. 39-44.

кумыкских отношений¹⁵), встречающихся в кумыкском и других тюркских языках.

Прежде всего, отметим, что кумыкская основа *къырым* сохраняется в старописьменном языке в значении «пограничная область». Одноко-ренное и близкое по значению с этим термином слово **къырай, кърай или къырый** (ср. киргизскую параллель: кыйыр/кыйырым) в значении «край, грань, предел». У этого слова в киргизском языке есть и значе-ние «родня», «родственник», «родственное или родное племя, родной народ»¹⁶, «крым – даль, дальняя сторона»¹⁷.

Термин этот был заимствован и другими языками. Отсюда, видимо, и русское слово край (окраина, Украина). В русских источниках XVI-XVII вв. окраиной, Украиной, следуя логике тюрков, называется по-граничная область страны. Так, в грузинских источниках, в которых грузинский царь Александр в 1589 г. жалуется на кумыков, мы читаем: «Где мне случится идти на Турскую (Турецкую – К.А.) Украину, а Шев-кал в ту пору приходит на мою Украину войною»¹⁸. Кстати, на грузин-ском эта пограничная область называлась *Греми* (от тюркского Крым).

К указанному термину, очевидно, восходит и наименование Крым-ского ханства и полуострова. Более того, сам термин, по компетентному мнению ученых, существовал уже у болгар в VIII веке¹⁹. Во всяком слу-чае, в 803-817 гг. известен болгарский хан, носивший имя «Крум Хан»²⁰. Имя этого хана, как считается, отложилось в названии горы и средневе-кового городища у г. Кисловодска, которое в литературе искаженно име-нуется Рим-горой, по созвучию Хрум – Рим. У балкарцев сохранилась поговорка, связанная с этим городищем: «Хрум-къала, Гум-къала, къу-руп къалсын бу къала!»²¹. Вероятно, считает историк И. Мизиев, вместе с именем Хрума и этнонимом гуннов или куманов (кум), а от себя доба-вим, и кумыков народная этническая память сохранила воспоминание о каком-то кровопролитии у стен этого города-крепости. Позднее бал-

¹⁵ См.: Русско-дагестанские отношения в XVII- первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958. С.55, 97 и др.

¹⁶ Кыргызча-орусча сөздүк. М.1965.С.498.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кавказский этнографический сборник. М. 1976. С. 268.

¹⁹ Бушаков В. Название «Крым» пришло из глубины веков // Го-лос Крыма. 10.06.1994. №23(30). С.3. От болгар оно могло перейти к половцам-кипчакам, которые являются предками не только кумыков с кар-чаевцами и балкарцами, но и крымских татар.

²⁰ Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.С.178.

²¹ Мизиев И.М. Шаги к этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик. 1986. С. 109.

карцы перенесли название Гум-къала на современный город Минеральные Воды²². В связи с изложенным интересно мнение немецкого ученого Якоба Рейнегса (XVIII в.), писавшего о том, что полуостров Крым назван по имени предводителя народа, который завладел им, переселившись сюда с прежнего места жительства (Северный Кавказ)²³.

Таким образом, если теперь вернуться к изначальному, первоначальному смыслу термина *крым-шаухал*, то можно сказать, что в буквальном смысле он мог означать «шаухала (правителя) крыма», т. е. наместника пограничной области, каковым для кумыкского шаухала являлся Уллу Буйнак. В Крымском ханстве, например, «крым беками» (ср. с крым-шавхал) назывались князья над своими племенами, представленные в ханском совете-диване²⁴.

Еще один аспект этой проблемы, пока еще остающийся вне поля зрения ученых – производный от слова – основы «крым» политоним «**кЪрымылыкЪ**» (русская калька – «**крымство**»). Этимологизируя его, нелишне привлечь и сведения И. Барбаро (1413-1494), который упоминает о черкесской области Кремук (Chremuchum)²⁵, локализуемой учеными на правом берегу Кубани в ее среднем течении в непосредственном соседстве с зоной расселения в XV в. абазин, в том числе, бибердовцев. Если у И. Барбаро рассматриваемая область известна под названием «Кремук», то Дж. Интерниано в конце XV в. называет ее «Кромук», уточняя, что так именуется «небольшая долина в глубине страны..., имеющая лучшее местоположение и более других населенная», что дает основание относить ее существование к концу XIV – началу XV вв. О том, что отождествление области Кремук с каким-либо адыгским этносом неадекватно, свидетельствуют данные И. Барбаро, согласно которым за ней в числе прочих живут кевртеи и кинпики²⁶. При этом первые из них легко идентифицируются с кабартями-кабарами, а вторые, возможно, с кыпчаками. На последнее указывает возможность возведения названия «Кремук» / «Кремух» / «Кромук» к кумыкскому «кЪырымылыкЪ» («крымство»). Вполне возможно, что при латинской передаче этот термин был искажен в «кромук». В пользу данного предположения свидетельству-

²² Там же.

²³ ДИРЗЕА. С. 263.

²⁴ Tunmann. Der Krimische Staat. Troppau. 1784. P. 26,29

²⁵ Барбаро и Контарини. О России. Л., 1971. С.128.

²⁶ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С.30,49.

ет ср.-век.-кыпч. *кыыранг* со значениями «край, берег», «граница, мерка» (чув. диал.)²⁷.

Обобщая, следует сказать, что термин *крым-шаухал*, как, впрочем, и крым-бек у татар, на языке той эпохи первоначально, видимо, обозначал предводителя пограничной области, а кыырымлыкъ (крымство) – особое пограничное владение в составе Золотой Орды. Такая практика существовала и у тюрков еще в раннем средневековье (хазар, болгар), когда наместниками («йабгу / жабгу», «илтебер», «селифа») пограничных областей (по-тюркски: кол, уч) становились принцы крови из дома тюркских каганов²⁸. Более того, известно, что кумыки в период Золотой Орды находились под властью золотоордынских ханов, которые владели пограничными областями державы²⁹.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алиев К.М. Дорогой тысячелетий. Кумыки и их этнородственные связи. Махачкала. 2004.

Алиев К.М. История шаухалов: страницы кумыкской родословной. Махачкала. 2007.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Шавхал // КНКО: Вести. №2-3 (6-7). Махачкала. 2001.

Кадраджиев К.С. Структура и генезис соционима шамхал // Социальная терминология в дагестанских языках. Махачкала. 1989.

Лайпанов К. Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск. 2000.

Русско-дагестанские отношения в XVII- первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958.

²⁷ Этимологический словарь тюркских языков. 1997. С. 226; см. также: Гусейнов Г.-Р.А.-К. Историко-лингвистические комментарии к интерпретации одного неясного момента в древнейшем кумыкском эпосе «Анжи-наме». Этимологический и ареальный аспекты.

²⁸ Алиев К. Дорогой тысячелетий. Кумыки и их этнородственные связи. Махачкала. 2004. С.55-56.

²⁹ Erel S. Dagistan ve dagistanlilar. Istanbul. 1961. S. 48-49.

М.И. Баразбиев
г. Нальчик

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Балкарцы и связанные с ними общностью происхождения карачаевцы традиционно проживали в высокогорной части Центрального Кавказа. При этом балкарцы освоили территорию с восточной стороны Эльбруса, а карачаевцы – его западные отроги. Балкарцы занимали четыре горных ущелья – Черекское, Хуламо-Безенгиевское, Чегемское, Баксанское, а также верховья р. Малки. Карачаевцы обжили верховья Кубани и ее притоков – Теберды, Зеленчука¹.

К моменту официального вхождения Балкарии (1827 г.) и Карачая (1828г.) в состав Российского государства общественный строй карачаево-балкарцев можно охарактеризовать как феодальный. Наличие некоторых форм феодальных отношений в Балкарии фиксируется не позднее, чем в XIV-XV веках². К XIX столетию социальная структура Карачая и Балкарии характеризовалась своей институционально-нормативной завершенностью. Так, известный российский кавказовед М.М. Ковалевский по этому поводу писал: «Взаимные отношения сословий определены с большой точностью, время отбывания отдельных повинностей и платежи установлены раз навсегда и неизменно»³.

¹ Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982, с.16.

² Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М., 2006, с. 76.

³ Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). Нальчик, 1997, с.42.

Высшим сословием карачаево-балкарцев являлись князья, именовавшиеся терминами бий (с карачаево-балкарского – князь) или таубий (с карачаево-балкарского - горский князь)⁴.

О происхождении балкарских княжеских династий в народе сохранились генеалогические предания, представляющие несомненный интерес для исследователей. Наибольшее количество княжеских родов было сосредоточено в самом древнем и крупном из всех обществ Балкарии – Черекском. Наиболее знатными и влиятельными князьями там считались потомки легендарного Басиата, по имени которого грузины это общество называли Басиани⁵. Известный российский кавказовед второй половины XIX века, профессор В.Ф. Миллер записал в Балкарии несколько вариантов предания о происхождении Басиата. Согласно первому варианту, записанному со слов таубия хаджи Шаханова, Басиат и его родной брат Баделят являлись прямыми потомками Чингис-хана, внуками его сына – хана Барака и сыновьями хана Джанибека. Впрочем, сам Миллер более правдоподобным считал другое предание, записанное им со слов таубия Абаева. Эфенди Абаев сообщил ему, что братья Басиат и Баделят являлись осиротевшими сыновьями одного крымского вельможи, которые вынуждены были покинуть Крым и уйти на Кавказ из-за притеснений своего родного дяди. Первоначально братья поселились на р. Куме, а оттуда перешли на территорию Балкарии в местность Къашха-тау. Там они расстались: Басиат остался в Балкарии и поселился около аула Кюнньюм, на левом берегу Черека, а Баделят ушел в Северную Осетию (Дигорию), где стал родоначальником дигорских феодалов-баделятов⁶.

Следует отметить, что предания о единстве происхождения с потомками Басиата отчетливо фиксировались в XIX столетии и среди самих дигорских князей⁷. Современные осетинские исследователи считают

⁴ Там же; Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). М., 1999, с.154.

⁵ Гюльденштедт И. А. Путешествия господина академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974, с. 207.

⁶ Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии (Извлечение) // Балкария: Страницы прошлого. Вып.3. Нальчик, 2006, с. 93, 94.

⁷ Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1978, с. 73.

временем появления его брата Баделята в Осетии рубеж XV-XVI веков⁸. Николай Харузин, посетивший Балкарию в 80-х годах XIX столетия и также записывавший предания о Басиате, сообщал, что тот сумел покорить местное население и долго правил в Балкарии. Под старость он почувствовал тоску по родине и, оставив своих сыновей в Черекском ущелье, возвратился в Крым⁹. К потомкам Басиата в Черекском ущелье относились следующие княжеские фамилии: Абаевы, Айдаболовы, Амирхановы, Биевы, Боташевы, Джанхотовы, Кучуковы и Шахановы¹⁰. Помимо потомков Басиата в Черекском ущелье к княжескому сословию относились фамилии Мисаковых, Жанокowych (Заниюковых), Бикановых и Темиркановых.

О происхождении Мисаковых довольно интересные сведения оставил первый балкарский историк Мисост Абаев, который указывал, что их родоначальник – Мисака, «неизвестный человек», прибыв в Балкарию, остановился на правах гостя в семье местных правителей – девяти братьев Малкаровых. Подружившись с этими братьями, Мисака ходил вместе с ними на охоту и против неприятелей, всегда отличаясь умом и храбростью, чем привлек к себе внимание и любовь единственной сестры братьев Малкаровых. Братья, однако, были против породнения с пришельцем неизвестного происхождения, из-за чего сестра Малкаровых и Мисака пошли на их убийство. После уничтожения братьев Малкаровых Мисака женился на их сестре, завладел принадлежавшими им землей и имуществом и подчинил своей власти жителей селения Сауту. Эти события происходили незадолго до появления в Балкарии Басиата¹¹.

Сведения М. Абаева несколько дополняют данные В.Ф. Миллера. Он отмечал, что Мисака жил первоначально на Кумыкской плоскости с князьями Таймазовыми, после ссоры с которыми увел у них лошадь къашха (лошадь с лысиной на лбу – М.Б.) и приехал в Балкарию. Мавзолей (кешене) Мисаки находился у горы Къашха-тау, которая якобы и получила такое название из-за лошади, похищенной им у Таймазовых¹².

⁸ Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989, с. 66.

⁹ Харузин Н. По горам Северного Кавказа (Извлечение) // Балкария: Страницы прошлого. Вып.3. Нальчик, 2006, с. 123.

¹⁰ Миллер В. Ф. Указ. раб., с. 94.

¹¹ Абаев М.К. Балкария // Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980, с. 92.

¹² Миллер В. Ф. Указ. раб., с. 98.

Вместе с тем в совместной работе с М.М. Ковалевским Миллер привел и другой вариант предания о родоначальнике Мисаковых и Басиате. В частности, там отмечается, что Мисака до поселения в Балкарии был вассалом у Басиата, проживавшего со своим братом Баделятом в Маджаре. Именно Мисака пригласил Басиата на новые места, когда узнал о его стесненном положении на родине, но поставил условие, что в Балкарии они будут обладать равными сословными правами¹³.

О происхождении таубиев Жанокowych, которых сами балкарцы называют Заниюковыми, в материалах сословно-поземельной комиссии Терской области отмечается, что они являлись потомками Басиата¹⁴. Нам представляется, что подобное утверждение не соответствует действительности. Очевидно, что если бы это было так, то Мисост Абаев, прямой потомок Басиата, обязательно отметил бы это в своем труде.

Имеются сведения, что родоначальник Жанокowych, обосновавшийся в местности Зылги, прибыл в Черекское ущелье из «Борагана»¹⁵. Современный балкарский исследователь Ю.Н. Асанов предполагает, что местность «Бораган», откуда прибыли предки Жанокowych, может быть связана с тюркским владением Брагуны, располагавшимся в период средневековья в междуречье Сунжи и Терека¹⁶.

Определенную информацию о происхождении Жанокowych может дать заявление начальнику Георгиевского округа от 24 февраля 1872г. жителей кабардинского селения Джанхотова Муссы и Шеретлуко Жанокowych, в котором сказано: «Происходя из Горских Таубиев и в давнее время переселились из Балкарии в Кабарду и хотя по переселении нашем мы считались наравне узденей Тамбиевых, Кудинетовых и Анзоровых брат же наш Алибек Женоков и родственники Мисаковы проживают в Балкарии и считаются Таубиями...»¹⁷

Нам представляется, что выделение Жанокowymi в качестве «родственников» только лишь Мисаковых и замалчивание родственных

¹³ Миллер В., Ковалевский М. В Горских обществах Кабарды // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983, с.107, 108.

¹⁴ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф.-348, оп.-1, д.-8, л.-40.

¹⁵ Соттаев А. Х. Некоторые вопросы истории балкарского языка // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1959, Т. XIV, с. 252.

¹⁶ Асанов В. Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990., с. 139.

¹⁷ ГАКК, ф.-348, оп.-1, д.-7, л.-40.

взаимоотношений с другими княжескими фамилиями Балкарии является не случайностью, не проявлением забывчивости, а указанием на их общее происхождение именно с таубиями Мисаковыми. К сожалению, о происхождении фамилий Бикановых и Темиркановых имеются довольно скудные сведения. Мисост Абаев о них писал: «Существуют таубиевские фамилии Темиркановы и Бикановы – потомки Мимбулата, но не Басиата».¹⁸ Можно предположить, что Бикановы и Темиркановы появились в Балкарии до Басиата или в скором времени после него. Так, согласно родословным осетинских феодалов, родной племянник Басиата, Кубати Баделятович был женат на балкарской княжне Бикановой, а его внучатый племянник Аслан-Гирей Чегемович – на княжне Темиркановой¹⁹.

Следующим, после Черекского ущелья, по количеству княжеских родов в Балкарии являлось Чегемское. Там их было четыре: Балкароковы, Барасбиевы, Кучуковы и Келеметовы. Происхождение первых трех фамилий зафиксировано в 80-е годы XIX столетия академиком М.М. Ковалевским. Ковалевский отмечал, что их предок Анфако Болотоков являлся выходцем из адыгского племени абадзехов, который первоначально поселился в Баксанском ущелье Балкарии. Из Баксанского ущелья внуки Анфако от его сына Ипара, Бай-Мурза и Джан-Мурза, переехали в Чегемское, правителем которого в то время был князь Бердыбий. Братья Болотоковы были радушно встречены Бердыбием и стали пользоваться его расположением. После смерти Бердыбиа пришельцы воспользовались малолетством его сына Рачкау и захватили власть в Чегемском обществе в свои руки. Согласно сведениям Ковалевского, братья Болотоковы прибыли в Чегем приблизительно в XVI столетии²⁰. От старшего брата Бай-Мурзы произошли впоследствии таубии Барасбиевы и Кучуковы, а от младшего – Балкароковы.

Сведения о происхождении Келеметовых в начале XX века привел Н.П. Тульчинский, писавший, что их родоначальником являлся выходец из Дигории²¹. Вместе с тем можно отметить, что часть исследователей считает, что Келеметовы своим генезисом восходят

¹⁸ Абаев М. К. Указ. раб., с. 100.

¹⁹ Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000, с. 38.

²⁰ Калоев В. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979, с. 172-175.

²¹ Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5, с. 164.

к родоначальнику остальных трех других княжеских фамилий Чегема – Анфако Болотокову.²²

В Хуламском обществе Балкарии представителями княжеского сословия являлись таубии Шакмановы. О происхождении Шакмановых имеется несколько версий. По одной из них Шакмановы являлись потомками Басиата²³, а по другой их предок прибыл в Балкарию из Осетии. Так, Н.П. Тульчинский отмечал, что они, также как и Келеметовы, являлись выходцами из Дигории²⁴. Сведения о происхождении Шакмановых из Северной Осетии приводит и З.Д. Гаглойти, которая пишет, что в селении Тара, расположенном в Архонском ущелье, проживали потомки некоего Хунарвада. Впоследствии часть из них покинула это ущелье и ушла в другое место. Так, Слоновы и Дударовы ушли в Тагаурское ущелье, где сумели примкнуть к высшему сословию тагаурцев – тагиатам, а их родственники Шакмановы выселились в Балкарию. Впрочем, Гаглойти отмечает, что сам Хунарвад по происхождению не был осетином, а являлся пришельцем в Осетию из ногайцев²⁵.

В Безенгиевском обществе к сословию таубиев принадлежали князья Суюнчевы, утверждавшие, что их предок прибыл на Кавказ из Крыма. В документах сословно-поземельной комиссии Терской области отмечается, что Суюнчевы выводили свое происхождение от некоего Барак-хана, к которому возводили свою генеалогию и брагунские (кумыкские) князья²⁶. В связи с этим нам кажется, что имеет смысл привести сведения о происхождении брагунских князей. В «Очерке сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей», составленном во второй половине XIX века записано: «Брагуновские князья Таймазовы объясняют свое происхождение так – более трехсот лет тому назад, во время раздоров, возникших между крымскими ханами, предок Таймазовых – Борохан (Барак-хан – М.Б.), принадлежавший к роду крымских ханов, ушел из Крыма на Кавказ с подвластным ему народом, в числе 1700 кибиток, и поселился первоначально возле Дербента, но подавленный персиянами принужден был удалиться оттуда и избрал с своим народом у слияния

²² Асанов В. Н. Указ. раб., с. 141.

²³ ГАКК, ф.-348, оп.-1, д.-8, л.-40.

²⁴ Тульчинский Н.П. Указ. раб., с. 164.

²⁵ Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974., с. 131.

²⁶ ГАКК, ф.-348, оп.-1, д.-8, л.-40.

р. Сунжи с р. Терек на настоящем месте нахождения аула Брагуны»²⁷.

Интересно, что в преданиях, зафиксированных в Балкарии в 50-х годах прошлого столетия, указывалось, что Суюнчевы прибыли туда именно из местности «Бораган», т.е. из Брагунов²⁸. Таким образом, можно предположить, что процесс переселения предков Суюнчевых в Безенги проходил в несколько этапов: Крым - Дербент - Брагуны - Безенги. Причем, сами Суюнчевы сохранили в памяти место своего первоначального проживания – Крым. Одним из подтверждений крымского происхождения Суюнчевых можно считать сведения, приводимые в конце XIX столетия В.Я. Тепцовым, который писал о внешнем виде князей Безенги: «...они, несомненно, татарского происхождения»²⁹.

Потомками Барак-хана являлись также и представители княжеской фамилии Баксанского ущелья Балкарии Урусбиевы. Согласно народным преданиям, малолетний Чепелеу Урусбиевич Суюнчев вследствие раздоров с родственниками по отцу вынужден был покинуть Безенги и ушел вместе с матерью к ее родственникам в Чегемское ущелье. Когда Чепелеу повзрослел, то переселился на жительство в Баксанское ущелье, где он сам и его потомки стали правителями. За потомками Чепелеу закрепилась фамилия Урусбиевы³⁰. Переселение Урусбиевых в Баксанское ущелье произошло во второй половине XVIII столетия³¹.

Анализ генеалогических преданий Суюнчевых, Урусбиевых и княжеских династий Черекского ущелья, выведивших свое происхождение от Басиата и Мисаки, позволяет прийти к выводу об их общих составляющих, к которым относятся: 1) наличие в преданиях басиатидов и Суюнчевых в качестве предка Барак-хана; 2) упоминание одного и того же места проживания до переселения – Брагунов. Вместе с тем, предположение об общем происхождении басиатидов, Суюнчевых и брагунских князей Таймазовых позволяет объяснить и некоторые противоречия в генеалогических преданиях балкарских князей. Так, уже отмечалось, что по одному из вариантов преданий князя Мисак-вы являлись до их переселения в Балкарию подвластными кумыкских

27 Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, ф.-1, оп.-2, д.-26, л.-81.

28 Соттаев А. Х. Указ. раб., с. 252.

29 Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, вып. 14, 1892, с. 172.

30 Абаев М. К. Указ. раб., с. 96.

31 Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 143.

князей Таймазовых, а по другому – Басиата и его брата Баделята. Наличие близких родственных взаимоотношений Басиата с Таймазовыми устраняет это противоречие, так как в этом случае Мисака мог быть их общим подвластным. Своеобразным подтверждением сохранявшихся еще длительное время после переселения Басиата в Балкарию близких взаимоотношений между его потомками и князьями Таймазовыми может служить известная балкарская историко-героическая песня первой половины XVII в. «Кайсыны»³². В этой песне сообщается, что к балкарским князьям Тазритовым (ветвь Айдаболовых – М.Б.) прибыли гости из Брагун, которых встретили «как самых почетных людей». Причиной приезда гостей являлась просьба о наделении их дорогими подарками – невольниками. Для выполнения этой просьбы Тазритовы совместно с князьями Абаевыми и Урусбиевыми, собрав дружину, совершили набег на Имеретию, в результате которого погибли многие его участники, в том числе и Кайсын Тазритов – герой песни³³. Заметим, что в набеге на Имеретию приняли участие князья, которые, по нашему предположению, были связаны с правителями Брагунов общим происхождением.

В Карачае к княжескому сословию относились представители трех фамилий: Крым-Шамхаловых, Дудовых и Карабашевых³⁴. Все эти фамилии в той или иной степени своим генезисом были связаны с легендарным предводителем карачаевцев Карчой. Согласно преданиям, зафиксированным во второй половине XIX столетия, первым браком Карча был женат на девушке из сословия султанов (кавказские потомки крымских Гиреев – М.Б.), от которой у него имелся сын Дуда – предок князей Дудовых³⁵. От третьей жены Карчи родился сын Балта, ставший родоначальником князей Карабашевых³⁶. Предания утверждают, что Крым-Шамхал, родоначальник Крым-Шамхаловых, прибыл к Карче в тот момент, когда карачаевцы еще проживали в Баксанском ущелье. У карачаевцев в этот период были серьезные осложнения с известным кабардинским князем Кази (погиб в 1615 г.). Крым-Шамхал вмешался в кабардино-карачаевскую распрю и способствовал при-

32 Там же, с.140.

33 Там же, с. 141.

34 Думанов Х.М., Думанова Ф.Х. Правовые нормы адыгов и балкарско-карачаевцев в XV–XIX вв. Майкоп, 1997, с. 260.

35 Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания, ф.-262, оп.-1, д.-71, л. - 116.

36 Там же.

мирению сторон. После этих событий Карча выдал замуж за Крым-Шамхала свою дочь Кюнсулю, и тот остался жить в Карачае навсегда. Еще при своей жизни Карча, несмотря на то, что у него имелись собственные сыновья, завещал, чтобы власть над карачаевцами после его смерти перешла в руки Крым-Шамхала. Подобное завещание Карчи объясняется тем, что Крым-Шамхал не только происходил из знатного рода, но он и его потомки всегда отличались важнейшими качествами правителя периода феодализма – быть первыми как на войне, так и в мирное время³⁷. Настоящее имя Крым-Шамхала приводится в фольклорных произведениях балкаро-карачаевцев. Так, в известной песне «Каншаубий» отмечается, что родоначальника Крым-Шамхаловых звали Бекмурза³⁸. Относительно этнического происхождения Крым-Шамхаловых существует несколько версий. Одна из них утверждает, что их предок Шамхал прибыл в Карачай из Крыма, в связи с чем и возникла приставка к их фамилии «Крым»³⁹. Вместе с тем, довольно значительное количество карачаево-балкарских фамилий, выведивших свое происхождение из Крыма, но не имеющих приставки «Крым», вызывает недоверие к данной версии. Согласно другой версии, основатель рода Крым-Шамхаловых прибыл в Карачай из Дагестана. Так, в 1879 г. Г. Петров писал про представителей рода Крым-Шамхаловых: «Теперешние члены этой фамилии считают себя отраслями фамилий владетельных Шамхалов Тарковских Дагестанской области...»⁴⁰ Шамхалом называли главу самого крупного политического образования Дагестана, объединявшего в своем составе помимо основного кумыкского населения и некоторые другие дагестанские этносы⁴¹. Термином же «крым-шамхал» называли прижизненно назначаемого наследника шамхала⁴². Своеобразным подтверждением происхождения князей Крым-Шамхаловых от кумыкских правителей могут служить сведения, приводимые известным советским кавказоведом Л.И. Лавровым, который сообщал, что правитель кумукской деревни Табахлу Махди-Шамхал (1729-1783) посещал Карачай, где помогал карачаевцам бо-

³⁷ Барзbieв М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, №4, 2002, с. 78, 79.

³⁸ Там же, с. 79.

³⁹ Алейников М. Карачаевские сказания // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983, с. 105.

⁴⁰ Барзbieв М.И. Указ. раб., с. 42.

⁴¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, с. 46.

⁴² Там же, с. 49.

роться с какими-то внешними врагами. Л.И. Лавров особо подчеркивал, что подобная взаимопомощь могла быть следствием контактов Крым-Шамхаловых со своими дагестанскими родственниками⁴³. Следует отметить, что данная точка зрения находит сторонников и в среде современных кумыкских авторов⁴⁴. Таким образом, версия о дагестанском (кумыкском) происхождении князей Крым-Шамхаловых представляется нам более убедительной.

Завершая наше исследование, можно сделать вывод о том, что генеалогические предания о происхождении высшего сословия карачаево-балкарцев представляют собой ценный источник по межэтническим контактам данного этноса.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алиев К.М. Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004.

Асанов В.Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990.

Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М., 2006.

Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). Нальчик, 1997.

Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000.

Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, №4, 2002.

Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989.

Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.

⁴³ Баразбиев М.И. Указ. раб., с.42.

⁴⁴ Алиев К.М. Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004, с. 48.

М.Д. Боташев
г. Черкесск

КАЗУАЛЬНАЯ АДОПЦИЯ У КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ

Казуальная адопция, не связанная с определенными обрядами жизненного цикла и обусловленная конкретными жизненными случаями (бездетность, прекращение кровной мести, желание установить родство с влиятельной семьей и т.д.) и вследствие этого сопровождающаяся специальной церемонией породнения, является одним из древнейших институтов человечества и известна в разных своих вариациях практически всем народам земли. Различные виды адопции и псевдоадопции практиковались в древнехурритском обществе, в Ассирийском царстве и на Крите (V-IV вв. до н.э.)¹. Широкое распространение она имела у тюркских и монгольских народов. Известно, что Чингис-хан, возвращаясь из похода на татар, подобрал «мальчика-татарина, имевшего золотое кольцо и набрюшник с золотыми кистями, подбитый сободем», и отдал его на воспитание своей матери, которая «назвала его своим шестым сыном»². Связь, устанавливаемая посредством искусственного родства, была чрезвычайно прочна. Так, хан Тохтамыш, казнив своего сокольничего – эмира Балтачыка (Кутлу-кая), велел казнить и всю его

¹ История древнего Востока / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1988. С. 80; Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л. 1949. с. 68; Казаманова Л.Н. Очерки социально-экономической истории Крита в V-IV вв. до н.э. М., 1964.

² Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. 2-е издание. Элиста, 1991. С. 60

семью. Сын Балтачыка Идиге был спасен молочным братом его отца – Эсебием, который подменил обреченного на казнь младенца собственным сыном и впоследствии воспитывал сына Кутлу-Кая «как своего»³.

Казуальная адопция практиковалась и среди народов Кавказа, в том числе и Северокавказского региона. Данная публикация посвящена тем формам казуальной адопции, которые имели бытование у карачаево-балкарцев.

Функционально роль казуального усыновления в Карачае и Балкарии заключалась в юридическом оформлении акта инкорпорации в состав патронимических организаций карачаево-балкарцев детей и взрослых посредством их принятия в малую или большую семью (соответственно *юйдеги* и *юйюр*), фамилию (*тукъум*) или присяжное братство (*къауум*). В зависимости от участников этого действия мы выделяем два основных вида усыновления – *индивидуальное*, когда в качестве усыновителя выступает отдельное лицо (т.е. принятие нового члена в состав семьи), и *коллективное*, когда в качестве усыновителя отдельных людей или целых семей поселенцев выступала вся патронимия (атаул или тукум) или присяжное братство (кауум). По характеру и степени адопции мы выделяем *фиктивную* форму, связанную с усыновлением/удочерением родственников, и *фактическую*, связанную с усыновлением не-родственников, а также *полную*, характеризующуюся переездом усыновляемого в дом усыновителя и наделением всеми юридическими правами (включая право наследования), и *неполную*, когда усыновленный не обладал правом наследования и чаще всего жил вне семьи усыновителя. Для коллективного усыновления характерна только фактическая полная адопция.

Материалы показывают, что у карачаево-балкарцев существовало несколько способов усыновления: путем *прохождения под палкой, кормления* или *имитации кормления грудью*, обязательного *жертвоприношения, личной договоренности*, о которой объявлялось во всеулышание. Жертвоприношение, как правило, сопровождалось пиром.

При индивидуальном усыновлении выбор конкретного способа зависел от личных предпочтений сторон (чаще усыновителя), в то время как коллективное усыновление осуществлялось только прохождением под палкой.

³ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 380

Индивидуальное усыновление⁴

Примеры полной фактической адаптации у карачаевцев связаны, как правило, с усыновлением чужеродцев, прибывших в Карачай или Балкарию и осевших там. Усыновленные становились полноправными членами не только семьи, но также всей фамилии (*тукум*) своих усыновителей и даже присяжного братства (*кбауум*), в которое данная фамилия входила⁵. Так, «в 1906 г. в Карачай прибыли из Кумыкии два молодых человека Мухаммет и Джамауат, – рассказывает Айшат Джаммаева 1901 г.р. – Мухаммета усыновила семья моего дяди по матери, а Джамауата приняли мы. По истечении пяти лет Мухаммет вернулся на родину, а Джамауат прожил у нас 10 лет – до моего пятнадцатилетия. Моя мать была ему матерью, мой отец – отцом. Джамауат говорил: «Моя семья – это вы, у меня есть только вы». Когда настала его пора («*заманы келгенинде*»), отец сосватал ему невесту и женил его, как своего сына. Он справил ему все, вплоть до газырей («*хазырына дери*»): быка, коня, дом и его убранство, дал парадную и рабочую одежду и т.д. В хозяйство Джамауата отец выделил 100 овец, 2 коровы, 2 быка, арбу и др. А когда Джамауат умер, то был похоронен на нашем (родовом) кладбище, как если бы он был членом нашего тукума» (п/м 1997 г.: Джаммаева Айшат).

Усыновленные члены патронимии, наряду с другими придерживались строгой брачной экзогамии. Нарушителям грозило строгое наказание, таких «приговаривали к позорному столбу (*къара багъана*)

⁴ В данной публикации сознательно упущено детальное рассмотрение фиктивной адаптации, так как она не обуславливала возникновение новых родственных связей и не являлась специфичной для карачаево-балкарцев, а сами обряды, если они и проводились, были полностью идентичны обрядам фактического усыновления. И лишь в качестве справки отмечу, что у карачаево-балкарцев, как и у других народов Кавказа, к фиктивной адаптации прибегали бездетные семьи, в других случаях родственники усыновляли/удочеряли осиротевших (вследствие войны, эпидемии и т.п.) детей своих близких. «По обычаю, – писал об этой особенности фиктивной адаптации М.М. Ковалевский, – усыновителем может быть только бездетный, а усыновляемым непременно родственник. При прочности кровных связей родство соблюдается в отдаленных степенях, так что нельзя встретить человека, у которого не было бы родственников, а следовательно, и наследников, присутствие которых исключает возможность передачи имущества в чьи-либо чужие руки» (Ковалевский, 1890. Т. 2. С. 53).

⁵ Дьячков-Тарасов А.Н. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь // Записки СККГ НИИ. Ростов-н/Д., 1928. С. 140

или *налат таш*⁶), сажали на осла и водили по селу (*эшек бедии*) или взимали штраф, обычно медной посудой, в особенности большими котлами. Иногда кровосмесителя приговаривали к изгнанию за пределы селения»⁷. Примеры индивидуальной казуальной адаптации мы находим также в карачаево-балкарских исторических преданиях и нартском эпосе. Так, согласно преданиям, «Карча имел тесную связь с народами Закавказья – сванами, мингрельцами, абхазами и т.д. и вел постоянную дружбу с князьями из рода Дадианов (Дадешкелиани). Он усыновил знатного свана Отарова (ответвление рода Дадешкелиани), который помогал Карче в нужный момент получить военную помощь от сванских князей в борьбе с сильными кабардинскими князьями»⁸.

Богатырь Сосурка, – говорится в эпосе, – был усыновлен нартом Ёрюзмеком⁹, а нарт Алауган – мифической женщиной-великаншей (*эмеген*) и т.д. Как и в реальности, наиболее распространенным способом индивидуального усыновления у нартов являлось кормление или имитация кормления грудью. «Громадные груди великанши, – говорится в сказании об Алаугане, – были перекинута ею за спину. Наученный Гемудюю (говорящий конь нарта), Алауган тихонько подобрался к великанше и стал сосать у ней груди, затем, всосав молока, ... он без страха предстал перед женщиной и сказал: «С этого момента я твой сын, отдаю себя под твое покровительство...»¹⁰. Сын Алаугана Кара-Шауай был «молочным сыном» (*эмчек джаиш*) горы Эльбрус (*Минги Тау*), потому что в течение первых 6 месяцев жизни он, как указано в легенде, «держал ледяные груди и сосал их»¹¹.

Как видно из фольклорных данных, к усыновлению часто прибегали

⁶ Название «Налат таш» (от арабск. налат – позор и тюрк. таш – камень) представляется более поздним по отношению к «Къара багъана» (букв. черный столб). Один из таких столбов можно и сегодня наблюдать в селении Булунгу (Верхний Чегем). Он представляет собой массивный каменный столб высотой порядка 2 метров с проделанным отверстием, через которое продевалась веревка для привязывания провинившихся.

⁷ Шукин И.С. Материалы для изучения карачаевцев // РАЖ. М., 1913. № 1–2.

⁸ Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957. С. 12

⁹ Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 67

¹⁰ Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образы // ВЕ. Петербург, 1879. Кн. 8. С. 702.

¹¹ Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОПК, 1898. Т. 25. С. 79.

при необходимости установления посредством родства союзнических (куначеских) отношений с влиятельной особой. Примеры подобной адаптации мы находим и у других народов Кавказа. Так, на существование у адыгов правила усыновлять взрослых «для взаимной политической связи» указывал П. Зубов¹². Практически идентичны способы и обрядовое исполнение многих видов усыновления. Так, в случае «куначеской» адаптации у адыгов, как и у карачаево-балкарцев, «усыновляющий делает пиршество, во время которого усыновляемый в знак согласия прикасается губами к груди будущей своей матери, жене усыновителя»¹³. Это был один из самых распространенных на Кавказе способов усыновления. «Обряд усыновления прикосновением к обнаженной груди женщины, – отмечал Г.Ф. Чурсин, – практиковался у грузинских народов, абхазов, адыгейских народов, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев»¹⁴. «Куначеская» адаптация всегда была неполной, так как не была связана с переездом усыновляемого в дом усыновителя и наделением его имущественными правами.

Полевые материалы также подтверждают существование у карачаево-балкарцев усыновления, как некоей альтернативы куначества. Так, по сведениям информатора Мухтара Биджиева, в конце XIX вв. «в Карачай прибыл русский юноша и остановился в одной из семей Карт-Джурта. Характер этого парня понравился хозяевам дома, и те «сделали» его своим сыном (*кеслерине джаш этдиле*). Юноша настолько был предан и любил своего молочного отца (*эмчек ата*), что когда паводком отрезало путь к спасению коня усыновителя, джигит, несмотря на запрет отца, бросился в пучину спасать скакуна и погиб. Он был похоронен на фамильном кладбище по мусульманскому обряду» (п/м 1997 г.: Биджиев Мухтар).

В других случаях усыновление преследовало целью установление покровительства над усыновляемым (но не усыновителем, как это было, например, у адыгов или абхазов)¹⁵. Причем инициатива в этих случаях могла исходить как от усыновителя, так и от усыновляемого.

¹² Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 3. С. 44.

¹³ Зубов П. Указ соч. С. 44.

¹⁴ Чурсин Г.Ф. Обряд усыновления у кавказских народов // Бюллетень кавказского историко-архивного института в Тифлисе. Л., 1930. № 6. С. 18-19

¹⁵ Смирнова Я.С. Усыновление покровителя // Советская этнография. М., 1984. № 2.

Чаще всего к подобному шагу прибегали пришельцы¹⁶, иммигрировавшие в общества Карачая и Балкарии и желавшие здесь обосноваться, а также осиротевшие, малообеспеченные или не имевшие влиятельных родственников уздени. В роли усыновителя также выступали уздени. У карачаево-балкарцев не практиковалось усыновление князьями узденей. Аналогичный карачаево-балкарскому «особый вид искусственного родства, по своей форме и содержанию напоминающий патронат», встречался также и у ногайцев¹⁷. «Здесь аталыка (эта форма искусственного родства (у ногайцев – М.Б.) также называлась аталычеством) выбирал себе взрослый человек или же, наоборот, аталык брал себе на воспитание юношу – пишет С.Ш. Гаджиева. – ... аталыка имели бедные юноши и брали они в аталыки обычно состоятельных и влиятельных людей. ... В течение всей своей жизни усыновитель-аталык должен был постоянно покровительствовать своему подопечному, помогать ему советами, наставлениями, когда необходимо оказывать материальную помощь, защищать его интересы, а в случае смерти родного отца забрать его к себе на жительство, собрать калым, справить свадьбу, организовать хозяйство»¹⁸. Известный адыгский просветитель Хан-Гирей характеризовал похожий обычай у адыгов как вариацию аталычества. «Аталыка, – писал он, – можно приобрести будучи уже в летах мужества. Когда дворянин желает сблизиться с князем, то приглашает его к себе, совершает торжество и подносит ему подарки, которые обыкновенно состоят из оружия, с исполнением обычая, соблюдаемого при примирении, и состоящего в том, что надобно приложиться губами к сосцам жены того дворянина, который делается аталыком»¹⁹.

В определенных случаях усыновление выступало также в качестве эквивалента побратимства, когда, например, преданные друзья, желая связать себя узами родства, прибегали к усыновлению одного из них (иногда обоих) родителями другого (п/м 1998 г.: Салпагарова Даум,

¹⁶ Аналогичный случай был описан русским офицером Ф.Ф. Торнау, который в 30-х гг. XIX в. во время разведывательного пребывания в обществах Черкесии, чтобы обезопаситься через приобретение покровительства влиятельного лица, прошел через процедуру усыновления себя адыгом по имени Вагры (Торнау, 1965. С. 83).

¹⁷ Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане XVIII – нач. XX вв. Махачкала, 1995. С. 72

¹⁸ Там же. с. 70-72.

¹⁹ Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестник. С-Пб., 1842. №1. С. 15.

Джатдоев Алий, Чотчаев Чотча). Подобные обряды существовали и у других народов Кавказа. Так, например, у осетин «каждый из молодых людей брал в рот грудь матери другого, и этим актом они становились как бы единокровными братьями»²⁰. «Если два человека, – писал Ф.Ф. Торнау о западных черкесах, – согласились составить между собою союз на жизнь и на смерть, то жена или мать одного из них дает другу мужа или сына коснуться губами три раза своей груди, после чего он считается родственником семьи и пользуется покровительством, какое принадлежит действительному питомцу»²¹. Такая же мотивация лежала в основе многих случаев усыновления и у карачаево-балкарцев, с тем лишь отличием, что у последних усыновить могла лишь мать одного из «братающихся», но никак не жена. Адаптация, основу которой составляло желание друзей «побрататься», также была неполной. Иллюстрацией такого усыновления может служить следующий пример. В начале XX в. узденя Кичибекир Акбаев усыновил узденя Абу Кипкеева, друга своего сына. «Согласно адатам, Абу послал к Кичибекиму с просьбой об усыновлении своего товарища. Кичибекир, выслушав его, ответил, что будет рад видеть своим молочным сыном (*эмчек улан*) и братом единственного сына такого юношу, как Абу. Родители Абу также выразили свое согласие. Тогда в доме Акбаевых собрали гостей, совершили жертвоприношение и устроили пир, на котором Кичибекир торжественно объявил: «С этого дня Абу – один из моих сыновей!». С тех пор, – заключает Зубар Кочкарова (внучка Кичибекира Акбаева), – мы считаемся близкими родственниками (*къысха джууукъла*), поэтому никто из нашей родни не сватал их девушек, а они не сватали наших» (п/м 1997 г.: Кочкарова Зубар).

Существовала еще одна причина усыновления взрослых. В Карачае с давних времен кровная месть заменялась сложной разветвленной системой композиций и последующим примирением сторон, в том числе посредством обычая «воспитания кровника» (*къан эмчек асырау*) – принятия одной из сторон на воспитание ребенка другой стороны или усыновления потерпевшей стороной виновного в убийстве или причинении увечий. «Выкупа за увечья, – писал Б.В. Миллер, – мы в Карачае

²⁰ Дзадзиев А.Б. Формы искусственного родства у осетин // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 173.

²¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера 1835, 36, 37 и 38 года. М., 1865. С. 82.

не находим: увечивший обязан был только лечить раненого на свой счет, после его выздоровления, он его приглашал к себе, устраивал пир, одевал его с головы до ног на свой счет и дарил лошадь; родители раненого принимали ранившего как сына, стараясь тем закрепить состоявшееся примирение. Иногда происходило и формальное принятие ранившего в семью раненого: он припадал к груди матери оскорбленного им и сосал ее; этим символическим актом он приобретал права родного сына ее и равноправным членом вступал в семью. Аналогичный обычай вел в Карачае к прекращению кровной мести за прелюбодеяние... виновный становился в отношении приемного сына к матери оскорбленной им женщины, а не к ней самой (как в Осетии)»²².

Наиболее распространенным способом усыновления у карачаево-балкарцев являлось, как было отмечено выше, кормление грудью (для детей) или имитация кормления (для взрослых). Основанием к установлению духовного родства, – писали в этой связи И.И. Иванюков и М.М. Ковалевский, – служит кормление ребенка грудью, «молочное родство, порождаемое вскармливанием ребенка грудью, ... соблюдается татарами²³ весьма строго. Между родом кормилицы и родом вскормленного ею не может быть брака. Татары знают на этот счет следующую поговорку...: – молоко идет также далеко, как и кровь, т.е. родство по кормилице соблюдается в тех же степенях, что и кровное»²⁴.

Другим распространенным способом индивидуального усыновления было принесение жертвоприношения и последующее устройство пира (этот обряд идентичен во всех случаях, в том числе усыновления и побратимства, поэтому подробнее он будет рассмотрен в следующем параграфе), а также простое объявление об усыновлении. Последнее, полагаю, является позднейшей редукцией обряда жертвоприношения. Согласно полевым данным, выбор конкретного метода усыновления в некоторой степени зависел от возраста усыновляемого. По наиболее общему мнению, детей, не достигших 5-летнего возраста, усыновляли кормлением грудью, 5 – 18-летних чаще всего усыновляли путем прикосновения губами к груди усыновительницы, остальных же можно

²² Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // ЭО. М., 1902. № 1. С. 15

²³ Горские татары – одно из обозначений карачаево-балкарцев в русских источниках.

²⁴ Иванюков И.И., Ковалевский М.М. У подошвы Эльбруса // ВЕ. СПб., 1886. № 1. С. 567.

было усыновить простым объявлением о принятии в семью «сыном» или «дочерью». Так, в период сталинской депортации Абат Кубанова (1902 г.р.) усыновила из милосердия осиротевших грудного ребенка, семилетнюю девочку и взрослую девушку. Первую она кормила грудью, вторая была удочерена обрядом прикосновения к груди, а третья названа удочеренной (п/м 1997 г.: Кубанова Абат). В последствии все дети Абат обладали равным статусом в родственной иерархии. Часто различные способы адаптации комбинировались в различных вариантах, и в каждом конкретном случае способ усыновления всецело зависел от выбора самих усыновителей.

Коллективное усыновление

Коллективное усыновление носило универсально-исторический характер и практиковалось у всех народов мира. Практика принятия «в состав родов или кланов лиц совершенно посторонних путем обряда усыновления» известна была древним кельтам²⁵, тюркам, народам Кавказа²⁶ и т.д. Так, например, у ингушей «слабая фамилия часто приходила под защиту сильной: кто-либо приходил и резал быка у башни сильного рода в присутствии народа и просил принять его в род; с этих пор он принимает новую фамилию (принютившего рода) и пользуется защитой ее»²⁷.

Несмотря на всю широту способов индивидуальной адаптации, у карачаевцев существовал лишь один способ коллективного усыновления патронимией чужаков – путем обряда «прохождение под палкой» (*таякъ тьюнден ётёу, таякъдан тизилиу* или *таякъ тьюнден тизилиу*), когда усыновляемый приносил клятву и в присутствии уважаемых членов патронимии проходил под ритуальной палкой «*ант таякъ*» («Клятвенная Палка»).

Прохождение под сакральной аркой носит универсальный характер и является одним из обрядов перехода, символизирующих «переход из одного определенного состояния в другое, столь же определенное»²⁸.

²⁵ Смирнов А.А. Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 553.

²⁶ Чурсин Г.Ф. Обряд усыновления у кавказских народов // Бюллетень кавказского историко-архивного института в Тифлисе. Л., 1930. № 6. С. 18-19.

²⁷ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // ИИНИИК, 1930. Вып. 2-3. С. 312.

²⁸ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Москва, 1999. С. 9.

Так, исландцы «вырезали длинный кусок дерна, так чтобы оба конца его соединялись с землей, подпирали его копьём с нанесенными на нем тайными знаками, и вступавшие в побратимство проходили под нависшим дерном»²⁹. Обряд «второго рождения» правителя киданей, символизировавший «магическое возрождение его физической, духовной и политической мощи», заключался в том, что император снимал одежду и обувь и трижды проходил под шестом-рогулькой. Каждый раз, когда он проходил под этой аркой, повивальная бабка произносила заклинание и обтирала его тело. Затем главный шаман произносил заклинания над пеленками и цветными лентами, и «новорожденный» император выбирал одно из семи имен, предложенные семью старцами³⁰. «Шест с рогулькой, – отмечает Е.И. Кычанов, – символизировал женский половой орган и, возможно, древнейшие представления о рождении от дерева. Акт рождения фиксируется троекратным проползанием голого императора под рогатиной..., повивальная бабка обтирает «новорожденного», ему подаются пеленки, одежду новорожденного и дают имя»³¹. Интересно, что и у карачаево-балкарцев в качестве ритуальной «клятвенной палки» (*ант таякъ*) использовалась палка с рогулькой – *гиздох таякъ*. В этой связи интересна этимология слова *гиздох*, состоящего из двух морфем: *гиз*, означающего женское родильное начало, и *дох/дохлау* – преобразование³². Таким образом, в карачаево-балкарской «клятвенной палке» «сконцентрировалось жизнеобеспечивающее начало и процессы преобразования, перехода из одного состояния в другое»³³.

По мнению большинства информаторов, в качестве ритуальной палки использовался посох из боярышника³⁴, обладавшего сакральной

²⁹ Гуревич А.Я. «Эдда» и сага (Москва, 1979) // Norroen dyrd. Скандинавский информационный центр (<http://norse.ulver.com/articles/gurevich/eddasaga/>).

³⁰ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 136-137.

³¹ Там же.

³² Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995. С. 30.

³³ Там же.

³⁴ В этнографической литературе содержатся также сведения об обожествлении ореховых посохов в Балкарии (Миллер, Ковалевский, 1884. Кн. 4. С. 556-557). Посохи часто изготвляли также из граба, «как обладающего свойствами отражать во время грозы, особенно частой на склонах гор, молнию» (Мусукаев, 1990. С. 63).

силой и служившего в качестве оберега.³⁵ Некоторые исследователи полагают, что ант-таяк «срезали с дерева, растущего у общинного святилища», и она «хранилась у старейшины общины и передавалась из поколения в поколение»³⁶. В случаях, когда посредством палочной присяги оформлялось побратимство, вместо клятвенной палки могли использовать саблю (*кбылыч*) или шашку (*узун бычакъ*). Таким образом была оформлена присяга во второй половине XIX в. «людьми Джумарыка Гочияева» (п/м 1998 г.: Гочияева Нархан). Известен также случай, когда вместо прохождения под палкой братающиеся перепрыгивали через протянутый аркан (джиб юсунден секириб) из бычьей кожи (п/м 2001 г.: Мушукаева Сакинат). Данный обряд не был до настоящего времени описан в этнографической литературе, посвященной карачаево-балкарцам. Возможно, он родственен скифской клятве на шкуре жертвенного быка³⁷ и в более отдаленные времена играл не менее значимую роль. На его принадлежность к обрядам перехода указывает также карачаево-балкарское поверье, согласно которому девочка, сумевшая перешагнуть или перепрыгнуть через край радуги, (*Тейри/Джан кбылыч* – мечь Тейри/Духа) станет мальчиком.

К палочной присяге карачаево-балкарцы прибегали в самых различных жизненных ситуациях. Так, если один человек передавал своего раба (*кзул, къазакъ*) другому, то заставлял пройти его под палкой в знак своей принадлежности новому хозяину (по утверждению информатора, при этом «казак клялся быть рабом этого человека» п/м 1997 г.: Те-

³⁵ «Джабышмакъ терек (боярышник), – рассказывает Халимат Байрамкулова 1920 г.р., – предотвращает сглаз. Однажды, находясь на сенокосе, человек, обладавший сильным сглазом («ачы кёзю болгъан»), сказал своим товарищам: “Вы видите того проезжающего в дали на арбе? Я могу сделать так, что его волы упадут!” И действительно, один из волов упал и арба остановилась. Косари поспешили пойти и посмотреть, что же с ним произошло. Упавший вол весь в “черном” поту лежал и тяжело дышал, а другой же стоял совершенно невредимый. Это очень удивило косарей. Однако очень скоро они поняли в чем дело: оказалось, что с наружной стороны ярма “здорового” вола был вбит деревянный гвоздь из джабышмакъ (боярышника), поэтому он не пострадал. Если бы гвоздь находился между волами, то не пострадали бы они оба. После всего увиденного парни рассказали все погонщику и “убрали” сглаз, и повозка уехала» (П/м 1998 г., а. Первомайский).

³⁶ Малкондуев Х.Х. Об общинных обрядах балкарцев и карачаевцев // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 103.

³⁷ Братающиеся, наступая «правой ногой на шкуру, тем самым объединяли себя в одно существо с животным и друг с другом; все они, таким образом, связывались узами общей крови, служившей залогом их взаимной верности» (Фрезер, 1985. С. 186)

кеев Апалион). С палочной присяги начиналось строительство дома³⁸. По сведениям Н.П. Тульчинского, перед началом строительства «два высокочтимых в тийре пожилых человека держали палку и клялись в том, что они желают от всего сердца хозяевам добра, счастья и всяческого благополучия в жизни, чтобы в новом жилище им всегда сопутствовала удача. Что помощь – «маммат», которую они оказывают, говорит о чистоте их помыслов»³⁹. После этого все участники строительства проходили под палкой. В данном случае посредством прохождения под палкой устанавливалось единство помыслов.

К палочной присяге прибежали и в случаях, когда необходимо было формализовать решение, принятое советом рода, или сплотить войско перед походом либо членов общины в период смертельной опасности и т.д. Так, в пореформенный период род Кулиевых принял решение не «смешиваться» с представителями зависимых сословий, и все его члены прошли под палкой (п/м 2001 г.: Дондуев Исмаил). В еще более ранние времена жители а. Уллу-Эль Чегемского ущелья после палочной клятвы полностью истребили князей Рачкауовых – всего 14 человек, включая младенца, воспитывавшегося в семье Калибеговых⁴⁰. Свидетелем палочной присяги в 1906 г. «кулов», «безземельных и мало-земельных узденей» был известный революционер У.Д. Алиев. «Мне памятно, – вспоминал он, – как я, будучи мальчиком, следил за тем, как аульные жители (речь идет о жителях селения Карт-Джурт – М.Б.) поздно ночью выходили за пределы аула в местность, так называемую «казгала», и устраивали там сход. В знак клятвы и солидарности все без исключения проходили под палкой – «таякдан-тизилиу»⁴¹. В качестве обряда военной присяги прохождение под палкой бытовало также и в некоторых адыгских обществах. «Присяга, известная у кабардинцев под названием *зэпэбаш* (*зэпэ* – префикс взаимности, *баш* – палка), – пи-

³⁸ Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды // ТС. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 181; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 141; Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989. С. 168.

³⁹ Тульчинский. Указ. соч. С. 181.

⁴⁰ Миллер В.Ф., Ковалевский М.В. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы, 1884. №4. С. 113-115.

⁴¹ Алиев Умар. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927. С. 140.

шет Б.Х. Бгажноков, – тоже предполагает операции с посохом, палкой или ружьем. Она состоит в том, что два человека, взявшись за концы палки, посоха или ружья, образуют своеобразную арку, под которой проходят присягающие, произнося клятву»⁴². Узкоспециализированное применение данного обряда (в качестве ритуала побратимства и усыновления палочная клятва бытовала только у карачаевцев и балкарцев) и его неповсеместное бытование (у кабардинцев и убыхов) позволяет нам думать о его экзогенном характере у адыгских народов.

Палочное усыновление, как и побратимство, оформлялось несколькими способами, наиболее распространенным из которых было следующее. Двое авторитетных представителей фамилии держали на уровне груди ритуальную палку (*ант таякъ*), а усыновляемые лица (семья или даже группа семей) произносили слова клятвы и проходили под ней⁴³. В XIX в. существовала и специальная ритуальная песня, возможно, это была ныне забытая песня «Таякъ къарнашла» («Палочные братья»), о которой упоминает фольклорист Х.Х. Малкондуев⁴⁴.

«У карачаевцев, – писал И.С. Щукин, – существовал обычай, которым чужеземцы приобщались к одному из существующих уже родов, а не становились основателями новых. Это совершалось путем символического акта – прохождением пришельца под палкой, которую держали обыкновенно старейшие представители рода-восприемника. Такое принятие в род было выгодным как для принимаемого, так и для воспринимающего рода; первый сразу становился полноправным членом древнего и уважаемого рода, на помощь и защиту которого мог рассчитывать, а для второго было лестно увеличить число своих членов, что придавало ему большую силу и значение. Подобные чужеземцы, приемыши рода, назывались «братьями из под палки»⁴⁵.

Усыновленные члены рода обладали правами на родовые земли наравне с кровными родственниками и образовывали новые атаулы в составе тукума-усыновителя. Такова, например, история атаула Аппачаевых (*Аппачалары*) тукума Бостановых (*Бостанлары*), гласящая, что в середине XVII в., когда «была эпидемия чумы..., истребившая многих

⁴² Бгажноков Б.Х. Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 95.

⁴³ При коллективном побратимстве под палкой проходили все бра-
тающиеся.

⁴⁴ Малкондуев, 1988. С.103-106.

⁴⁵ Щукин, 1913. № 1-2. С. 41.

Бостановых», последние усыновили «женщину Аппача ... и дали сыну (ее) небольшой клочок земли». Иногда такие атаулы разрастались и образовывали самостоятельный тукум. «Можно думать, – пишет в этой связи И.С. Шукин, – что и среди фамилий, ведущих происхождение от одного из главных родоначальников – Науруза, Будаюна или Адурхая, многие ветви родословной (т.е. тукумы) на самом деле не связаны кровным родством с главным стволом и обязаны своим происхождением выходцам из соседних стран»⁴⁶. Ссылаясь на показания хурзукского учителя Т.Ш. Биджиева, И.С. Шукин заключает, что «этот обычай вышел из употребления всего лет 20 – 25 тому назад»⁴⁷, т.е. в 1888–1893 гг. Это обстоятельство опровергает вывод В.П. Невской о том, что «в XIX в. эта процедура (обычай коллективного усыновления) почти не применялась и оставалась лишь как пережиток»⁴⁸. И только к началу XX в. с распадом больших семей и каумов обычай коллективного «палочного» усыновления прекратила свое бытование.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алиев – Алиев Умар. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону, 1927.

Бгажноков – Бгажноков Б.Х. Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986.

Бонгард-Левин – История древнего Востока / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1988.

Гаджиева – Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане XVIII – нач. XX вв. Махачкала, 1995.

Геннеп – Геннеп А., ван. Обряды перехода. Москва, 1999.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960. с. 139.

Гуревич – Гуревич А.Я. «Эдда» и сага (Москва, 1979) // *Norroen dyrd*. Скандинавский информационный центр (<http://norse.ulver.com/articles/gurevich/eddasaga/>)

Далгат – Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей//ИИ-НИИК, 1930. Вып. 2-3.

Джуртубаев – Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.

Дзадзиев – Дзадзиев А.Б. Формы искусственного родства у осетин // Этнография и современность. Нальчик, 1984.

Дьяконов – Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л. 1949.

Дьячков-Тарасов, 1928 – Дьячков-Тарасов А.Н. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощность // Записки СККГ НИИ. Ростов-н/Д., 1928.

Дьячков-Тарасов, 1989 – Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах//СМОМПК, 1898. Т. 25.

Жирмунский – Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Зубов – Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 3.

Иванюков, Ковалевский – Иванюков И.И., Ковалевский М.М. У подошвы Эльбруса // ВЕ. СПб., 1886. № 1.

Казаманова – Казаманова Л.Н. Очерки социально-экономической истории Крита в V-IV вв. до н.э. М., 1964.

Каракетов – Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995.

Карачаевцы – Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.

Ковалевский – Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1-2.

Кычанов – Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Лайпанов – Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

Малкондуев, 1986 – Малкондуев Х.Х. Об общинных обрядах балкарцев и карачаевцев // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986.

Малкондуев, 1988 – Малкондуев Х.Х. К вопросу историзма балкарско-карачаевского героико-исторического песенного фольклора // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988.

Миллер, 1899 – Миллер Б.В. В Карачае // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 1-2.

Миллер, 1902 – Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // ЭО. М., 1902. № 1.

Миллер, Ковалевский – Миллер В.Ф., Ковалевский М.В. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы, 1884. №4.

Мусукаев – Мусукаев А.И. Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1990. С. 63.

Невская – Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960.

Остряков – Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образы // ВЕ. Петербург, 1879. Кн. 8.

Смирнов – Смирнов А.А. Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

Смирнова – Смирнова Я.С. Усыновление покровителя // Советская этнография. М., 1984. № 2.

Тамбиев – Тамбиев И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации//РГ. Ростов-на-Дону, 1931. № 12.

Текеев – Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989.

Торнау – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера 1835, 36, 37 и 38 года. М., 1865.

Тульчинский – Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды // ТС. Владикавказ, 1903. Вып. 5.

Фрезер – Фрезер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.

Хан-Гирей – Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестник. С-Пб., 1842. №1 .

Чурсин – Чурсин Г.Ф. Обряд усыновления у кавказских народов // Бюллетень кавказского историко-архивного института в Тифлисе. Л., 1930. № 6.

Щукин – Щукин И.С. Материалы для изучения карачаевцев // РАЖ. М., 1913. № 1-2.

Эренжен – Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. 2-е издание. Элиста, 1991.

Информаторы

(п/м 1997 – 1998 гг.)

Байрамукова Халимат, 1920 г.р., а. Первомайский (п/м 1998 г.).

Биджиев Мухтар, 1925 г.р., а. Первомайский (п/м 1997 г.)

Гочияева Нархан, 1914 г.р., а. Карт-Джурт (п/м 1998 г.)

Джаммаева Айшат, 1901 г.р., а. Учкекен (п/м 1997 г.).

Джатдоев Алий, 1917 г.р., а. Хурзук (п/м 1998 г.).

Дондуев Исмаил, 1933 г.р., а. Чегем (п/м 2001 г.).

Кубанова Абат, 1902 г.р., а. Учкекен (п/м 1997 г.).

Кочкарова Зубар, 1933 г.р., а. Римгорка (п/м 1996 г.).

Мушукаева Сакинат, 1920 г.р., а. Чегем (п/м 2001 г.).

Салпагарова Даум, 1930 г.р., а. Учкулан (п/м 1998 г.);

Текеев Апалион, 1916 г.р., а. Римгорка (п/м 1997 г.).

Чотчаев Чотча, 1924 г.р., а. Хурзук (п/м 1998 г.).

А.Х.-А. Катчиев
г. Черкесск

НЕКОТОРЫЕ ОСЕТИНО-ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

*(по материалам историко-этимологического
словаря осетинского языка)*

В современном языкознании одним из наиболее известных и значительных трудов по этимологии современных иранских языков является Историко-этимологический словарь осетинского языка, вышедший под авторством известного отечественного ученого, доктора филологических наук Василия Ивановича Абаева. С момента выхода его первого тома прошло пятьдесят лет, но значимость этой работы столь велика, что ни одно этимологическое исследование языков Евразии не обходится без использования фундаментальной монографии В.И. Абаева. Однако, нисколько не умаляя достоинств данной научной работы, следовало бы сказать и о небезупречных и достаточно произвольных в некоторых случаях толкованиях и суждениях, имеющих место на его страницах. При составлении вошедших в данное издание научных статей, автор недостаточно, на мой взгляд, полноценно использовал источники по тюркским языкам, которые, как известно, оказали немалое влияние на формирование осетинского языка. Достаточно часты попытки автора свести наличествующие в осетинском и карачаево-балкарском языках изоглоссы к влиянию первого языка на последний без подробного анализа происхождения тех или иных лексических единиц. Тогда как влияние карачаево-балкарского языка на осетинский очень часто оставалось автором без должного внимания. При составлении данной

статьи мною не ставится задача в полной мере вскрыть недостатки этой работы. Сделана лишь попытка более полного анализа его отдельных статей на предмет выявления незамеченных автором лексических параллелей в тюркских языках, что позволило бы по-новому взглянуть на этимологический анализ некоторых осетинских (а, следовательно, и карачаево-балкарских) лексических единиц, этимологические решения которых, к большому сожалению, давно уже признаны устоявшимися и аксиоматичными. Здесь имеется еще ряд неверных этимологических толкований, продиктованных отсутствием у автора (во всяком случае, при составлении первого тома) информации о родстве ряда языковых семей Евразии и Африки, появившейся после опубликования монографии В.М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков». В этой связи я не стал критически оценивать позицию автора исследуемой монографии в отношении некоторых лексических параллелей, имеющих место в различных языковых семьях в соответствии с обоснованной В.М. Илличем-Свитычем теорией «Ностратического родства», и не стал опровергать позицию о наличии в ряде «неродственных» языков особой группы звукоизобразительных слов (идеофонов), в которых определенный круг значений выражается определенными звуковыми комплексами (Абаев III, 331), кроме отдельных случаев, использовавшихся мною в качестве показателя, поскольку объем настоящей статьи не позволяет провести глубокий анализ «ностратических» лексических параллелей, и это не входит в задачи настоящей работы. В данной статье мною исследовано лишь около трех десятков ошибочных этимологических решений составителя Историко-этимологического словаря осетинского языка.¹

ajwan д. ‘насмешка’, издевка’, ‘глумление’. Автор сопоставляет с каб. *awan* ‘издевка’, ‘глумление’ (Абаев, I, 42). Тюркское происхождение данной лексемы совершенно проигнорировано, несмотря на: кар.-балк. *оюн* [ojun] ‘игра’, ‘веселье’, ‘забава’; ‘трюк’, ‘зрелище’; ‘выходка’, ‘проделка’, ‘шутка’ (КБРС, 508). В аналогичных значениях имеется в большинстве современных и древних тюркских языков (ЭСТЯ I, 435). Кроме того, кабардинское *awan* само является тюркским заимствованием (ЭСАЯ I, 65; Шагиров, 83). Заимствование тюркской лексемы посредством кабардинского языка здесь тоже исключено, поскольку в кабар-

¹ Лексические единицы и морфемы приводятся в транскрипции, в которой они отражены в Историко-этимологическом словаре осетинского языка.

динской форме употребляется веляризованный дифтонг *aw*, в отличие от осетинской и карачаево-балкарской форм.

æfsîn и. | **æfsînæ** д. ‘хозяйка дома, распорядительница хозяйством, припасами, стряпней, угощением’; также ‘свекровь’, по мнению Абаева, восходит к **abi-šaiθni-* от *šay-* ‘обитать’, ср. ав. *aibišætan-* ‘обитатель’. По его утверждению, кар.-балк. апсын [apsən] ‘жена деверя’ (у Абаева неверно – ‘золовка’) (КБРС, 70) примыкает к осетинскому *æfsîn* (Абаев I, 110-111). Не отрицая, что кар.-балк. и осетинская формы фонетически близки, стоит, тем не менее, говорить не об иранизме в карачаево-балкарском языке, а о тюркизме в осетинском. В отличие от изолированной в современных иранских языках осетинской формы, в тюркских языках кар.-балк. *apsən* имеет достаточно широкие параллели: в тел. *абызын* ‘сноха’ (Радлов I, 630), каз. *абысын* ‘жена старшего брата мужа’, в том же значении в иных тюркских языках: *ана*, *абула*, *абла* (там же, 629). Во всех диалектах ногайского языка содержится термин *апсын* ‘жены двух братьев’ (Айбазова, 67). В татар. *абыстай* ‘супруга духовного лица’; ‘тётя’; «обращение к женщине старшей по возрасту» (ТРС), ‘старшая сестра’, ‘родственница’ (Радлов I, 629). В куманд. *абыча* ‘тетка по отцу’ (там же, 630). В уйг., леб. *әнчи* ‘женщина, хозяйка’, в куманском *әнчи* ‘супруга’, в алт., тел. *әнчи jan* [ärçi jan] ‘левая сторона’, ‘север’ (букв. «женская сторона») (Радлов I, 923). Вероятно, другое исконно осетинское (иранское) *xsîn* / *æxsînæ* ‘госпожа’, ‘барыня’ (Абаев IV, 236) приобрело современную фонетическую форму и некоторый семантический сдвиг – отношение к женскому полу, в результате контаминации с заимствованным из тюркских *æfsîn* / *æfsînæ*.

ærgaj ‘лосось’. Автор полагает наличие непосредственной связи с каб. *arğej* ‘акула’. Приводит также чеч. *irgho*: *irghonaš* ‘порода рыбы’ и указывает, что дальнейшие связи ведут к тюркским языкам: тюрк. *arğan* (Абаев I, 176). К сожалению, автор не обратил внимания на наличие в карачаево-балкарском языке слова *ыргъай* [ærgaj], имеющего значение ‘щука’ (КБРС, 759) и ‘всякая крупная рыба’. Соответствие осетинского *æ* и тюркского (карачаево-балкарского) *ə* стабильно как в случае заимствования из осетинского в карачаево-балкарский, так и наоборот. Чеченское *irgho* свидетельствует о наличии в языке-источнике начальной *ə* вместо *a*.

bæx ‘лошадь’. Данное слово В.И. Абаев относит к субстратному (казакскому) слою осетинского языка вследствие наличия фонетически

сходного термина в нахских языках: чеч. *beqhi*, инг. *bagh* ‘жеребенок’ (Абаев I, 255). Не учтено, тем не менее, наличие в русском языке *бах-мать*, в польском *bachmat* ‘низкорослая лошадь’ (Фасмер I, 136 - 137), а также в татарском *бахбай* ‘лошадь’ (ТРС). По мнению М. Фасмера, *бахмат* следует возводить к тюркской форме имени *Mähmäd* ‘Магомет’ (Фасмер I, 136 - 137). Этому, однако, противоречит татарская форма *бахбай* [baxbaj]. Тезис В.И. Абаева о «кавказском» происхождении данного слова находится в существенном противоречии с изложенными фактами. Возможна попытка связать с данными из киргизского языка: *бакпайак* ‘надкопытная часть ноги (между щёткой и копытом)’, *бакай* ‘бабка, козоп (надкопытная косточка лошади или рогатого скота)’, либо предположить образование в результате метатезы *baxbaj* < *bajbaq* общетюркское ‘кривоногий’, ‘косолапый’, ‘неуклюжий’ (ЭСТЯ II, 33; VII, 17) с часто встречающимся в тюркских языках в середине слова оглушением заднеязычного *q* (например кар.-балк. *qoçxar* / *qosxar* вместо общетюркского *qoçqar* / (ЭСТЯ VI, 86; КБРС, 416). Речь, судя по всему, шла о лошадях беспородных с невысокими скаковыми качествами, возможно, использовавшимися в качестве тягловой силы и гужевого транспорта. На это косвенно указывает как приведенное выше польское *bachmat* ‘низкорослая лошадь’, так и грузинское (имерский диалект) *baxi* ‘невзрачная, негодная лошадь’, ‘кляча’ (Абаев I, 255).

boqqur и. | **boqqr** д. ‘зоб’, ‘двойной подбородок’. Абаев утверждает происхождение этого слова из *boğ-qurur* ‘подбородок’ (*qurur*), отвислый, как у бугая’ (*boğ*). И полагает, что балкарская форма *boqqr* примыкает к осетинской (Абаев I, 268). С данным мнением согласиться нельзя, поскольку балкарская форма напрямую исходит из общетюркского *boqurdaq* / *boqurtlaq* / *boğurdaq* ‘горло’, ‘гортань’, ‘кадык’, ‘шея’ и др., только с геминацией *q* и редукцией ныне непродуктивного аффикса *-daq*. Не исключен в балкарской (хуламской) форме ротацирующий (булгарский) вариант общетюркского *boğuz* ‘горло’ (Хабичев, 77-79). По мнению Э.В. Севортяна, речь (в балкарском – А.К.) может идти о звукоподражательном происхождении (имитации крика) по аналогии с узб. *буқир* < *бу-қир* ‘орать’, ‘реветь’, ‘плакать навзрыд’, ‘реветь (о животных)’ (ЭСТЯ II, 184). Помимо этого в карачаево-балкарском языке имеется существительное *богъакъ* ‘второй подбородок’ (КБРС, 154), которое, по-видимому, является стяженной формой с некоторым семантическим сдвигом от также существующей в карачаево-балкарском

языке формы *богъурдакъ* ‘трахея’, ‘дыхательное горло’, ‘гортань’ (там же). Этой лексеме имеется прямая параллель в киргизском – *богок* [boŋoq] ‘зоб (болезнь)’ (КРС) и других тюркских языках (ЭСТЯ II, 168). Здесь налицо тюркский корень *boğ-* ‘душить’ (ЭСТЯ II, 164). Таким образом, есть все основания говорить о заимствовании осетинской формы из карачаево-балкарской, а не наоборот. Тем более, что осетинская форма не имеет иранских параллелей, а приводимое для этимологического обоснования *boğ* ‘бугай’ самим же автором словаря признано тюркизмом (Абаев I, 264).

būk и. | **bok** д. ‘сгорбленный’. Абаев считал данное слово основанным на звуковой символической, обозначающей круглое, выпуклое, но не мог привести аналогии из иранских языков (Абаев I, 269). Не разделяя теорию Абаева о существовании в неродственных языках звукоизобразительных слов (идеофонов), следует отметить наличие подобных изоглоссов в подавляющем большинстве случаев в языковых семьях, входящих в «ностратическую» языковую макросемью, а значит, фактически они являются еще одним доказательством родства этих языков. В отношении же приведенной выше лексемы следует отметить отсутствие каких-либо параллелей в родственных осетинскому языках, а значит следует обратить внимание на общетюркский глагол *būk-* ‘гнуть’, ‘согнуть’, имеющийся и в карачаево-балкарском языке: *бюк* (с тем же значением). Э.В. Севортян высказал обоснованное сомнение в «звуко-символическом» характере осетинского *būk* / *bok* и предположил наличие тюркского источника для этого слова (ЭСТЯ II, 292). С данным мнением следует полностью согласиться.

caegat ‘северный склон горы’, ‘тыльная сторона ножа, топора и пр.’, ‘дом родителей для замужней’. Абаев полагает, что в основе лежит понятие «тыла», «тыльной стороны», отсюда северный, «тыльный» склон в противоположность южному, солнечному; тыльная сторона оружия в противоположность острой; дом родителей, который является для замужней «тылом», и фонетически пытается сблизить с согд. **čakāt* ‘лоб’, перс. *čakād* ‘темя’, ‘верхушка’, пехл. *čakāt*, арм. (из перс.) *č’ak’at* ‘лоб’, др.-инд. *kakātikā* ‘часть лобной кости’. По его мнению, кар.-балк. *čeget* ‘северный склон’ (балк.) и ‘лес’ (карач.) имеет осетинское происхождение (Абаев I, 296). С данными тезисами согласиться вряд ли возможно по целому ряду причин. Имеет место несовпадение и даже противоречие значений ‘лоб’, ‘верхушка’ и ‘тыл’. Данное семантическое отклоне-

ние позволяет говорить о гетерогенности осетинской и индоиранских форм. По мнению А.В. Дыбо, «балкарская форма (*čeget* – А.К.) – не заимствование из осетинского, ее общетюркский характер подтверждается тувинским *šet* ‘молодая хвойная поросль’, шорским *čet ağaš* то же, ногайским *šege-r* ‘кустарник’; так что топоним (Чегет – А.К.) скорее из балкарского, а развитие значения ‘северный склон’ одинаково вероятно и из ‘обух’ (на осетинской основе), и из ‘хвойный лес’ (на тюркской основе)» (Дыбо, 344-345). Туда же следует добавить алтайскую и телеутскую форму *čät* ‘молодой «хвойный» лес’, ‘молодая роща’, ‘кусты’ (Радлов III, 1982), кирг. *чегедек* ‘ветка ели’ (КРС). В монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка», изданной под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо, помимо изложенных форм в значении ‘хвойные поросли’ еще имеются крх.-уйг. *šeki-r-tük*, тур. *čeki-r-dek*, гаг. *čekerdek*, азерб. *čäkil*, чагат; *čeke-r-dek*, *čekide*, *čekе*; узб. *čakanda* ‘облепиха крушиновидная’; уйг. *čäkändä*, *čakanda*, караимское *čegirdek*, *čekirdek*, *čeger* ‘лес’; татар. *čiki* (диал.), кирг. *čege-dek*, *čege-l-dek*, южнокиргизское *čekende* ‘хвойник’, алт. *čet ağaš*; восстановленные праалтайская форма **č’äki* ‘вид хвойного дерева’, пратюркская форма **čeket*, прамонгольская форма **čigör-* и пратунгусо-маньчжурская **čäk-* (СИГТЯ, 134). Следует отметить, что в карачаевском говоре карачаево-балкарского языка *чегет* [čeget] имеет однозначный смысл ‘лес’, в балкарских же говорах чегет носит смысл ‘тенивая сторона’, которую обычно принято считать северной стороной (КБРС, 730), хотя фактически она не всегда совпадает с севером. В отличие от данных карачаевского говора, в котором слово сохранило свой первоначальный смысл ‘лес’ (чему, по всей видимости, способствовала богатая лесная растительность на всей исторической территории Карачая), в балкарском семантический сдвиг ‘лес’ > ‘северная, тенивая сторона’ произошел, по-видимому, вследствие отсутствия на территории балкарских ущелий обширных лесов, и те незначительные участки лесной растительности, имеющиеся на территории балкарских ущелий, находятся в тенистой стороне горных склонов, что и повлекло за собой изменение первоначального значения ‘лес’ на ‘северная, тенивая сторона’. В таком виде слово вошло и в осетинский язык. О семантическом переходе *čeget* в значении ‘лес’ (карачаевская форма) к *čeget* в значении ‘тенивая сторона’ (балкарская форма) сви-

детельствует наличие в карачаевском говоре *чегет бауур* в значении 'теневая (лесистая) сторона'.

сæвæг 'коса' (орудие). Абаев полагает образование от глагола *сæвун* 'бить', собственно "бьющее" или "секущее" орудие. По аналогичному признаку, по его мнению, образовано и шорское (тюркское) *šalgə* 'коса', буквально "бьющее (орудие)" от *šal* 'бить', 'ударять', а также немецкий глагол *hauen*, означающий 'бить' и 'косить (траву)'. (Абаев I, 305). Вероятней всего, В.И. Абаев заблуждался по поводу происхождения *сæвæг*. Осетинский глагол «косить» образован из тюркского глагола *чан-*, имеющего то же самое значение. Производные от этого глагола имеют достаточно широкое распространение в тюркских языках: каз. *шабу* 'рассечение', 'полоть', 'рубить', 'косить'; *шабын* 'покос', *шабынды* 'сенокос' (Каз. РС, 473 - 474). Кирг. *чабык* 'покос', *чабынды* 'покос', 'сенокос (место)', татар. *чапкыч* 'косилка', 'сенокосилка', *чабынлык* 'покос', 'место косьбы', 'покосный'. Осетинское существительное *сæвæг* 'коса' само по себе имеет изолированный характер, поскольку не связано с осетинскими глаголами, означающими «косить сено» - *кæрдын*, *дасын*, как и с существительными, имеющими отношение к косьбе: *кæрдæг* 'косарь', 'жнец'; *хосгæрдæн* 'сенокос', 'покос'; 'сенокосный'; *хосгæрдæн машинæ* 'сенокосилка', *хосгæрт* 'сенокос (место)' (ОРС). Такая изолированность лексем *сæвæг* в осетинском языке является косвенным подтверждением ее заимствованного характера. Следует также отметить семантическую дивергенцию осетинского глагола *сæвун* 'бить', который сам по себе среди иранских языков не имеет близких параллелей (перс. *čārīdan* 'грабить', язг. *caft-* 'воровать', мундж. *cəvd-* 'щипать', вахан. *čavd-* 'собирать'), тогда как в тюркских и финно-угорских языках такие параллели весьма очевидны (алт. *čar-* 'бить', узб. *čar-* 'рубить', уйг. *čav-* 'бить', удм., коми *чапыны*, *чапкыны* 'ударить', морд. эрзя *чавомс* 'бить', удм. *чабыны* 'хлопать в ладоши'; в карачаево-балкарском *чабук* / *чауук* / *чауукъ* 'хлопать в ладоши' ("детское" слово)) (Абаев I, 306; КБРС, 719, 728). Более того, в осетинском языке имеются синонимы этого глагола, также имеющие значение «бить» - *нæмын*, *хойын* (ОРС), что может являться косвенным свидетельством изменения глаголом *сæвун* своего значения, возможно, вследствие контаминации тюркского и иранского корней.

сӱх и. | **сох** д. 'недостача', 'недостающий', 'лишенный'. Возведено без объяснений и толкования к иранскому **šika*, а в качестве неиранских соответствий приведено русское диалектное *чукаво* 'в обрез', *чукавый*

‘еле достающий’. Приведены также возможные связи на угро-финской почве: венг. *csok* ‘уменьшаться’, коми *чуктыны* ‘отпасть’ (Абаев I, 317). Следует, однако, заметить, что М. Фасмером русские *чукавый* и *чукаво* не этимологизированы вследствие неясности происхождения этих слов (Фасмер IV, 380). В отношении же угро-финских основ можно предположить тюркское влияние, вследствие ограниченности их распространения среди родственных языков. Наиболее верным, в данном случае, было бы предположение о тюркском влиянии на осетинскую лексику. Так, в тюркских языках *ǰoq / ʒoq / joq / ʕoq* обозначает «отсутствие», ‘нет’ (ЭСТЯ IV, 211 - 213). Начальная аффриката с осетинского слова *сїх / сох* предполагает также начальную аффрикату в языке, послужившем источником для заимствования. Чаще всего, в карачаево-балкарском языке осетинской аффрикаты с соответствует аффриката *ǰ*. Но, учитывая достаточно древний характер заимствования данного слова в осетинский язык, не следует также исключать аффрикату *ʒ*, вследствие ее фонетической близости к *ǰ*. Предположение о серьезном взаимовлиянии осетинского и финно-угорских языков является заблуждением, и «обширные» лексические параллели, на самом деле, вырваны из контекста общих индоевропейско-уральских связей и ностратических лексических параллелей.

сухсур, сухсураег и. | **сисхур** д. ‘вода, падающая с жёлоба’. Абаев полагает, что в основе лежит слово **ǰхир* ‘вода’ южнокавказского (картвельского) происхождения. Он в этой связи считает, что грузинскому *с’qal-* ‘вода’ должна соответствовать мегрело-чанская *ǰ’qor-, ǰ’qur-*. (Абаев I, 327) Однако данной формы (а это признается и самим Абаевым!) в мегрельском и чанском нет (там же). Кроме того, нет удовлетворительного объяснения наращения в начале *си-*. Полагаю более обоснованным выводить этимологию данного осетинского слова из кар.-балк. существительного *ǰисхир / сисхир* ‘водопад’ (оно же отложилось так же и в чеченском *ǰахǰари* ‘водопад’). В свою очередь существительное *ǰисхир* образовано от кар.-балк. (тюрк.) глагола *ǰисхи-* ‘ковырять’ (КБРС, 739), ‘ворошить’. Здесь нет никакого семантического сдвига, поскольку сам бурный поток или водопад характеризуются тем, что расковыривают землю, камни, растительность, деревья в отличие от спокойного водного потока. С точки зрения кар.-бал. речи здесь никаких семантических сложностей нет. О тюркском характере глагола *ǰисхи-* свидетельствует хакас. форма *чухчыла-* ‘ковырять’, ‘выковыривать что-л.’

(ХРС, 324), татар. *чоку* ‘долбить’, ‘выдалбливать’; ‘ковырять’; ‘копать’, ‘вырыть’; *чокчыну* ‘доискиваться’, ‘допытываться’; ‘тщательно исследовать’. Кроме того, следовало бы обратить внимание на киргизские формы *шаркыра*- ‘бурлить’, ‘грохотать камнями’ (когда бурный поток катит по дну камни), *шаркырак* ‘грохот’ (напр. водопада или бурной реки), *шаркырама* (о воде) ‘бурлящий’, ‘бурный’, *шаркыратма* ‘водопад’ и казах. *сарқырама* ‘водопад’ (КазРС, 522.), которые вряд ли идут из формы *sarq-* ‘течь’, иначе в киргизском мы тоже имели бы основу *sarq-*. Правда, существует высокая вероятность того, что здесь в кирг. и каз. формах имеет место звукоподражание.

dombaj ‘зубр’; в новейшем употреблении также ‘лев’. Абаев считает его общекавказским. (Абаев I, 365). Ни в коей мере не вступая в дискуссию по поводу общекавказского характера данного слова как термина для обозначения такого животного как зубр, следует, тем не менее, отметить его тюркское происхождение: кар.-балк. *доммай* ‘зубр’, тур. *dombay* ‘самка буйвола, буйволица’, ног. *домбай* ‘толстый’, ‘полный’, азерб. *домба* ‘выпуклый’, кирг. *домпой*, *томпой* ‘быть выпуклым’, ‘выдаваться выпуклостью’ (ЭСАЯ I, 151 - 152), а также *домбай* (каз.) ‘стог’ (Радлов III, 1728), *томбай* (тур.) ‘морская корова’ (там же, 1240). Для кар.-балк. формы характерна поздняя ассимиляция согласного *b* в соответствии с правилами кар.-балк. фонетики: *dommaj* < *dombaj*.

dorbun д. ‘пещера’. Сам В.И. Абаев по поводу происхождения этого слова показывает следующее: «В изданных дигорских текстах не встречается, равно и в наших записях. Тем не менее с уверенностью восстанавливается на основании балкарского заимствованного *дорбун* ‘пещера’. Представляет сложение из *дор* и *бун*, где *дор* ‘камень’, а *бун* употреблено здесь в значении ‘пол’: «с каменным полом». Обычное слово для пещеры в современном осетинском – *лаегает*» (Абаев I, 370). То есть, самого слова *дорбун* в осетинском языке нет. Абаев всего лишь «восстановил» его из карачаево-балкарского *дорбун*, означающего ‘пещера’. Но, надо заметить, что семантически слово ‘пещера’ мало соответствует значению ‘каменный пол’, приводимому Абаевым в качестве возможно бытовавшего в прошлом осетинского термина. Ведь в пещере не только пол каменный, она характеризуется как раз тем, что представляет собой своего рода каменный мешок. В самом осетинском, как отметил Абаев, для обозначения пещеры существует другое слово – *лаегает*, фонетически никак не связанное с *дорбун*. Полагаю,

что кар.-балк. и осет. *dorbun* происходят из тюркского слова, имеющего значение 'мешок', поскольку по своей форме пещера напоминает мешок, только каменный. В тюркских языках распространены фонетически близкие *dorbun* слова, обозначающие 'мешок', 'ранец', 'опухоль на теле': тур., крм., азерб. *torba* 'мешок, котомка' (Радлов III, 1189), кирг. *торбо* 'небольшой мешок для зерна', *дорбо* 'торба (небольшой мешок надеваемый лошади на морду для кормления зерном)', каз. *дорба* 'ранец', 'саквояж', 'сумка', 'торба', 'мешочек', *дорбадай* 'мешкообразный', *дорбалау* 'брать мешочком', 'складывать в мешочки'. Не стал бы совершенно исключать тув. *дөмбүң* 'бидон'; 'деревянный сосуд с узким голышком'. Очень интересны татар. и тур. формы: *төрбә* [törbä] 'склеп', 'усыпальница' (татар.) (ТРС), *türbä* 'мавзолей на могиле', 'простая могила' (тур.) (Радлов III, 1566). Думаю, что не следует полностью исключать и возможность происхождения отсюда же общетюркского *türmä* 'тюрьма', 'темница' (там же).

Зормаэ, zormaэ 'колбаса (из тонких кишок)'. Автором приведены груз. (рачин.) форма *ჭურთა* 'кушанье из потрохов', каб. *žerumä*, убых. *žermε* 'колбаса' и совершенно не упоминаются тюркские параллели (Абаев I, 398). Об общетюркском характере лексемы свидетельствуют: кар.-балк. *дžөрме* [žörmε], баш. *йүртә*, тув. *чөрөмө*, кирг. *жөргөм* и многие другие с общим значением 'разновидность домашней колбасы' (ЭСТЯ IV, 235-236). В приведенных же Абаевым языках данная лексема является безусловным заимствованием из карачаево-балкарского языка.

Zubandi д. 'разговор', 'беседа'. Автор этимологизирует из арабского *soḥbat* 'общение', 'разговор', 'беседа' (Абаев I, 399). Данная точка зрения ошибочна. Слово этимологизируется из тюркского (в том числе и кар.-балк.) глагола *žuban-*, имеющего значение 'утешать(ся)', 'забавлять(ся)', 'развлекать'; 'успокаивать(ся)'. Параллели в тюркских языках обширны (ЭСТЯ IV, 240).

Зүгү yr и. | **Žuğur** д. 'пестрый', 'полосатый', 'пятнистый', 'конопатый'. Здесь очевидные тюркские параллели: кар.-балк. *Žuğur* 'пестрый', 'веснушчатый' (КБРЯ, с. 255), кирг. *чаар* 'пёстрый', татар. *чуар* 'пёстрый', 'пегий', 'рябой', 'разноцветный'; в переносном смысле 'разношёрстный', 'пёстрый' (ТРС), тув. *шокар* 'пёстрый', 'рябой', 'пятнистый' (Тув.РС) и др. не были замечены, и В.И. Абаев вновь отнес данное слово к несуществующим идеофонам (Абаев I, 402), тогда как заимствование из кар.-балк. языка очевидно.

g' eben и. | **gebena** д., в ир. 'саван', в диг. 'короткая верхняя одежда из грубого материала' (Абаев, т. 1, с. 517). Здесь автор, на наш взгляд, ошибочно объединил две, возможно, не связанные между собой лексемы: иронская форма идет из араб. *kafan* 'саван' через тюркское посредство, а дигорская – из кар.-балк. *gebenek* 'пальто из войлока', тур. *kāpānāk* 'дождевой плащ', *kebānāk* 'кафтан из кошмы' (там же). Происхождение тюркской формы из *ker* 'форма', 'модель', 'колодка', 'образец' (Абаев, т. 1, с. 519).

ing' yn и. | **ingin** д. 'творог', 'масса свернувшегося молока после введения сычужной закваски'. Высказано предположение по поводу возможной местной кавказской этимологии в связи с наличием несколько схожих лексических единиц в мегрельском (*ingiri* 'холодная сыворотка') и хиналугском (*eng* 'сыр') языках (Абаев I, 544 - 545). Полагаем более обоснованным тюркское происхождение данной лексемы. Кар.-балк. *ингирчек* [iŋiɾçek] 'творожная масса', 'твороженный осадок (в прокисшем молоке)' (КБРС, 304), татар. *эремчек* 'творог', 'творожный', тув. *ээжегей* 'творог (из кислого молока)' (ТувРС), кирг. *иримчик* 'сыр домашнего приготовления (из кипячёного молока)' (КРС), каз. *ірімшік* 'творог', 'сыр' (КазРС, 655), тел. *ірігән* 'творог, остающийся на дне котла после выкуривания вина из молока' (Радлов III, 1461). Полагаем, что тюркские формы явились источником для всех кавказских вариантов данного слова.

kadavar и. 'скудный'. Автором не обнаружена этимология данного слова (Абаев I, 566). Возможно, здесь имеет место происхождение из тюркского *Қыт* [qət] 'недостаточный', 'скудный', 'дефицитный', 'малочисленный'; 'нехватка', 'недостаток' (ЭСТЯ VI, 253).

kærz | **kærzæ** 'яшень'. Абаев осетинскую форму считает неотделимой от чуваш. *kavrəs*, *karaś* 'яшень' находит также соответствие в монгольском *küjriis* 'яшень', и в этой связи делает вывод о заимствовании из старочувашского (булгарского) в староосетинский (аланский) (Абаев, I, 587 – 588), не замечая при этом обширных параллелей в других тюркских языках (СИГТЯ, 427), в том числе и кар.-балк. формы *kürč* / *küjriüč* / *küjriüc* 'яшень', которая и была, судя по всему, источником для осетинской.

qæppæl д. 'одежда' отнесено Абаевым к группе «звукоизобразительных» слов (Абаев, т. 2, с. 292), несмотря на очевидное совпадение с карачаево-балкарской (общетюркской) формой *къаптал* [qaptal]

‘бешмет’. Следует заметить, что тюркское *qaptal* получило широкое распространение среди народов Северного Кавказа (кабард. *кэптал*, чеч., инг. *гловтал* и др.) (Студенецкая, приложение: таб. 1). В тюркских языках *кэптал* имеет исконное происхождение (ЭСТЯ V, 269).

sandæraq д. хороводный танец; исполнялся в старину в некоторых районах Дигории. Автор точно подметил происхождение названия танца от тюрк. *sandæraq* ‘бред’, ‘бредящий в жару’, отметил также наличие этого танца в прошлом у кабардинцев (Абаев III, 29), но не смог указать источник, откуда этот танец проник к адыгам и осетинам, тогда как известно наличие старинного танца «*Сандыракъ*» у карачаево-балкарцев (КБРС, 540), у которых он и был заимствован вышеупомянутыми народами вместе с названием.

sont ‘неразумный’, ‘безрассудный’, ‘необдуманный’, ‘сумасбродный’, ‘взбалмошный’; иногда также ‘юный’, ‘молодой’ (‘неразумный’, ‘не достигший зрелого ума’). В статье высказано сомнение в тюркском происхождении слова (от *сандыра*- ‘бредить’) и сделана попытка поиска индоевропейской этимологии, которая, надо заметить, к большому успеху автора не привела (Абаев III, 136). Следовало бы обратить более пристальное внимание на тюркскую этимологию данного слова, в частности, кар.-балк. форму слова *сант* [sant] ‘равнодушный’, ‘нечувствительный’, ‘глуповатый’, ‘дурашливый’, ‘рассеянный’, а также *санча* [sança] ‘дурашливый’, ‘глуповатый’ и т.п., только в пренебрежительной форме (КБРС, 541), а также татар. форму *сантый* ‘дурачок’, ‘дуралей’, *сантыйлану* ‘дуреть’, ‘одуреть’, *сантыйлык* ‘дурость’, ‘дурачество’ (ТРС).

sūryn : syrd и. | **sorun : surd** д. ‘гнать’, ‘прогонять’, ‘гнаться’, ‘преследовать’. Абаев сближает с «сакским» *hasura* ‘добыча’, ‘дичь’, тохар. *śaru* и *śerwe* ‘охотник’, арм. *sour* ‘быстрый’, др.-инд. *śurudh-* ‘добыча’, белудж. *sur-* ‘двигаться’, ишкаш. *sur-:surd* ‘красться’, ‘подкрадываться’, бартанг., рушан. *sōr-*, тадж. *soridan* ‘выслеживать’ (Абаев III, 171). В связи с отсутствием в индо-иранских языках близких аналогий, Абаевым сделано предположение о контаминации с тюркским *sūr* ‘гнать’, ‘прогонять’ (там же). Однако, безусловно признавая родственный «ностратический» характер индоевропейского и тюркского корня *sur*, следует, вместе с тем, отметить абсолютную семантическую идентичность исследуемых осетинского и тюркского глаголов, при почти таком же фонетическом сходстве: кар.-балк. (тюрк.) *сюр-* ‘гнать’, ‘выгонять’, ‘гнаться за кем-либо’, ‘догонять кого-либо’, ‘угонять что’, ‘гоняться за

кем-либо' (КБРС, 592). Подобная близость, полагаем, может свидетельствовать не о контаминации осетинского глагола с тюркским, а о прямом заимствовании тюркской формы в осетинский язык, поскольку никаких заметных признаков иранского корня в исследуемом осетинском глаголе нет, а некоторое созвучие с индоиранскими формами имеет место лишь в связи с общностью происхождения индоевропейского и тюркского корня *sur*.

sybyrtt и. | **sibirrt** д. 'звук', 'звук речи', '(короткий) шепот'. Сопоставляя с тюркским *səbər, šəbər* 'шепот', 'шорох', *səbərda, šəbəra* 'шептать', автор делает вывод об их звукоподражательной природе (Абаев III, 181 - 182), с чем, разумеется, нельзя не согласиться. Однако также нельзя не согласиться с тем, что в осетинском языке данная лексема является заимствованием из тюркского языка, поскольку иранских параллелей нет. Близкое фонетическое сходство с кар.-балк. *šəbərt* 'шорох', 'шум' (КБРС, 755) позволяет сделать однозначный вывод о заимствовании осетинской формы из карачаево-балкарского языка.

syntæg и. 'кровать'. Выводя из осетинского (иранского) существительного *synt / syntæ* 'носилки', автор делает вывод о том, что с осетинским *syntæg* следует сближать кар.-балк. *шиндик* [šindik] 'стул', 'табуретка'. (Абаев III, 204). Что, однако, необоснованно, поскольку параллели кар.-балк. *шиндик* обнаруживаются в иных тюркских языках: тув. *сандай* 'стул', 'приспособление для сидения (общее название)'; *борбак сандай* 'табуретка'; *узун сандай* 'скамейка' (ТувРС).

Syrdon и. | **Sirdon** д. - имя одного из популярнейших героев осетинского («нартовского») эпоса. Отличался хитростью, находчивостью и остроумием, но также злоязычием и склонностью ко всяким козням. Абаев производит его имя от *syrd | sird* 'зверь' (Абаев III, 207). Данный герой бытует и в карачаево-балкарском нартовском эпосе под именем *Шырдан* [Šərdan]. Сталкиваясь с безусловной трудностью этимологии имени этого героя, следует отметить наличие в киргизском языке слова *сырдан* 'хитрый' (КРС), которое можно вывести из кирг. глагола *сыртта-* 'уходить в сторону', 'сторониться' (там же). Возможно также применить татарский глагол *сырпалану* 'ласкаться', 'льститься' (ТРС). Значение киргизского *сырдан* 'хитрый' полностью совпадает с характеристиками осетинского нартовского героя *Сырдыдан / Сирдыдан*.

təbæg 'тарелка', 'блюдо' Абаев считает арабизмом (Абаев III, 243), однако в ряде тюркских языков имеет место значение данного слова

кирг. *табак* ‘лист (бумаги)’, татар. *табак* ‘лист’, *табаклы* ‘листовой’; каз., тур., алт., тел., леб., шор., тарач. *табақ / табах / табака* помимо значений ‘чашка’, ‘блюдо’, ‘миска’ имеет также значение ‘лист’ (КазРС, 431, Радлов III, 961, 962, 963). То есть, значение тюркского слова *tabaq* не просто шире арабского, оно еще представляет собой то значение, которое было, скорее всего, характерно для этого предмета первоначально, то есть, ‘широкий лист, на который можно класть пищу’, которое впоследствии приобрело смысл ‘чашка’, ‘блюдо’.

tusk'a д. ‘кабан’ Абаевым ошибочно названо скифо-германской изоглоссой в связи с наличием в германских языках слова *tusk* ‘клык’, *tusky* ‘клыкастый’ (Абаев III, 320-321)). Ни в одном из известных германских языков ‘кабан’ не носит наименования, связанного со звукорядом *tusk*. В то же время, в тюркских языках очень распространено слово *čičqa / čočqa / čišqa / čöçxa* для обозначения ‘свины’. В отношении возможности замены начальной *č* на *t* следует обратить внимание на изменение начального *č* на *t* в фонетически сходном тюркском слове, обозначающем ‘мышь’ в казахском языке – *тышқан* [təšqan] (КазРС, 455), тогда как в близком казахскому киргизском языке ‘мышь’ носит название *чычкан* [čəčqan]. Так же обстоит дело и в татарском языке, где также вместо общетюркской *čəčqan* употребляется *тычкан* [təčqan] (Радлов III, 1336).

tyl и. | **tulæ** д. анат. ‘родничок’ (мягкое место на темени новорожденного, где кости черепа еще не срослись). Автор полагает, что осетинская форма относится к дериватам индоевропейской базы **tu-* ‘пухнуть’ и приводит близкие соответствия в значениях ‘мясо без костей’ (алб.), ‘мягкая подкладка’, ‘подушка’, ‘мозоль’, ‘вздутие’, ‘шишка’ (греч.). Имеется в единственном числе и иранское соответствие в гурани *tilā* ‘лоб’. Автор полагает, что кар.-балк. *тулу* ‘мягкое темя у ребенка’ идет из аланского (под которым имеет в виду древнеосетинский) (Абаев III, 329). С данной точкой зрения невозможно согласиться в связи с наличием широких параллелей в иных тюркских языках: каз. *тұлым* ‘вихор’, ‘чуб’ (КазРС, 449), а также ‘пучки волос над висками, которые остаются не выбритыми у любимых сыновей богатых людей’ (Радлов III, 1470), *тулум / тулуң* в казахском, барабинском, алтайском, телеутском, шорском, лебединском, чулымском, сагайском, койбальском и качинском языках и наречиях означает ‘коса (у женщины)’ (там же, 1469), то же самое и в киргизском языке, где *тулум* (в эпосе) ‘коса (женская и мужская)’ (КРС). Каз. *тулумшак* ‘маленькие косички, носимые девочка-

ми по обеим сторонам лба' (Радлов III, 1271). В чагатайском *tuluğım* 'виски' (там же, 1469). Имеется также связь и со значением 'кожаный мешок'. Кар.-балк. *тулукъ* 'мешок (из снятой чулком шкуры)' (КБРС, 651). *Тулун / тулум* (тел., алт., кумад., шор., крм., тур., азерб.) – 'мешок без швов из целой выделанной кожи' (Радлов III, 1469 – 1470).

tymbyl и. | **tumbul** д. 'круглый', 'круглая масса чего-либо' Абаев включает в группу так называемых звукоизобразительных слов (идеофонов), в которых определенный круг значений («круглое», «выпуклое», «вздутое», «выступающее», «торчащее» и т.п.) выражается определенными звуковыми комплексами (Абаев III, с. 330 - 335). Данная точка зрения мне представляется ошибочной в связи с наличием между языками, в которых фигурируют данные формы, древнего «ностратического» родства, доказанного В.В. Илличем-Свитычем. Наличие в абсолютном большинстве тюркских языков корня *тон / том*, обозначающего «круглое», «шарообразное», и производных от этого корня слов *томалак* (каз., чагат.) 'круглый', 'шарообразный'; 'шар', 'мячик', 'ком', 'клубок'; 'толстый', *томбала* (тур.) 'шар фокусника' (Радлов III, 1236, 1241), кирг. *томнок* 'выпуклый' (КРС), татар. *тумнаю* 'вздуться', 'вздутся' (ТРС) и многих других фонетически близких осетинской форме *tymbyl / tumbul* (а эта близость признана и самим Абаевым со ссылкой на Радлова – см.: (Абаев III, 331)) и отсутствие фонетически близких форм в других иранских языках позволяет сделать вывод о гомогенности осетинской и тюркских форм и заимствовании осетинской формы *tymbyl / tumbul* из тюркских языков.

xatt 'раз' (в значении: «один раз», «несколько раз» и т.п.) Абаевым не этимологизировано однозначно, приведены лишь вероятные источники происхождения данной лексемы. Наиболее обоснованным с его точки зрения является происхождение от глагола *xətyн* 'путешествовать', 'странствовать', 'бродить' и означает собственно 'путешествие', 'voyage' (Абаев IV, 144 – 145). К сожалению, автор недостаточно обоснованно объясняет причину столь существенных семантических расхождений: «раз» и «путешествие». Фактически, здесь можно говорить об однозначном заимствовании из тюркских языков, в которых слово *qat*, помимо значений 'слой', 'пласт', 'складка', 'ряд', 'ярус' имеет еще и значение 'раз' в целом ряде тюркских языков (кар.-балк., тур., кар.т.г., кумык., тат., баш., чув. и др.) (ЭСТЯ V, 335; КБРС, 399).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА. ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев I-V – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958 – 1995. Т. I – V.

Айбазова – *Айбазова Е.С.* Термины родства в ногайском языке. // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков / Отв. ред. М.А. Хабичев. Ставрополь, 1981, с. 56 - 68.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыбо – *Дыбо А.В.* Рецензия на: Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000, Т. II. М., 2003 // Этимология 2003 – 2005 / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2007, с. 338 - 348.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М. 1971.

КазРС – *Бектаев Калдыбай* Казахско-русский словарь. Алматы, 2002.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева, М., 1989.

КРС – Киргизско-русский словарь: http://janyzak.narod.ru/dic/kr_b.htm

Махмуд ал-Кашигари Диван Лугат ат-Турк. – Алматы, 2005.

ОРС – Осетинско-русский словарь. 3-е дополненное издание / Составители: Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева. - Орджоникидзе, 1970. [<http://ironau.ru/lingvo-abbyu.html>]

Радлов I-IV – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб., 1899 – 1911.

Русско-карачаево-балкарский словарь / Под ред. Х.И. Суюнчева, И.Х. Урусбиева. М., 1965.

РТС – Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. М., 1991.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М., 2006.

Студенецкая – *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII - XX вв. – М., 1989.

ТРС – Татарско-русский большой словарь: [<http://www.balkaria.info/dictionaries/tatar/trbs/index.html>]

ТувРС – Тувинско-русский словарь: [http://www.franklang.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=956&Itemid=888]

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964 – 1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. Чебоксары, 1996.

Хабичев – *Хабичев М.А.* Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989.

Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1971.

ХРС – Хакасско-русский словарь / составители Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Грекул. – М., 1953.

Шагиров – *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / Отв. ред. В.И. Абаев. М., 1989.

ЭСАЯ I-II – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2-х томах. М., 1977.

ЭСТЯ I-VII – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974 [I]. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978 [II]. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980 [III]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. М., 1989 [Т. IV]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 1997 [Т. V]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 2000 [Т. VI]. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. М., 2003 [Т. VII].

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

ав. – авестийский
азерб. – азербайджанский
алб. – албанский
алт. – алтайский
араб. – арабский
арм. – армянский
балк. – балкарские говоры карачаево-балкарского языка
баш. – башкирский
бартанг. – бартангский
белудж. – белуджский
вах. – ваханский
венг. – венгерский
гаг. – гагаузский
греч. – греческий
груз. – грузинский
д. – дигорский диалект осетинского языка
др.-инд. – древнеиндийский
др.-уйг. – древнеуйгурский
и. – иронский диалект осетинского языка
инг. – ингушский
ишкаш. – ишкашимский
каб. – кабардинский
каз. – казахский
карах.-уйг. – караханидско-уйгурский
карач. – карачаевский говор карачаево-балкарского языка
кар.-балк. – карачаево-балкарский
кар. г. – галицкий диалект караимского языка
кар.т. – трокайский диалект караимского языка
кирг. – киргизский
крм. – крымскотатарский
кум. – кумыкский
куманд. – кумандинский диалект алтайского языка
леб. – лебединский диалект алтайского языка
морд. – мордовский
мундж. – мунджанский

ног. – ногойский
перс. – персидский
пехл. – пехлеви
рачин. – рачинский говор грузинского языка
рушан. – рушанский
согд. – согдийский
тадж. – таджикский
тарач. – тарачинский (таранчи)
татар. – татарский
тел. – телеутский диалект алтайского языка
тохар. – тохарский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
удм. – удмуртский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
хакас. – хакасский
чагат. – чагатайский
чеч. – чеченский
чуваш. – чувашский
шор. – шорский
язг. – язгулямский

Т.Ш. Биттирова
г. Нальчик

ЭПИГРАФИКА БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ПО ТЕИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Осталось немало документальных свидетельств динамики развития мусульманской религии в среде предков карачаево-балкарцев в IX-XIX веках. Самые ценные из них – арабописьменные и арабоязычные памятники. Некоторые из них достаточно хорошо представлены в научной литературе. Много времени посвятил сбору, систематизации и анализу мусульманской эпиграфики Северного Кавказа Л.И. Лавров, который писал в 1968 году: «Арабоязычными памятниками карачаевской и балкарской письменности остаются лишь те, которые не восходят ранее 18 века»¹. После обнаружения в Н. Архызе (Карачай) каменной плиты, датированной 1045 годом, ученый пересмотрел свои взгляды: «Находка этого камня вносит важные коррективы в существующие представления о политической и религиозной истории не только на территории Карачая, но и всего Северного Кавказа. Надпись свидетельствует, что XI-XII вв. арабское влияние не ограничивалось Прикаспием, а распространялось вплоть до гор северо-западного Кавказа». Однако, по замечанию Л. Лаврова, «ислам в XII в. не удержался в Карачае и был вскоре вытеснен христианством».

В XIII веке ислам проникает в Золотую Орду и в начале XIV века становится господствующей религией. Ибн Батута в 1334 году упоминает о существовании соборной мечети в окрестностях Бештау, где в то время жили предки карачаевцев. Таким образом, ислам повтор-

¹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа, т.-II., М., 1968.

но пришел к предкам карачаево-балкарцев в период Золотой Орды. Но после распада этого государства, аланы опять оказались в составе православной конфессии.

Последняя, третья попытка, предпринятая мусульманскими миссионерами Средней Азии, Поволжья и Дагестана, Турции и Крыма в конце XVII - нач. XVIII века, закончилась успешно. Ислам к середине XVIII века стал национальной религией карачаево-балкарцев, и лишь некоторые языческие и христианские обряды и устное народное творчество наряду с развалинами культовых сооружений напоминали о доисламском периоде.

Процесс исламизации Балкарии и Карачая был перманентным на протяжении XVII-XIX веков. В каждом из пяти обществ Балкарии (Баксан, Чегем, Холам, Безенги, Малк'яр) этот процесс зависел от многих субъективных причин. Во-первых, от такта, знания, красноречия миссионера. Во-вторых, в некоторых поселениях определяющим было отношение правящей верхушки общества к новой религии. «Весьма любопытно, – писал Паллас, – что эти наивные люди до сих пор называют себя христианами потому, что едят свинину, но их вожди или старейшины исповедуют магометанскую религию».

Если судить по нарративным источникам и полевому материалу, исламизация балкарцев и карачаевцев проходила мирным путем. Точнее, культура ислама завоевала позиции раньше, чем его идеологическая основа, и была безболезненно воспринята большинством населения. Здесь, видимо, решающим было то обстоятельство, что балкарцы и карачаевцы на протяжении веков не расставались с Книгой – будь то руническое письмо сакрального содержания, Евангелие и другая литература на греческом алфавите (на карачаево-балкарском языке обозначенный термином «румча»). Здесь уместно напомнить, что книге, письму, знаниям посвящено огромное количество пословиц, поговорок, загадок, созданных в так называемый «бесписьменный период».

Первым по времени составления, обнаруженным на сегодняшний день эпиграфическим памятником третьей волны ислама, следует считать картджуртский двуязычный памятник, датированный 1695 годом.

Камень был найден в 1990 году в сел. Картджурт при прокладке водопроводной линии. Он был извлечен экскаватором из двухметровой глубины. По рассказам жителей села, место, где найден памятник, было площадкой перед мечетью, до войны и выселения никто памятника не

видел. Сама мечеть после депортации карачаевцев была разрушена переселившимися сюда сванами и впоследствии не была восстановлена. В данное время камень находится в школьном музее сел. Картджурт.

Эпиграфический памятник (параметры его 120x50x16) был изучен карачаевскими историками и филологами, которые дали ему исчерпывающую палеографическую характеристику². Согласно их свидетельствам, это двуязычный арабо-графический памятник, вытесанный из песчаника в 1695 году, и содержит следующий текст:

1/ текст на карачаево-балкарском языке:

Омар, Абу-Бекр

Осман, Алий.

Зияратдан мурат

Аладан дуады.

Бюгюн манга эсе, тамбла сангады.

Подстр. пер. (Т.Б.):

Омар, Абу-Бекр

Осман, Алий.

Посещаем могилу,

Славя их (*названных выше последователей пророка Мухаммада – Т.Б.*).

Если сегодня (очередь уйти) моя,

То завтра – твоя.

2/ арабский текст в переводе на карачаево-балкарский язык (пер. К.–М. Ньюмагомедова):

Я Аллах, я Мухаммад

Бу ташны иеси батыр Мурза,

Сосранны жашы.

Биз Аллахданбыз эм

Анга къайтабыз.

Подстр. пер.:

Я Аллах, я Мухаммад,

Хозяин этого камня храбрый Мурза,

Сын Сосрана.

Мы принадлежим Аллаху

И возвращаемся к нему.

Помимо того, что составитель камня знал два языка и сумел передать на аджаме фонетику карачаево-балкарского языка, содержание тек-

² Карачаевцы и балкарцы. Язык, археология, этнография. М., 1990.

ста говорит об определенном образовательном и поэтическом уровне культуры автора. В нем присутствуют ярко выраженные ритмические и рифмообразующие элементы (к примеру, прямая рифма – дуады-сангады, скрытая рифма – зиярат-мурат). Обращает на себя внимание также знание автором верных последователей пророка Мухаммада.

В 1867 году братьями Нарышкиными была предпринята этнографическая экспедиция по Балкарии. В их отчете Русскому Императорскому археологическому обществу сообщалось: «Местность, начиная от аула вплоть до впадения реки Гунделен в Баксан, была покрыта множеством могил, означенных грудами камней и местами довольно правильной формы памятниками, похожими на круглые или квадратные часовни с окнами, обращенными к Мекке, и над которыми хорошо сохранились арабские надписи, относящиеся большею частью к половине прошлого столетия. Таких часовен (кабур) было особенно много при впадении реки Гунделена на левом берегу Баксана. Здесь на пространстве нескольких десятин их было до двадцати, кроме обыкновенных могильных магометанских столбов».

Только в конце XX века любителем – краеведом З. М. Улаковым (кстати, дед его – Огьурлу был в числе первых жителей сел. Кенделен, кто совершил хадж) была предпринята попытка изучения эпиграфических памятников, отмеченных Нарышкиными и находящихся у сел. Кенделен.

Один из них был прочтен сельским эфенди Батырбековым Локманом, который датировал находку 1624 (1033 по хиджре) годом. Поскольку необходимая палеографическая работа над камнем не осуществлена, трудно сказать что-либо определенное о содержании памятника.

Хорошо изучены арабографические памятники начала XVIII века, так называемые «Холамские камни», получившие широкую известность еще в конце XIX века. Надписи на памятниках сделаны в течение одного десятилетия и, по всей видимости, одним и тем же лицом – «Абдул кади Халиловым».

Первое сообщение о нахождении памятника принадлежит Мисосту Абаеву, который в 1895 в газете «Кавказ» опубликовал небольшую статью «Интересный документ», в которой писал: «Недавно мне показали в слободе Нальчик каменную плиту с надписью на местном татарском наречии горцев, живущих в горах Нальчикского округа Терской области, найденную случайно одним пастухом в старинном памятнике несколько лет тому назад...

Содержание надписи, как мне читал обладатель камня, гласит, что пять горских народов: малкар (балкар), хулам, безенги, чегем и баксан с одной стороны, Крым и Кабарда – с другой, поспорили о границах земель и спор был разрешен мирным путем через посредство избранных лиц и приглашенных известных дагестанского и сванетского (народов - Т.Б.) князей, которые установили границы между горскими землями и землями Крыма, населенного кабардинцами. Между прочим, указываются и границы тогдашних русских владений»³.

М. Абаев также сообщал, что надпись была сделана в 1127 году по хиджре, что соответствовало 1709 году по христианскому летоисчислению.

Сотрудник краевого межевого управления Н.П. Тульчинский известен как автор интересных публикаций по истории и культуре народов Кавказа. Балкарии он посвятил несколько основательных, не потерявших научного значения и сегодня, исследований. В публикации 1903 года в «Терском сборнике» он дал характеристику хуламским находкам: «... в Хуламском ущелье, выше сел. Схуру, в развалинах башни нашли два плитовых камня, один большого размера, другой – малого; на большом камне вырезаны арабскими буквами на горском языке слова, которые гласят, что собрались почетные люди (имярек) от крымского хана, из Кабарды и из горцев, установили границы горских владений от крымских и русских владений. На другом камне тем же шрифтом и языком начертано, что вследствие спора каракеша Бекмурзы Гиркокова (искаженное от Гергокова. – Т. Б.) с кем-то (не указано, с кем) свидетели из Баксана Исмайыл Урусбиев, из Балкарии Муртазали Биев, из Хулама Султан Шакманов и др. – установили границы владения Бекмурзы Гиркокова: судя по этим границам, у него оказываются обширные владения. Все это происходит по магометанскому исчислению в 1127 г., а по нашей эре в 1711 г.»⁴.

Таким образом, в Холаме было обнаружено два каменных арабграфических памятника начала XVIII века. Один из памятников, содержащий текст разграничения территории Балкарии, исчез после выселения балкарцев в 1944 году. Второй, меньшего размера, (о земельных спорах между таубиями) находится в экспозиции республиканского краеведческого музея. Было несколько попыток его прочтения. Нам представ-

³ Газета «Кавказ», 1985, №230

⁴ Эпиграфические памятники Северного Кавказа, т.-II., М., 1968.

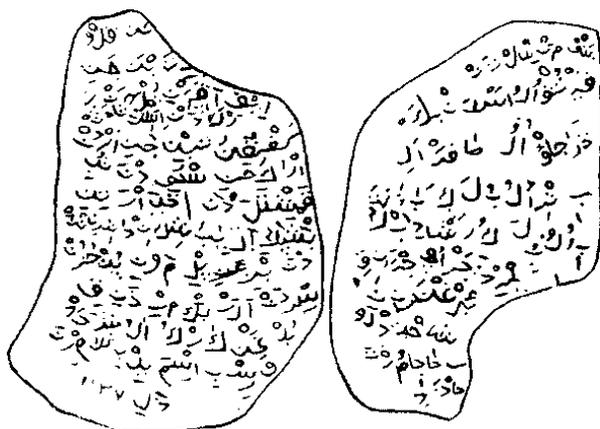
ляется наиболее удачной попытка молодого ученого Чочаевой Х.И. Представляют интерес и ее замечания по поводу трансформации и взаимопроникновения языческих представлений и христианских святых, чем объясняется наше пространное цитирование из ее статьи:

«Христианство в Балкарии не прижилось. Оно начало поглощаться возвращающимся язычеством. Имя Тотур уже связывалось с культом покровителя волков... Охотники, уходя на охоту, оставляли пищу и одну стрелу у мест или камней, посвященных богу Тотур. Пастухи в качестве подношения приносили мясо и просили бога охранять скот от хищных животных. Имя Байрым стало ассоциироваться с именем покровительницы материнства Умай-бийче... Бездетные женщины приходили в священные места, посвященные богине материнства Байрым. Оставляли стрелы, шелк и говорили: «Окъла – сени, жаш – мени. Чилле – сени, къыз – мени». То есть «Стрелы – твои, сын – мой. Шелк – твой, дочь – моя».

Однако сами названия оказались устойчивыми к изменениям в духовной культуре балкарцев. Так, например, топонимы, связанные с христианством, вырезаны арабскими буквами на шиферной плитке, которая была найдена в родовом поселении Гергоковых в 1895 г. Обратим внимание на этот памятник.

Транскрипция текста

*Батумар Солтан
Къайтукъ улу Асланбек (86)
Къаражау улу Сафар Али
Битир улу Болака Базамта
би улу була кюрешди Бек-
мырза. Хар юч жер аныкъы
болгъанларына
шахат болуб
Хажимурат
(айт)ханды
...бан къол
тёбен жаны
Акъачланы къол жаны
Чайыкъ ёргеден энишгесиден
Кагъкъуну тёбен жаны ыздан*

Ёрге жаны суудан туюбу
 Къамишталадан Акъая Артыны
 башчеги Элия Бешигинде шыраны сан-
 дан бир жаны пил мауну Чунхузун
 сырдан алар Бекмырзаныкъы
 болгъан Карку улу шахад
 Орусби Исмаил Би улу Мырта-
 зали 1127

Перевод:

(с) Батумар Солтаном,
 Кайтуковым Асланбеком,
 Каражауовым Сафар-Али
 Биттировым Болакой, Базамта
 князя сыном боролся (спорил) Бекмырза.
 “Все три земли его
 были”, –
 став свидетелем,
 Хажимурат
 сказал.
 ...бан балки (ущелья)
 нижняя часть,
 Ак-Качла (белые кресты) сторона балок.
 с Чайык-Ёрге (широкие верховья) нижняя часть,
 с нижнего течения Кахкун,

с верхней речки нижняя часть.

с Камыштала (камышовая поляна) (до) Ак-кая-Арты (за белой скалой)

верхняя граница, в Элия-Бешик (колыбель молнии) со стороны ледников

одна сторона, пояса (склона) Чунхузун (Скорее всего, Жюнкъысыр «узелки шерсти» – название пастбища)

межи – они Бекмырзе

принадлежат. Гергоков свидетель.

Орусбиев Исмаил, Биев Мыртазали. 1715.

На левой стороне плитки – десять строк, на оборотной – тринадцать. Из текста видно, что автор не в совершенстве владел арабским письмом, но попытался использовать его для передачи балкарской речи. К примеру, не различаются начальные, серединные и конечные начертания букв. Для одного и того же звука могут быть использованы несколько знаков (для звуков [з], [с]). Еще одной особенностью текста является замена графических знаков местами.

Следует читать

Асланбек (2 стр.)

Къаражау (3)

жер (6)

болгъанларына (7)

Хажимурат (9)

къол (11)

тёбен (12)

суудан (16)

Написано

Асланбе

Къаражау

жре (87)

болгъналарына

Хажимурта

къло

тёбне

суудна

Для передачи звука [п] использована графема для [б], только с тремя точками вместо одной. Для передачи звука [ч] использована графема для [с], только три точки перемещены под букву. В тексте нет звука [ц], а звук [ф] использован в арабском имени Сафар-Али. Предполагаемый [з] в слове зали «год» оказался окончанием имени Мыртазали, что отрицает принадлежность текста к малкарскому говору ц-/з- диалекта.

В изучаемом памятнике упоминаются топонимы Акъ-Къачла «белые кресты» и Элия-Бешиги «колыбель молнии» (Элия – св. Илья, позже воспринимаемый как бог молнии), которые до сих пор функционируют.

Ислам проник в Балкарию примерно в конце XVII в., но долго не укоренялся. Возможно, с этим связана немногочисленность топонимов, связанных с исламом. К таким названиям относятся *Кяфыр шауданла* «родники иноверцев», *Шайтансу* «чертова речка», *Азан сырты* «возвышенность, с которой призывают к молитве», *Намаз таиш* «молитвенный камень», *Межгит дорбун* «мечеть в пещере» и др.

В перечне топонимов, приводимых Х. Чочаевой, обращает на себя внимание «Элия бешик», переведенный автором статьи как «Колыбель молнии». Такой смысл придавал топониму и поэт Ибрагим Бабаев, назвав в свое время книгу лирики – «Элия бешик». При всей поэтичности мышления народа трудно представить, чтобы местности дали название, исходя из каких-то поэтических ассоциаций. На наш взгляд, название местности, по всей вероятности, было связано с определенными обрядами в честь бога Элии (Илии, Иллири).

Холамский эпитафический памятник начала XVIII века свидетельствует о нескольких важных моментах: сложившейся к этому периоду религиозной ситуации – о закреплении позиций ислама (иначе не было бы письменности), о существовании прослойки грамотных горцев, могущих пользоваться арабской графикой – писать и читать, о юридической практике фиксировать земельные отношения, пользуясь эпитафией. Для нас же важно умение автора записи использовать буквы арабского алфавита для передачи звуков карачаево-балкарского языка, что вылилось удачную попытку реализации аджама в данном тексте.

Как было отмечено выше, эпитафика Балкарии и Карачая ждет своего исследователя. Изучение ее даст возможность исследователям ряда гуманитарных дисциплин уточнить множество народных преданий об исторических событиях и личностях, а также более полно составить картину формирования и развития истоков современной духовной культуры народа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ЦГА КБР, ф. 9, оп. 1, д. 44, л. 8 об.

ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 993, л. 9.

ЦГА КБР, ф.31, оп.1, д.1, 56 л.

ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 17, л. 26.

Крачковский Ю.В. Избранные сочинения. М. –Л., 1960, т.6/

Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана.
/Дореволюционный период/. Махачкала, 1989, 16 -17 с.

Чочаева Х.И. Топонимы духовной культуры (на материале топонимов Балкарии) // Материалы VIII конференции молодых ученых (26-28 сентября 2007 г.). Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. – С. 87-88.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа, т.-II., М., 1968.

Ю.М. Идрисов
г. Махачкала

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ КУМЫКОВ С КАРАЧАЕВЦАМИ, БАЛКАРЦАМИ И НОГАЙЦАМИ В XVI-XX ВВ.

Общие корни и этнородственные отношения

Этногенез и история кумыков, карачаевцев, балкарцев и ногайцев являются благодатной темой для плодотворной работы не одного десятка учёных. В рамках одной статьи невозможно осветить всё грандиозное разнообразие их контактов на протяжении столетий. Поэтому мы решили остановиться лишь на самых ярких страницах общего прошлого изучаемых народов.

Одними из первых проблему родства тюркских народов Северного Кавказа в 1990-е гг. затронули карачаево-балкарские учёные Х.Х. Биджиев (собранный за многие годы материал был им опубликован в одном из последних его трудов – «Тюрки Северного Кавказа»¹) и И.М. Мизиев в своей книге «Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая в XIII-XVIII в.»²

В книге «Ногайцы в XV-XVIII вв.» развёрнутую характеристику политическим и торгово-экономическим взаимоотношениям ногайцев с народами Северного Кавказа, в том числе с кумыками, карачаевцами и балкарцами даёт доктор исторических наук Д.С. Кидирниязов³.

Проблемы взаимоотношений и родства карачаевцев и балкарцев

¹ Мизиев И.М. *Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая в XIII-XVIII в.* Нальчик, 1993.

² Биджиев Х.Х. *Тюрки Северного Кавказа.* Черкесск, 1993

³ Кидирниязов Д.С. *Ногайцы в XV-XVIII вв.* Махачкала, 2000

с другими тюркскими народами Северного Кавказа сегодня активно разрабатывает земляк И. Мизиева Н.М. Будаев. В своей книге «Очерки политической истории Северного Кавказа XVI-XX вв.» он в частности пишет: «Всем известно, что кумыки и карачаево-балкарцы, в принципе, один народ, с одним языком и единой ментальностью, они легко общаются на родных языках... До становления царской администрации балкарцы, карачаевцы и кумыки всегда считали себя единой нацией»⁴.

Значительное внимание проблеме карачаево-балкарско-кумыкско-ногайских связей уделено К.Т. Лайпановым в его книге «Этногенетические связи карачаевцев и балкарцев с другими народами»⁵.

Председатель Кумыкского научно-культурного общества, кандидат философских наук К.М. Алиев в книге «Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи» посвятил взаимоотношениям кумыков с карачаево-балкарцами самую обширную из глав (стр. 48-88)⁶.

Балкарским учёным-этнографом М.И. Баразбиевым опубликована книга «Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII-XX вв.», в которой им приводится много интересных фактов об отношениях балкарцев и карачаевцев с кумыками и ногайцами⁷.

Родство кумыков, карачаевцев и балкарцев было очевидной аксиомой и для постоянных соседей, и для случайно оказавшихся на Кавказе путешественников на протяжении всего обозримого отрезка истории. Уже в начале XVIII в. итальянский путешественник Ксаверио Главани в своей книге «Описание Черкессии в 1724 г.» писал: «За Черкессией живут комуки, которые распадаются на три отдельные народности. Самая могущественная из них называется Сафкал⁸, по имени ее хана, состоит ныне под покровительством московитов⁹. Две другие

⁴ Будаев Н.М. Очерки политической истории Северного Кавказа XVI-XX вв. Нальчик, 2007. С.53

⁵ Лайпанов К.Т. Этногенетические связи карачаевцев и балкарцев с другими народами. Черкесск, 2000.

⁶ Алиев К.М. Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004.

⁷ Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII-XX вв. Нальчик, 2000.

⁸ Имеется в виду шаухал (в современной российской историографии общеупотребительна поздняя форма этого титула – шамхал), в русских источниках начала XVIII в. этот титул писался как шефкал / шафкал. В схожей транскрипции передал его звучание и информатор К. Главани.

⁹ В результате Каспийского похода Петра I в 1722 г. Тарковское шаухальство на 13 лет было присоединено к Российской империи.

занимают Терские горы, почти недоступные, почему и сохраняют до сих пор свою независимость»¹⁰. Особый интерес в тексте К. Главани вызывает упоминание о том, что «три отдельные народности» имеют общий этноним «комук» (архаичная форма произношения этнонима «къумукъ»). Вполне вероятно, что информатор К. Главани отражал доступным ему образом реальное явление – разделения единого народа на три вновь образовавшиеся народности. Из фактов, которые мы приводим в нашей статье чуть ниже, вытекает вывод, что процесс разделения (дезинтеграции) кумыков, карачаевцев и балкарцев активизировался именно во второй половине XVII в., после начала упадка некогда могущественного Тарковского шаухальства.

На очевидность для него общности происхождения балкарцев и кумыков в первой половине XIX в. указывал выдающийся азербайджанский историк А.-К.-А. Бакиханов¹¹. В начале XX в. талантливый крымско-татарский учёный Б. Чобан-Заде писал: «Кумыки ничто иное, как часть балкаро-карачаевских и северо-крымских тюрок, на что указывают, кроме языковых факторов, многочисленные предания, сохранившиеся среди современных кумыков»¹².

Одно из упоминаемых Б. Чобан-Заде преданий, записанное журналистом и краеведом Б. Гаджимурадовым, гласит, что прародителем кумыков, карачаевцев, балкарцев, абазов, кабардинцев, ногайцев является «нарт Алпадыр», «властитель земель между Каспием и Чёрным морем». У Алпадыра было два сына и дочь: Араг-Алп (Алп-Араг), Алпан и Гёзекей. Алпан имел двух сыновей Кобана и Комука. Перед своей смертью отец завещал им никогда не ссориться, чтобы не стать игрушкой в руках врагов. Он поделил земли между Каспием и Черным морем. Кобану достались земли к северу и западу от Терека, а Комуку земли к югу от этой реки. От Кобана происходят Малкар, Карасай (Карачай), Малай (?), Абаз и Ногай. Сыновей Комука звали Доругу, Кабарт, Эрхан, Салар, Будак, Арпа, Айдак¹³.

Если имена потомков Кобана, за исключением имени Малая, легко идентифицируются с именами северокавказских этносов, то име-

¹⁰ Ксаверио Главани. Описание Черкессии / Перевод и примечания Е.Г. Вейденбаум // Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа, 1893. Вып. XVII. Отдел I. С. 172

¹¹ Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан и-Ирем. Баку, 1993. С.14

¹² Алиев К.М. Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004. С. 48

¹³ Цит. по: Алиев К.М. Указ. Соч. С. 63

на сыновей Комука, по нашему мнению, соответствуют названиям основных кумыкских родов. Доругу, по всей вероятности, можно сопоставить с родом дёрге (ср. кумыкское селение Дёргели). Кабарт можно сравнить как с феодальной знатью Кабарды, так и с хазарским родом кабар (кабир), оставившим следы в топонимике Центральной Кумыкии. Эрхан можно сопоставить с эргенами (аргунами) или же с гюэнами, проживавшими в Салатавии и в долине реки Сулак. Салар сопоставим с кумыкской аристократической группой сала-узденъ¹⁴. Будак, вероятно, соответствует легендарному прародителю кара-будахкентцев Кара-Будаку. Имя Арпа напоминает о кумыкском роде эрпели (проживают в селении Эрпели), а также мадьяркой королевской династии Арпадов. Айдак – это вариация кумыкского Хайдак (Гъайдакъ), названия исторической области в южной части Кумыкии. Любопытно, что имена некоторых потомков Алпадыра перекликаются с именами героев огузского эпоса «Китаб Дедеми Коркут».

На наш взгляд, в первоначальном, не дошедшем до нас варианте этого предания, скорее всего, речь шла о происхождении от Алпадыра не всех представителей вышеназванных народов, а только их аристократии. Можно предположить, что прообразом легендарного Алпадыра было реальное историческое лицо – правитель Великой Булгарии джебгу-каган (ябгу) Алп-Багатур из рода Дуло (дулат), живший в конце VI - первой трети VII вв. и являвшийся наместником западных болгароязычных провинций, которые простирались от территории современной Кумыкии на юго-западе до Днестра на дальнем западе Тюркского каганата¹⁵.

В контексте изучения кумыкско-карачаево-балкарского единства большой интерес представляет «Предание о Карче родоначальнике Карачая», опубликованное 12 декабря 1899 г. неким карачаевцем по имени Бекир в газете «Кавказ». Предание гласит: «Карча считается родоначальником карачаевского народа. Он был сыном одного татарского мурзы и звали его не Карчою, а другим именем. Во время владычества татар над Россией, он жил с родителями в каком-то татарском поселении в Золотой Орде, которое на-

¹⁴ Помимо созвучия имени Салар и слова сала-узденъ в пользу подобной параллели говорит и тот факт, что возглавивший с помощью сала-узденей в 1580-е гг. Эндиреевское княжество сын шаухала Солтан-Мут назвал своего сына в честь эпонима тюркского племени саларов (видимо генетически связанных с сала) Казан-Алпа, известного также под другим своим именем – Салар-Казан.

¹⁵ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С.227

зывалось Кошкарот»¹⁶. Ордынский город с таким названием не известен, но, согласно такому дагестанскому арабоязычному источнику, как «История Ирхана», город Гельбах (существовал на месте современного города Кизил-Юрт) в древности носил также имя Каскар (История Ирхана // Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008. С. 295). Вполне вероятно, что Карча - на самом деле это видоизменённый титул карачи-бек¹⁷, так у кумыков именовали аристократический класс, которому было вверено хранение адатов.

Самыми знатными из карачаевских князей считались Крым-Шаухаловы, из числа которых избирались верховные правители - валии всего Карачая. Крым-Шаухаловы по происхождению представляли собой ветвь рода Тарковских (Кумыкских) шаухалов, от которых происходят практически все княжеские фамилии Северо-Восточного Кавказа¹⁸. Фамилия Крым-Шаухаловы образована от титула наследника престола Кумыкии (Кумука) крым-шаухал («кырым-шаухал»). Этот титул обычно носил не сын шаухала, а старший после него в роду, так как, согласно традиции, в Тарковском шаухальстве власть должна была передаваться по «лестничной системе» от старшего брата к младшему, а не от отца к сыну. Однако в ходе раздиравших в XV-XVI в. Кумыкию междоусобиц правящие шаухалы нередко изгоняли своих официальных наследников с тем, чтобы вместо них посадить в «крымстве» (кырымлыкь), то есть в наследных правах на престол, своих сыновей. Одним из таких изгнанных законных наследников престола и являлся первый из Крым-Шаухаловых. Согласно преданию, опубликованному У. Алиевым: «Шамхал (имеется в виду крым-шаухал, живший у кабардинцев) перешел к своим соплеменникам и женился на дочери Карчи»¹⁹. Показательно, что У. Алиев считал кумыка крым-шаухала соплеменником карачаевцев. Сына крым-шаухала звали Даулет-Герий (Девлет-Герей), а его сына звали Бекмурза. Бекмурза имел четырех сыновей: Эльбуздука, Камгут-Бия, Каншау-Бия и Гилястана²⁰. Если учесть тот факт, что имена

¹⁶ Цит. По: Малкандуев Х.Х. К истории карачаевцев XVI-XVII вв. по фольклорным данным (Карча, Боташ, Адурхай, Трам и другие)// Исторический вестник. Нальчик, 2005. №1. С. 53

¹⁷ О карачи-беках см. Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. С. 45-46

¹⁸ См. подробно: Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2008. С.44-47

¹⁹ Алиев У. Карачай. Черкесск, 1991. С. 51

²⁰ Лайпанов К.Т. Славен род Крымшаухаловых в Карачае // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2000. №2-3 (6-7). С. 17

четверых последних фигурируют в документах 1630-1640-х гг.²¹, то период правления их деда можно отнести ко второй половине XVI в.

Основной формой заключения политических союзов в период феодализма являлось заключение браков и дальнейшее укрепление родственных отношений между бийскими (княжескими) кланами. Согласно преданию, записанному И.П. Тульчинским, князь Каншаубий Бек-Мурзаевич Крым-Шаухалов, сам женатый во втором браке на сестре Тарковского шаухала, выдал свою дочь от первого брака Каз за владетельного кумыкского князя, который в честь своей жены нарёк свой народ кази-кумыками²². На Керим-Хан, дочери одного из шаухалов, согласно балкарским преданиям, был женат князь Ахтуган Малкаруков²³, построивший в её честь в сел. Верхний Чегем башню, получившую в народе названия Сююв-Кала («Башня любви»). После заключения этого брака в Балкарию прибыли проповедники из Кумыкии, обратившие местное население в Ислам. Вскоре балкарцы сами начали посещать крупные религиозные центры в Кумыкии. Так, например, внук Ахтугана и Керим-Хан Али привез оттуда в Чегем экземпляр Корана XIV в., хранившийся Малкаруковыми как семейная реликвия²⁴.

С кумыками по своему происхождению был связан балкарский княжеский род Урусбиевых (ветвь Суншевых). На одной из карт Северного Кавказа в 1819 г. на хребте Чалпак фигурирует род «урусби-кумук»²⁵.

В середине XVII в. из аула Аксай (Яхсай) переехал в Хурзук кумыкский аристократ Борлак, основатель рода Борлаковых²⁶, а в 1710г. по приглашению Крым-Шаухаловых в Карачае поселился (в Карт-Джурте) Али, сын Асадуллы из того же Аксаия (Яхсаия). Будучи главным эфенди Карачая, он вместе со своим учеником Хасаном, выходцем из влиятельной крымско-татарской семьи и родоначальником фамилии Хасановых, стал распространять Ислам среди населения. Именно с их совместной деятельностью можно связывать начало широкого распро-

²¹ Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 36

²² Тульчинский И.П. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник, Владикавказ, 1903. Вып.5. С. 222

²³ Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983. С. 113.

²⁴ Алиев К.М. Указ. соч. С. 61

²⁵ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1983. С. 101: Цит. по: Алиев К.М. Корни нашего родства // Ёлдаш, 20.05.2005.

²⁶ Лайпанов К.Т. Указ. соч. С.19

странения Ислама в среде карачаевских и балкарских простолюдинов. Здесь следует оговориться, что древнейшие следы появления Ислама в Карачае, по свидетельству Лаврова, относятся к XI в. На наш взгляд, те факты, что Али проповедовал вместе с крымским татаринном и вероятным ханафитом Хасаном, и то, что результатом этой проповеди явилось распространение в Карачаево-Балкарии именно ханафитского мазхаба, свидетельствуют о принадлежности самого Али к ханафитской общине среди кумыков – роду тюмен. От сына Али Исмаила пошёл карачаевский род Алиевых²⁷.

Кумыкские корни имеют также фамилии: Байбаковы, Казаковы, Ураскуловы, Гаджаевы, Абдуллаевы, Айкерекеры, Хапчаевы, Казиевы, Калахановы, Магаяевы, Кумуковы и др.

Говоря о родах карачаево-балкарского происхождения у кумыков, мы не можем не сказать о многочисленном и знаменитом в Дагестане роде Коркмасовых. По одной из версий о его происхождении, во второй половине XVI в., в период нашествия царских войск на Тарковское шахуальство на помощь кумыкам прибыли и карачаево-балкарцы, один из которых представитель известного рода Коркмасовых (из кавума Трам) остался жить в Кумыкии. Самым знаменитым его потомком является выдающийся политический деятель, близкий друг карачаево-балкарцев Басиата Шаханова, Курмана Курджиева (часть его потомков до сих пор живёт и работает в Махачкале), Умара Алиева, Магомета Энеева уроженец сел. Кумторкала (Хум-Торкали) Джелал-Эд-Дин Асельдерович Коркмасов²⁸. Говоря о масштабе его личности, следует пояснить, что в 1905-1906 г. он возглавлял революционный «Крестьянский центр», боровшийся за интересы крестьян Дагестана. В период между двумя революциями Дж. Коркмасов издавал в Стамбуле первую в истории Османской империи русскоязычную газету «Стамбульские новости», учился в Сорбонне и активно работал над сплочением северокавказских социалистов. В 1917 г. Дж. Коркмасов возглавлял Социалистическую группу «Дагестанский областной земельный комитет» в Дагестанском областном исполнительном комитете, а с августа по ноябрь и сам Дагоблисполком, являвшийся высшим официальным

²⁷ Он же. О взаимосвязях кумыков, карачаевцев и балкарцев // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2002-2003. Вып 8-10. С. 95-96

²⁸ По устному сообщению потомка Дж.-Э.-Д. Коркмасова полковника А. Дж.-Э. Коркмасова.

органом власти в области. В 1918 г. он являлся председателем ВРК и Областного исполкома советов Дагестана. В 1919 г. Д. Коркмасов - председатель подпольного Дагобкома (после ареста У. Буйнакского). В начале 1920 г. он занимал должность председателя Совета Оборона Северного Кавказа и Дагестана. В 1920-1921 гг. являлся председателем Дагревкома и советником полпредства РСФСР в Турции и 16 марта 1921 г. вместе с наркомом иностранных дел Г. Чичериным подписал первый Договор о дружбе между РСФСР и Турцией, с декабря 1921 по декабрь 1931 - председатель Совнаркома ДАССР. С 1931 по 1937 г. занимал должности зам. Секретаря Совета Национальностей ЦИК Союза ССР, члена Президиума Ученого Комитета при Президиуме ЦИК СССР, зампреда Всесоюзного Центрального Комитета НА СССР, члена комитета по культурам при Президиуме ЦИК СССР. В 1934 г. помимо прочего Дж. Коркмасов возглавлял Всесоюзный Оргкомитет по проведению международных торжеств, посвященных 1000-летию Фирдоуси.

Нам кажется, что, не без участия симпатизировавшего землякам своих предков Д. Коркмасова, в Дагестане нашли постоянное или временное убежище травимые новыми властями представители карачаево-балкарских княжеских фамилий: Ибрагим Урусбиев, Мисост Абаев, его дочь Гошаях Крым-Шаухалова²⁹, Келемет Барасбиев³⁰ и Айдабуловы³¹. Д. Коркмасов гордился своим карачаевским происхождением³² и не считал нужным скрывать его от центральных союзных властей, озабоченных в 1930-е гг. борьбой с противниками нарождавшегося культа личности И.В. Сталина в лице представителей интеллигенции тюркских меньшинств РСФСР.

У карачаевцев существует предание о том, что руководивший заселением Карачая старшина Боташ попытался утвердить свою единоличную власть в стране, но был за это убит по приговору общины. Столь жестокое наказание можно объяснить неприятием карачаевцами

²⁹ Этюды о Балкарии / Составитель Битирова Т.Ш. Нальчик, 2007. С. 16, 112, 119.

³⁰ Адухов М.Д., Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-50-е гг. Махачкала, 2001. С. 151 (в списке высылаемых 27 февраля 1935 г. из Дагестана кулаков по городу Хасавюрт значится имя уроженца КВАО Келемета Мусаевича Баразбиева, 34 лет от роду).

³¹ Представители кумыкизированной ветви этого балкарского княжеского рода ныне живут в пос. Тарки (на западной окраине Махачкалы).

³² В личном архиве А. Э. Коркмасова хранится стенограмма одного из выступлений Д. Коркмасова, в котором он прямо заявляет о своём карачаевском происхождении.

всякого покушения на их свободу. Даже князья в их понимании были лишь первыми среди равных и первыми, прежде всего, в деле исполнения своих гражданских обязанностей, в качестве военных предводителей и третейских судей. У упомянутого Боташа было 12 сыновей, 10 из них навсегда покинули Карачай и расселились по землям Северного Кавказа³³. Вероятно, один из этих 10 сыновей Боташа и является родоначальником кумыкской сала-узденьской (сыйлы-ёзденской) династии Боташевых и основателем кумыкского селения Боташ-Юрт (в Хасавюртовском районе республики Дагестан). Представители кумыкской ветви рода Боташевых на протяжении всего XVIII в. являлись личными телохранителями персидских шахов³⁴. Две фамилии: Боташевы и Боташовы, также имеющие в корне своих фамилий имя Боташ, проживают в кумыкском селении Брагуны. По одной из версий основатель кумыкского рода Боташ был кабардинцем, однако, упоминаемое многими авторами тюркское происхождение адыгской знати³⁵ позволяет предполагать появление Боташевых ещё в доадыгский период в истории Центрального Предкавказья. Надеемся, что дальнейшие исследования окончательно прояснят генеалогию этого знаменитого северокавказского рода.

В кумыкском селении Уллубий-Аул существует квартал Карачай-Арт, основанный семьёй кровника-выходца из Карачая³⁶.

Карачаевцем по происхождению является видный дагестанский литературовед, доктор филологических наук уроженец уже упоминавшегося селения Аксай (Яхсай) Забит Насирович Акавов³⁷.

От балкарских предков ведут своё происхождение кумыкские фамилии Умар-Аджиевых и Баммат-Аджиевых³⁸.

В селении Усемикент (Гьюсемигент) Каякентского района есть потомки карачаевского отходника, оставшегося здесь в позапрошлом веке на постоянное жительство³⁹.

³³ Алиев У. Карачай. Черкесск, 1991. С.51

³⁴ Рук. Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН Ф.1. Оп. 1. Д.169. Л. 43-44

³⁵ См. например: Будаев Н.М. Очерки политической истории Северного Кавказа XVI-XX вв. Нальчик, 2007. С. 124 (приводятся сведения Т. Лапинского об антропологии адыгских князей).

³⁶ Устное сообщение учительницы средней школы сел. Уллубий-Аул Заремы Кочакаевой.

³⁷ Акавов З.Н. «Яшагъан адамгъа кѣп къазанларда къайнама тѣше, бу заманны къазанында да къайнама са амал ёкъ»// Елдаш. 26. 10. 2004.

³⁸ Мансуров Ш.М. Салатавия. Махачкала, 1995. С. 27-28

³⁹ Полевой материал автора.

В ссылке в Казахстане представительница родственной княжеской фамилии Кучуковых Хадиджат вышла замуж за чанка-бия (полукнязя) из рода кумыкских бамматулинских князей Гамзата Уцмиева (внука старшины селения Кадар Уцми-Хаджи Мусаусова)⁴⁰.

Аналогичным образом дочь богослова Муртузали Давудалиева и Айшат Байчоровой из Карачая Зухра в ссылке в Киргизии вышла замуж за ссыльного кумыкского богослова Нажмутдина Тагирова (Алыпкачева). От этого брака родилось 15 детей. Сам Нажмутдин выучил родной язык своей жены и написал на нём сборник религиозных стихов⁴¹.

Долгую счастливую жизнь вместе прожили народная поэтесса Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии балкарка Танзиля Зумакулова и доктор исторических наук кумык Шарabutдин Магидов.

Родственные связи кумыков с ногайцами - тема для отдельного обширного исследования. Судьбы обоих народов тесно переплелись в истории сотен, если не тысяч семей. Достаточно сказать, что два старейших квартала селения Бабаюрт в Дагестане носят название Кумукавул и Ногайавул⁴², один из кварталов ногайского селения Икон-Халк (КЧР) называется Кумук-Кесек, а один из кварталов посёлка Кяхулай - Ногайавул.

Известно, что в 1552 г. ногайский эмир Исмаил женился на дочери кумыкского шаухала. От этого брака родился основатель княжеского рода Кутумовых Кутум-Мурза. В середине XVII в. тарковский правитель Сурхай-Шаухал III женился на дочери ногайского князя Чобан-Мурзы. От этого брака родился Келемет, основатель кумыкских княжеских родов Келеметовых и Казаналиповых-Капчугайских⁴³.

Известный венгерский тюрколог Арминий Вамбери писал об астраханских карагачах: «Кундуры или карагачи имеют смесь кумыков, кара-киргизов⁴⁴ и собственно ногайцев»⁴⁵.

Сходство менталитета и родство обычаев, языков и комфортное со-

⁴⁰ Гаджиев Б.И. Кадар и кадарцы // Буйнакские известия, 3.02. 2006.

⁴¹ Темеев М.-С. Молла Мухаммад // Эхо Дагестана. Махачкала, 2007. № 3 С. 22

⁴² Из рукописи краеведа и архивиста Аджимурадова Наримана Зайнутдиновича.

⁴³ Алиев К.М. Корни нашего родства // Ёлдаш, 20.05.2005.

⁴⁴ Следует обратить внимание на использование итальянским путешественником XVII в. А. Ламберти этнонима *qara-qirques*, как параллельного названия карачаевцев (Цит. по.: Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 98).

⁴⁵ Его же: Къумукълар // Ёлдаш, 22. 7. 1999.

седство на Кавказе обусловили и то, что эмигрировавшие в XIX в. в Турцию кумыки, карачаевцы, балкарцы и ногайцы часто основывали общие селения. Например, в вилайете Токат в селении Джиханкой живут кумыки и ногайцы. Совместные кумыкско-карачаевские поселения это Доган-Гайлы, Турхал (Торкали), Бахчи-Ташли, Ортакой в том же вилайете Токат, а также Доганджи в вилайете Хатай. В вилайете Адана существует селение Татарлар, в котором живут кумыки и ногайцы. Совместными кумыкско-ногайскими поселениями являются также сёла Атакой и Учгёзен в Токате⁴⁶.

Политические союзы и боевое содружество

Наиболее тесно связанными с карачаево-балкарцами территориальными зонами кумыкской ойкумены являлись: Бороган, территория которого в период расцвета охватывала долину реки Терек от Гудермеса до впадения в неё реки Куры (современная территория Кабардино-Балкарии), и «северная столица» Кумыкии город Эндирей. Эти связи получили отражение в «йырах» (песнях). Например, в йыре о Зоруше. Йыр, судя по его лексике и фонетике, а также употребляемым диалектизмам и идиомам, был создан в среде бороганских (терских) кумыков. В йыре помимо прочего говорится:

Кто поставит по новой мост чрез Чегем?
В моей Кабарде кто кабак-узденем будет?
В моей Кабарде кабак-узденей сильно пограбив
С них по счёту ясак соберёт?⁴⁷

Особенно интересно в этом отрывке представление кумыков о Кабарде как и о своей земле (родине-?).

В другом предании говорится о том особом уважении, с которым кумыков встречали в Балкарии: «Из Брагун ханские гости приехали / Их Тазритовы приняли, как самых почётных людей». Следует пояснить, что Тазритовы - это ветвь балкарских князей Айдаболовых⁴⁸.

Ногайские и кумыкские поселения в прежние времена существова-

⁴⁶ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: История и современность Махачкала, 2001. С. 245-251

⁴⁷ Аджиев А.М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005. С. 74-75

⁴⁸ Тульчинский И.П. Указ. соч. С. 258

ли в тесно связанной с Балкарией Дигории в местностях Кета, Хусу-Фарак и Чикола (Уъч къол)⁴⁹.

Депортация балкарцев в 1944 г. самым непосредственным образом отразилась и на судьбе кумыков-бороганцев, часть этнической территории которых в 1921-1944 г. входила в состав Кабардино-Балкарии. В марте 1944 г. эта территория с кумыкскими сёлами Кизляр (Кизил-Яр) и Предгорное (Бораган-Су) была передана в состав Северной Осетии⁵⁰.

В контексте былого исторического единства кумыков и карачаево-балкарцев любопытен следующий факт. В 1588 г. царское посольство в составе Родиона Биркина, Петра Пивова и подъячьего Стефана Полуханова доносили в Посольский приказ (российский МИД того времени), что по пути в Грузию они посетили владения Алкаса сына Шаухала, государя земли горской, окотской, кумыкской, малказисской, индийской и ширбутской⁵¹. По нашему мнению, название «земля горская» является русской калькой балкарского «таулу жер» и обозначает одно из балкарских обществ. На Северном Кавказе много «горских» земель, и использование такого обозначения в официальном документе вне определённой понятной для всех смысловой нагрузки маловероятно. Послы указывают «горскую» землю наряду с другими горскими и равнинными землями как определённое хорошо известное географическое название определённой местности. На тождественность «горской» земли с Балкарией указывает и определённая последовательность в перечне названий. Все последующие за горской землёй области расположены к востоку от Балкарии.

Окотская земля, по всей вероятности, находилась на территории современной предгорной Чечни. Кумыкскую землю, по нашему мнению, следует локализовать в долинах рек Сунжи (кумык. Сююнч-Су) и Акташ. Индили - это либо столица северной Кумыкии город Эндирей (по чеченски Индирае), либо его отдалённый западный отсёлок Эндери на реке Яндырка (ныне селение Терская в современной Кабардино-Балкарии)⁵². Малказисская земля, вероятно, располагалась в горах Юго-Западной Чечни и идентична современному Малхистинскому ущелью. Вместе с

⁴⁹ См. Волкова Н.Г. Этнические и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 80; Дациев А. Кизляр-Наме. Махачкала, 2004. С. 78-79; См. также Информационный ресурс: <http://www.ironau.ru/muggagta.html>

⁵⁰ Дациев А. Указ. соч. С.213

⁵¹ Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями, 1639-1770 гг. / Под ред. Мари Броссе. СПб, 1861. С. II

⁵² <http://zihia.narod.ru/elkanovi.htm>

тем возможно и другое объяснение этого названия, восходящего к упоминаемому И.М. Мизиевым протобалкарскому этнониму «малкъазлар», которое автор этимологизирует как «богатые хазары»⁵³.

Ширбут (в других источниках Шубут) – это территория современного Шатойского района Чечни. Вполне возможно, что пышная титулатура Алхаса Чопанова отражает не столько реалии его политического могущества, сколько обширность его претензий на бывшие владения собственного отца – самого могущественного правителя Северного Кавказа шаухала Чопана, владения которого простирались на северо-западе «до Черкасс...», а на юге до Шабрана (область в северных районах Азербайджана) включительно⁵⁴.

В сочинении Эвлии Челеби «Книга путешествия» указывается, что балкарское княжество Таустан (Тавлсултан) «входит в состав Дагестанской империи», т.е. Тарковского шаухальства⁵⁵. Правители княжества Шахмановы (известный балкарский княжеский род), по его словам, признавали сюзеренитет шаухала, хотя, как подчёркивал Челеби, «не называют шаухала шахом»⁵⁶. Столь нюансированный «сюзеренитет» настоятельно требует объяснения. Мы убеждены, что взаимоотношения балкарских и кумыкских феодалов были основаны не на принципе силы (обитая в неприступных горах, балкарские князья были вне досягаемости для армии шаухала), а на уважении младшей ветви к старшей ветви потомков общего рода. Возвращаясь к теме общности рода, поясним, что характерный для шаухалов геральдический символ «бадан» («миндаль») означал их принадлежность к роду Джучидов⁵⁷. Точно такой же символ изображался, например, на нишанах (печатах) крымских ханов Гереев. Карачаевская знать, по свидетельству У. Алиева, также связывала своё происхождение с крымскими татарами⁵⁸. Любопытно, что Эвлия Челе-

⁵³ Мизиев И.М. История Балкарии и Карачая с древнейших времён до походов Тимура. Нальчик, 1996. С. 351

⁵⁴ О вассальной зависимости целого ряда кабардинских князей от кумыкских шаухалов в 1580-е гг. смотрите в книге Я.З. Ахмадова «Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв.». Грозный, 1988. С. 42; См. также статью К. М. Алиева «Чупан Мухтешем», размещённую на информационном ресурсе <http://www.kumukia.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=9030>

⁵⁵ «Отрывки из «Путешествия Эвлии Челеби» // Рук. Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 84

⁵⁶ Там же

⁵⁷ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса. Казань, 1979, С.170–171

⁵⁸ Алиев У. Указ. соч. С. 49

би, ссылаясь на мнение историков Шерифхана, Мирхонда и Татархана, пишет о городе Ирак-Дадиан в Таустане: «... в древние времена столицей падишахов Дагестана был именно этот город»⁵⁹. Судя по описанию местоположения и строения развалин древнего города Челеби имел ввиду городище Татартуп (на месте современной станицы Змейской в Северной Осетии). Кумыкский историк Мухаммед Аваби Акташи (рубеж XVI-XVII вв.) сообщает о том, что после разрушения Тамерланом городов Шехр и-Татар (Татартуп) и Джулат (на месте станицы Майской в Кабардино-Балкарии) оставшаяся в живых часть их населения переселилась в Крым и составила ядро крымских татар⁶⁰. В связи с этим следует обратить внимание на упоминание Джулата в сочинении И. Шильтербергера: «страна Бештамак, весьма гористая с главным городом Джулат»⁶¹. В Кумыкии имя Джулат носит гора в Карабудахкентском районе, у подножия которой ещё в начале XX в. существовало и селение с этим названием⁶². К этому следует добавить и то, что моздокские кумыки-бороганцы и сегодня живут по соседству с вышеупомянутым Татартупом.

Необходимо учитывать и то, что шаухал считался валием (верховным правителем) Дагестана – оплота Ислама на Северном Кавказе, и к союзу с ним стремились все происламски настроенные феодалы Дагестана. Всё тот же Э. Челеби упоминает о крепости Шад-Кермен у слияния Джинджика (Зеленчука) и Кубани. Казием этой крепости являлся кумык Тухтар Хаджи-Али, в распоряжении которого находятся 100 кумыкских джигитов, все они верующие, настоящие мусульмане. Благодаря им и деятельности Мухаммад-Герей-Хана [Крымского] все кабардинские беки приняли мусульманство⁶³.

Учитывая всё вышеизложенное, можно считать естественным, что именно кумыкского феодала Агалар-Хана⁶⁴ из рода шаухалов Тарковских пригласили балкарские общества в качестве третейского судьи для

⁵⁹ Челеби. Э. Книга путешествий. М., 1979. Т. 2. С.102; Дациев А. Кизляр-Наме. Махачкала, 2004. С. 63

⁶⁰ Мухаммед Аваби Акташи. Дербент-Наме. Махачкала, 1993. С. 42

⁶¹ Кидиниязов Д.С. Ногайцы в известиях западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. Махачкала, 1999. С. 77

⁶² Кавказ: географические названия и объекты. Нальчик, 2007. С. 118

⁶³ «Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби»// РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф.1. Оп. 1. Д. 37. Л. 74

⁶⁴ Нам не известен в указываемый период (начало XVIII в.) князь с таким именем и, по-видимому, Агалар-Хан – это калька с кумыкского титула «куллу-бий» (большой или верховный князь).

фиксации границ их земель. Имя его было выбито на каменной плите, известной в исторической науке как «Хуламский камень»⁶⁵.

В конце XVI в., несмотря на войны союзного с Большой Ногайской Ордой московского царя с Тарковскими шаухалами, ногайцы продолжали торговать с кумыками, подрывая тем самым блокаду Кумыкии объединёнными силами Москвы и Ирана. Как свидетельствовали русские воеводы города Терки: «И по Терку ногайские люди вызнали броды и перевозки и ездят ногайские люди в Кумыки и в Кизилбашскую землю (Азербайджан и Иран), а кумыкские люди провожают ногайских многих торговых людей в Кумыки и из Кумык»⁶⁶.

В 1604 г. армия Бориса Годунова одновременно напала сразу на двух своих южных соседей: Тарковское шаухальство и Малую Ногайскую Орду. Ногайцы и кумыки, объединив свои усилия, отбили агрессию грозного противника⁶⁷.

В 1635 г. правитель города Эндирей и княжества (бийлика) с тем же именем Солтан-Мут (Султан-Махмуд) обратился к кековату Джан-Мухаммеду и мирзам его группировки, советуя им: «близко быть к грамам и к нам, чтобы вместе противостоять врагам, тем более что от отца вашего Исмаиля мы были друзья и братья»⁶⁸.

В 1651 г. по приглашению шаухала из под Астрахани откочевал в Кумыкию со своим улусом ногайский владелец Чебан-Мурза, не желавший подчиняться джунгарским феодалам и царским воеводам. Для возвращения свободолюбивого Чебан-Мурзы «под царскую руку» в Тарковское шаухальство было отправлено свыше 7 тысяч царских солдат и дружины союзных Москве северокавказских феодалов. На Герменчикском поле (на территории современных посёлков Шамхал, Шамхал-Термен и Ленинкент) к западу от Тарков произошло кровопролитное сражение между царской и кумыкско-ногайской армиями⁶⁹. Оправдывая свой союз с Чебан-Мурзой, шаухал Сурхай писал астраханским воеводам: «...мы, кумыки, от отцов своих, кунаков имеем и бережём»⁷⁰. По-видимому, именно тогда, в борьбе за свободу Кумыкии отдал св-

⁶⁵ Будаев Н.М. Очерки политической истории Северного Кавказа XVI-XX вв. Нальчик, 2007. С. 130, 133

⁶⁶ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С.651

⁶⁷ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003. С. 115

⁶⁸ Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 422

⁶⁹ Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкала,

⁷⁰ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Махачкала, 2005. С.262

ою жизнь младший брат валя Карачая Каншау-Бий Крым-Шаухалов⁷¹.

Ногайцы расселились в Кумыкии («на Кумыцком берегу») от устья Терека до устья реки Шура-Озень. Вторая половина XVII в. ознаменовалась совместной кумыкско-ногайской борьбой против джунгарской агрессии⁷².

Ногайский поэт Исмаил Маджарлы писал о той суровой поре в истории Северного Кавказа:

«Ближайшему другу, отправив письмо,
С Кубани получив ячмень,
Из Кабарды получив конный отряд,
Прогоним врагов наших,
В Карачае наши братья
Пусть нашему войску
Сыр и сушеное мясо готовят,
Из Дагестана многочисленные кумыки
Пусть ко дню схватки не опоздают»⁷³.

Только сообща малочисленные народы могли противостоять регулярным армиям грозных противников. Кумыков и ногайцев объединяют общие национальные герои: поэт и руководитель народного восстания на Тереке в 1708 г. Аманхор сын Саид-Мухаммеда, герой Советского союза Халмурза Кумыков, общие освободительные войны под началом Сурхай-Шаухала, Чебан-Мурзы, Мурата Кучукова, вышеупомянутого Аманхора, Адиль-Герей-Шаухала, Шейха-Мансура, Гази-Магомед и др.

Духовные узы

О духовном единстве кумыков, карачаевцев, балкарцев и ногайцев свидетельствует сходство эпических традиций. Знаменательно, что одним из главных героев карачаевского нартского эпоса является Алавган. Его кумыкским аналогом является нарт Алав, чей образ прикованного (за свое стремление помочь борющимся с нашествием язычникам) богом Тенгри к скале героя напоминает миф о Прометее.

⁷¹ Таргу-Наме / Автор-составитель Алиева К.М. Махачкала, 2000. С. 197

⁷² Шмелёв А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие политические отношения в XVII в. // Источник: Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Махачкала, 2004. Вып.2 (9). С. 228

⁷³ Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 404

В мусульманский период кумыкские муллы активно пропагандировали Ислам среди карачаевцев, балкарцев и соседних с ними адыгских племён. Об их роли уже было сказано выше. Карачаевцы и балкарцы часто ездили на учёбу в кумыкские аулы. Например, в последней четверти XIX в. в Эндирее учился известный поэт Кязим Мечиев из балкарского аула Шики. В начале XX в. он жил в селении Аксай в доме у своего кунака кумыкского писателя и просветителя Нухая Батырмураева. В 1908 г. К. Мечиев при содействии кумыкского просветителя Абусуфияна Акаева опубликовал поэму Шейха Абдуллы (Айсандыра) Дудова (вторая половина XVII-нач. XVIII вв.) «Иман Ислам» в Темир-Хан-Шуре⁷⁴. Влияние опубликованного А. Акаевым на кумыкском языке дастана (романа в стихах) «Бозигит» чувствуется в поэме К. Мечиева «Бузжигит».

Нет сомнений, что из всех народов Северного Кавказа наиболее тесные литературные связи у кумыков сформировались именно с тюркскими народами, то есть с ногайцами, карачаевцами и балкарцами. Не случайно «Тахир бла Зухра» карачаевского поэта Шауайланы Дауда-Хажии начинается с зачина:

Бу таурухну эшитдим
Идилни жагъасында,
Ногъай бла Къумукъда,
Бахчисарай къалада.

Это сказание (таварих) слышал я
На волжском берегу,
В Ногае и в Кумыкии,
И в крепости Бахчисарай.

Во второй половине XIX в. кумыкскую и ногайскую литературу на восточном факультете Санкт-Петербургского университета преподавал кумыкский поэт Мухаммат-Эфенди Османов. В свободное от преподавательской работы время М.-Э. Османов собрал богатый материал по кумыкскому и ногайскому фольклору, который был опубликован Академией наук в 1883. Это «Песни», «Предание о Нарине и Чуре

⁷⁴ Акбиев С.Х. Подвижники духа. Махачкала, 2000. С. 149; Н.М. Кагиева считает, что названную поэму опубликовал не К. Мечиев, а И. Акбаев (См. Кагиева Н.М. Национальные и общечеловеческие традиции индивидуальной поэзии Айсандыра Дудова // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (филологические науки). Вып. 3. Черкесск, 2004.С. 122).

Батыр», «Предание о Тохтамыш хане», «Предание о Мирза Мамае», «Предание об Адиль Султане Крымском», «Предание об Эрго Ахмеде, сыне Айсулу», «Предание об Эсен-булате», пословицы, поговорки, современные и исторические песни кумыков. По словам А. И.-М. Сикалиева, М.-Э. Османов собрал «полные и лучшие варианты ногоайских дестанов», и ему принадлежит «выдающееся место в ногоайской фольклористике», а его труд «оказал заметное влияние на последующих исследователей ногоайского фольклора»⁷⁵. Его можно по праву считать отцом кумыкской и ногоайской фольклористики.

Карачаевец Исмаил Акбаев (имел в народе прозвище Чокуна-эфенди) учился у И. Гаспринского, являлся единомышленником и хорошим товарищем М.-М. Мавраева и А. Акаева. В 1910 году И. Акбаев издал в Темир-Хан-Шуре в типографии М.-М. Мавраева «Учебное пособие для первоначального обучения детей письму и чтению» на карачаево-балкарском языке. Через два года в той же типографии с помощью дагестанского арабиста Джемал эд-Дина Султанова он издает книгу «О вероучении ислама на карачаевском языке». Подолгу жил в Дагестане в Темир-Хан-Шуре и общался с местными учителями-джадидами⁷⁶.

В списке корреспондентов единственной в России арабоязычной джадидской газеты «Джаридат Дагестан» значится Хызыр Османович Байрамуков из Хурзука, опубликовавший статью в №22 1914 г.⁷⁷

Политические связи в начале XX в.

В августе 1917 г. балкарский просветитель и общественный деятель Басият Шаханов (1879-1919) был единогласно избран областным комиссаром Временного правительства в Дагестане⁷⁸. О Б. Шаханове известно, что, будучи представителем княжеского рода, он, однако, был чужд надменности и гордыни, свойственным европейским представителям его сословия. Напротив, именно он является автором слов, ставших девизом всей северокавказской революционной ин-

⁷⁵ Сикалиев А. И. Вклад русских исследователей в дело собирания и публикации ногоайского фольклора // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (филологические науки). Вып. 3. Черкесск, 2004. С. 113, 117

⁷⁶ <http://www.balkaria.info/library/b/bittirova/pg2.htm>

⁷⁷ Лемеш Н.Е. Библиографический обзор газеты «Джаридат Дагестан» за 1913–1918 гг. // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН Ф.3. Оп.1. Д. 206

⁷⁸ Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 7. Оп. 1. Д. 60. Л. 27; Идрисов Ю.М. Дагестанская интеллигенция в трёх российских революциях: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 103

теллигенции начала XX в.: «Не знаем мы иной аристократии, кроме аристократии ума, таланта, порядочности и личных заслуг!»⁷⁹

Отдельно нужно сказать об основателе карачаевской государственности Умаре Джашуевиче Алиеве. В 1914 году У. Алиев переехал в Хасавюртовский округ Терской области, где учился в Аксайском медресе у Исхака-Эфенди. Чуть позже, переехав в Дагестанскую область, учился в Темир-Хан-Шуринском медресе у известных богословов Али Каяева и Магомед-Кади Дибирова⁸⁰. В конце того же года, успешно сдав экзамены в Темир-Хан-Шуре (современный г. Буйнакск), Алиев завершил мусульманское образование. С 1915 г. Алиев преподавал арабский и кумыкский языки в селении Кумторкала (Хум-Торкали). Здесь он познакомился с революционером Уллубием Буйнаским, верившим в возможность синтеза идеологии национально-освободительной борьбы малых народов Российской империи и социал-демократизма. После знакомства с ним У. Алиев увлекся левыми взглядами. В 1916 г. он переезжает в Тифлис, где продолжает работать учителем арабского и персидского языка. В том же году он меняет место жительства, оставляет Кавказ и оказывается в Башкирии. В уфимском медресе «Османия» он под именем Гумара Галави (татарский вариант его настоящего имени) преподает арабский и турецкий языки и литературу⁸¹. В 1917 г. он поддержал озвучиваемые Г. Бамматовым, А. Цаликовым и Г. Исхаковым идеи политического единства всех российских мусульман и общероссийской мусульманской национально-культурной автономии.

В октябре 1919 г. по партийному заданию У. Алиев вновь оказывается в Дагестане, где население подняло восстание против деникинцев, и У. Алиева сделали членом и секретарем местного Совета обороны Дагестана и Северного Кавказа, а также членом Дагестанского обкома РКП (б) и заведующим политотделом повстанческих войск. Затем он стал начальником штаба этих войск и политкомиссаром Темир-Хан-Шуринского фронта. В марте 1920 г. дагестанская повстанческая Армия Свободы освободила всю территорию Дагестана от деникинцев. В управлявшем Дагестаном в тот период времен-

⁷⁹ Очерки политической истории Северного Кавказа XVI–XX вв. Нальчик, 2007. С. 9

⁸⁰ Автор одного из первых букварей на кумыкском языке, известный арабист, тюрколог и историк. Сторонник признания тюркского языка государственным языком Дагестана.

⁸¹ Лайпанов К., Батчаев М. Умар Алиев. Черкесск, 1986. С. 20–26

ном правительстве Совета обороны Дагестана и Северного Кавказа У. Алиев занимал должность Наркома Просвещения. Одновременно он являлся главным редактором общей газеты кумыков, карачаевцев, балкарцев и ногайцев «Ал байрак» («Красное знамя») ⁸². Распространением названной газеты в Карачае занимался один из первых профессиональных кумыкских журналистов Магомед-Керим Садуллаев. Во имя освобождения Дагестана от деникинцев погиб сын Кязима Мечиева Мухаммед ⁸³.

Продолжает традиции братства и духовного единства между кумыками, карачаевцами, ногайцами и балкарцами и молодое поколение. Ниже мы приводим самые свежие примеры этого.

23 февраля 2008 г. на вечере карачаево-балкарских первокурсников выступили кумыкский танцевальный ансамбль «Оьзден» и ногайские исполнители тепло принятые карачаево-балкарскими зрителями.

На состоявшемся 29 февраля 2008 г. благотворительном концерте «Звёзды кумыкской эстрады детям» выступила известная ногайская певица Айгуль Джумагулова, пользующаяся заслуженной популярностью среди кумыков.

Создание единой картины исторического развития карачаевцев, балкарцев, ногайцев и кумыков, на наш взгляд, существенно облегчит дальнейшее изучение и осмысление прошлого каждого народа в мельчайших деталях, ведь, то, что верно для одного народа, верно и для других народов, связанных с ним происхождением, родством языка, сходством культуры и территориальным соседством.

Изучение общего историко-культурного богатства тюркских народов Северного Кавказа имеет большое научное значение и вследствие той выдающейся роли, которую они играли в истории региона. На протяжении тысяч лет тюркский язык и тюркская культура являлись связующим звеном между Западным и Восточным Кавказом. Накопленное северокавказскими тюрками культурное богатство на десятки веков питало и продолжает питать поныне культуру всех соседних с ними народов.

⁸² На службе просвещения: кумыкская национальная печать / Автор и составитель Алиев К.М. Махачкала, 2007. С. 101

⁸³ Акбиев С.Х. Указ. соч. С. 149

М.-П.Б. Абдусаламов
г. Махачкала

КУМЫКСКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В XVIII - НАЧ. XIX ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Кумыкские феодальные владения, благодаря своему выгодному геополитическому расположению, традиционно играли ведущую роль в политических процессах, происходивших в Дагестане, так как через их территорию пролегал значительный отрезок транскавказского Прикаспийского пути, оказавшего значительное воздействие на социально-экономическое и культурно-историческое развитие населения края. Поэтому они становились объектом исследования широкого круга историков дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

В качестве источников для лучшего понимания степени освещения истории кумыкских феодальных владений выделяются материалы различных фондов центральных и дагестанских архивов: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) – Ф. 77 «Сношения Российской империи с Персией», 89; «Сношения России с Турцией», 115; «Кабардинские дела»; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) – Ф.: ВУА (военно-учетный архив), 20 «Воинская экспедиция военной коллегии»; Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – Ф.: 9 «Кабинет Петра I».

Весьма ценный материал содержится в Центральном государственном архиве Республики Дагестан. Здесь следует выделить материалы фондов «Комендант крепости Терки» (Ф. 335), «Походная канцелярия генерал-лейтенанта Девица» (Ф. 339), «Кизлярский комендант»

(Ф. 379), где сосредоточены важные сведения о феодальных владениях, об их владельцах и взаимоотношениях, внешней политике и т.д.

Среди сборников документов нам хочется отметить «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК)¹, где сосредоточены материалы из архива Главного управления наместника Кавказа. В каждом томе имеются документы по феодальным владениям, в частности кумыкским, а также обществам и Дагестану в целом.

В советский период были изданы такие сборники архивных материалов, как, например: «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.» (Т. П. М., 1957), «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.» (Махачкала, 1958 / Сост. Р.Г. Маршаев), «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.» (М., 1988).

Наибольший интерес в контексте изучения истории кумыкских феодальных владений представляет сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.», изданный под редакцией М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева² и содержащий массу сведений по истории кумыков с начала XVIII до 40-х гг. XIX в., а также о территории Дагестана, в частности кумыкских феодальных владений, их границах, численности населения, количестве воинских сил и т.д.

Источником исключительного значения для истории первой четверти XVIII в. является сочинение участника похода Петра I в Дагестан И.-Г. Гербера «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 г.»³. Обширность затрагиваемых в труде вопросов, насыщенность различными сведениями, в ряде случаев являющимися единственными в своем роде, составляют ценность этого источника как для изучения внутренней социально-экономической и политической истории многочисленных народов Дагестана, так и для истории взаимоотношений с народами Кавказа, с шахским Ираном и султанской Турцией.

Важные историко-географические сведения содержит книга участника похода Петра I Ф.И. Соимонова «Описание Каспийского моря и

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. В 12-ти томах. Тифлис, 1866–1904.

² История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М., 1958.

³ Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760.

чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого»⁴.

Ценные исторические сведения о Дагестане, в том числе о кумыкских владениях, содержатся в выписках немецкого врача И.Я. Лерха⁵, находившегося на русской службе с 1731 г. Некоторый материал по теме нашего исследования содержится в сочинении «Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь» участника Каспийского похода Петра I Д. Белла⁶, шотландца по происхождению. Особо следует отметить работу И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам»⁷, в которой автор вслед за Ф.И. Соимоновым излагает важные эпизоды Петровского похода во взаимосвязи с кумыкскими владениями.

Важные сведения о занятиях кумыков, взаимоотношениях отдельных феодальных владетелей, о власти тарковского шамхала⁸ мы находим в сочинении «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» из «Путешествия Г-на Академика Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг.», принадлежащем перу академика И.А. Гильденштедта⁹, совершившего путешествие по Кавказу в 70-е гг. XVIII в. Указывая на феодальную раздробленность Кумыкии и частые раздоры владетелей Дагестана, И.А. Гильденштедт отмечает, что этих владетелей «связывает между собою отчасти всеми признаваемая

⁴ Соимонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763.

⁵ Выписки из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 43, 45. СПб., 1790; Его же. Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 50. СПб., 1790.

⁶ Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попова. Ч. 1-3. СПб., 1776. Ч. III.

⁷ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М., 1789.

⁸ «Шамхал» официально признанная в историографии форма данного титула, по кумыкски этот титул звучит как «шаухал».

⁹ Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг.». СПб., 1809.

верховная власть защита России, коей они присягают в верности...»¹⁰

Благодаря такому источнику, как «Описание Северного Дагестана» Д.И. Тихонова¹¹, мы имеем довольно четкое представление как о населенных пунктах, составлявших шамхальство Тарковское, так и о количестве семейств в них. Кроме того, в его работе прямо говорится «о акушинцах и цудахарцах, считающихся под протекцией шамхала».

Некоторые сведения общего характера о кумыках мы находим у немецкого языковеда М.Ю. Клапрота¹². Особо следует отметить его труд «Историческая, географическая и политическая карта Кавказа и провинций, находящихся между Россией и Персией», в котором говорится о географическом положении Дагестана, о дагестанских народах, в том числе кумыках, военной организации, дается описание владений и т.д.

Для характеристики Тарковского шамхальства важны и сведения М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга¹³. Свое «Описание Дагестана» они составили в 1831 г. Их сведения отличаются конкретностью и лаконичностью.

К концу первой четверти XIX в. относится путешествие по Дагестану и Закавказью известного естествоиспытателя академика Э.И. Эйхвальда¹⁴. В его исследовании содержится значительный материал по кумыкам. Э.И. Эйхвальд в 1825 г. был в Тарках и в своей работе, изданной в Штуттгарте в 1834 г., дал описание Тарков и его населения. В его работе дана краткая характеристика русско-кумыкских отношений начиная с XVI в.

Весьма важные и ценные сведения по истории народов Северного Кавказа, в том числе кумыков, а также различные вопросы их социально-экономического и политического развития содержатся в трехтомном труде П.Г. Буткова¹⁵.

В начале XIX в. была издана работа С.М. Броневского¹⁶, являющая-

¹⁰ Там же. С. 104-105.

¹¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 129, 131.

¹² Клапрот М.Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.

¹³ Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М., 1958.

¹⁴ Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Kaukasus. Bd. I. Stuttgart -Tübingen, 1834.

¹⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х ч. СПб., 1869.

¹⁶ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х ч. М., 1823.

ся наиболее полным и по содержанию, и по названию исследованием по истории Кавказа в целом, и Дагестана в частности, основанным на литературных и архивных материалах, а также сведениях, собранных лично автором. В нем содержатся подробные данные о хозяйственной деятельности кумыков, сословно-классовой структуре и т.д.

В 1834-1835 гг. была издана книга П. Зубова¹⁷. О Дагестане говорится в 3-й части работы в разделе «Кавказские горцы», где есть глава «Кумыки».

Одним из трудов, содержащих наиболее ценный фактический материал о кумыках, является коллективный труд «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях»¹⁸.

Известный тюрколог И.Н. Березин в 1849 и 1850 гг. издал книгу «Путешествие по Дагестану и Закавказью»¹⁹. Первая часть ее содержит описание города Тарки и сведения о численности его жителей.

Несомненный интерес представляют работы А. Берже²⁰, в которых дается характеристика как Дагестана в целом, так и разных частей, владений и союзов сельских общин, приводится краткая история, показаны границы, территория, состав различных политических структур.

Среди работ, написанных местными авторами и вышедших в свет в 40-х гг. XIX в., особое место занимает труд Д.-М.М. Шихалиева²¹ «Рассказ кумыка о кумыках», опубликованный в газете «Кавказ». Это весьма обстоятельный очерк, охватывающий важнейшие вопросы истории и этнографии кумыков и соседних с ними народов.

Большой вклад в изучение истории Дагестана внес выдающийся азербайджанский историк первой половины XIX в. А.-К. Бакиханов, автор труда «Гюлистан-и Ирам»²². Эта работа посвящена истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен по XVIII в. включительно

¹⁷ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. В 4-х ч. СПб., 1834-1835.

¹⁸ Обозрение Российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. В 4-х ч.

¹⁹ Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е доп. Казань, 1850. Ч. I-II.

²⁰ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 257-312; Его же. Прикаспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856.

²¹ Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. Тифлис, 1848. № 37-44.

²² Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.

и содержит различные вопросы истории общественно-политической жизни народов Дагестана и Ширвана.

Из работ 60-х гг. XIX в. привлекают внимание труды А.В. Комарова²³, собравшего много историко-географического материала по Дагестану, в том числе по кумыкам: ценные сведения о владениях, населении, их численности, занятиях и т.д.

Из работ последней трети XIX в. отметим, прежде всего, капитальный труд академика Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе»²⁴. Автор касается истории, общественно-политического устройства кумыков до и после присоединения Дагестана к России.

В 1879 г. была издана книга А.А. Зиссермана²⁵, содержащая описание ряда сел, феодальных владений, в том числе кумыкских.

Огромную ценность для изучения общественного строя народов Дагестана, в том числе кумыков, представляет собой двухтомный сборник записей обычного права горцев – «Адаты кавказских горцев», изданный Ф.И. Леонтовичем²⁶.

В «Путеводителе по Кавказу», составленном Е. Вейденбаумом²⁷, дано описание Кумыкской низменности, ее границ и т.д.

Большой круг вопросов освещен в трудах В.А. Потто²⁸. В них подняты вопросы о Петровском походе и отношении к нему кумыков Эндиреевского владения.

В конце XIX в. (1891 г.) была написана книга Г.-Э. Алкадари «Асари-Дагестан»²⁹, изданная на русском языке в 1929 г. и переизданная в 1994 г. Здесь изложена история народов Дагестана на протяжении многих веков на основе многочисленных источников: персидских, арабских и тюркских.

Из предреволюционных работ, содержащих различные вопросы по

²³ Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1866; Его же. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОРГО. Кн. VIII. Тифлис, 1873.

²⁴ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. I. СПб., 1871.

²⁵ Зиссерман А.А. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). СПб., 1879.

²⁶ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1-2. Одесса, 1882.

²⁷ Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

²⁸ Потто В.А. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; Его же. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887.

²⁹ Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан / Пер. и примеч. А. Гасанова. Махачкала, 1994.

интересующей нас теме, следует назвать труд В. Линдена³⁰, написанный в духе восхваления колониальной политики царизма.

Последующий советский период характерен изданием ряда крупных работ по истории Дагестана. Это, прежде всего, работы Р.М. Магомедова и Х.-М.О. Хашаева, посвященные общественно-экономическому строю Дагестана.

В монографии Р.М. Магомедова³¹, изданной в 1957 г., рассматриваются политические образования Дагестана, занятия их населения, земельные и социальные отношения, военное устройство и другие вопросы. Автор подробно рассматривает также сословно-классовую структуру кумыков, административное управление их феодальных владений.

В монографическом исследовании Х.-М.О. Хашаева³² большое место отведено описанию природных условий, территории и границ дагестанских владений, в частности кумыкских, а также информации о сословных отношениях и административном управлении феодальными владениями.

В историко-этнографическом исследовании «Кумыки» С.Ш. Гаджиевой³³ впервые компактно и подробно рассматриваются вопросы о территории, общественном строе и политическом управлении кумыков.

Ценные сведения по кумыкской проблематике имеются в монографии М.-С.К. Умаханова³⁴, где освещаются взаимоотношения кумыков с другими народами Дагестана, система управления феодальных владений и т.д.

Много интересных вопросов по теме исследования содержится в трудах Н.-П.А. Сотавова³⁵, где автор на основе богатейших архивных материалов излагает важнейшие политические события, происходившие на Кавказе, в частности в Дагестане, в рассматриваемый нами период. В его работах раскрываются стратегические замыслы великих

³⁰ Линден В. Краткий исторический очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // КК на 1917 год. Тифлис, 1916.

³¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.

³² Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

³³ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.

³⁴ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

³⁵ Сотавов Н.-П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; Его же. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

держав на Кавказе, в которых заметное место отводится шамхальству Тарковскому и засулакским княжествам.

Ценный материал содержится и в труде Б.Г. Алиева³⁶, где автор также воссоздает в определенной степени историческое прошлое Дагестана, в частности, в ней поднимаются интересующие нас вопросы политических взаимоотношений шамхальства Тарковского с другими дагестанскими владениями в период походов войск Надир-шаха на Дагестан.

Необходимо особо выделить монографии известного ученого А.С. Акбиева³⁷, который вслед за С.Ш. Гаджиевой внес значительный вклад в изучение самых разных аспектов истории кумыкского народа.

В монографиях Д.С. Кидирниязова³⁸ подробно освещены экономические, политические и культурные связи ногайцев с народами Северного Кавказа в XVI-XVIII вв. Автор указывает, что ногайцы, кочевавшие в Засулакской Кумыкии, считались подданными аксаевских и эндиреевских князей. Они отошли в российское подданство в период вхождения Засулакской Кумыкии в первой трети XVIII в. в состав России.

В 1996 г. М.У. Гусеновым была защищена кандидатская диссертация на тему «Шамхальство Тарковское в системе феодальных государственных образований на Северном Кавказе в XVII – нач. XIX вв.»³⁹, в которой автор показывает роль одного из крупнейших и могущественных владений Дагестана в политических событиях на Кавказе в течение двух веков.

В квалификационных работах М.Р. Рашидова⁴⁰ и А.О. Муртазаева⁴¹ делаются попытки рассмотреть Кайтагское уцмийство как субъект

³⁶ Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей (источники, предания, легенды, героико-исторические песни). Махачкала, 2002.

³⁷ Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998; Его же. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000.

³⁸ Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000; Его же. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. Махачкала, 2003.

³⁹ Гусенов М.У. Шамхальство Тарковское в системе феодальных государственных образований на Северном Кавказе в XVII – нач. XIX вв.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1996.

⁴⁰ Рашидов М.Р. Кайтагское уцмийство во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в первой половине XVIII века: Автореф. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2004.

⁴¹ Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – начале XIX в.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2005.

международных отношений. Авторы стремятся воссоздать историко-политическую панораму борьбы горцев против притязаний великих держав в первой половине XVIII в. Здесь уделяется внимание и шамхальству Тарковскому, как одному из наиболее могущественных государственных образований Дагестана.

Монография Н.М. Аллаева⁴² представляет собой обобщающее исследование, посвященное развитию кайтаго-российских взаимоотношений в XVIII – первой четверти XIX в. В работе показано, что именно начиная с Каспийского похода Петра I начинается более активное освоение Кавказа, в частности Дагестана, в связи с чем участились и расширились контакты дагестанских владетелей, в частности кумыкских, с Россией.

В диссертационной работе Э.Г. Джахиевой «Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. (1774-1826 гг.)»⁴³ дается высокая оценка роли кумыкских владений в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. Автором подробно исследуется вопрос отношения кумыкских феодалов к восстанию шейха Мансура, делаются новые для дагестанской историографии выводы.

История населённого кумыками Брагунского ханства, находившегося на территории современной равнинной Чечни, частично затрагивалась в работах чеченских авторов Я.З. Ахмадова и Ш.Б. Ахмадова⁴⁴.

Ценный фактический материал и теоретические выводы, а также много вопросов по теме нашего исследования содержатся в обобщающих трудах: «Очерки истории Дагестана», «История Дагестана», «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», «История Дагестана с древнейших времен до XX века», в создании которых приняли участие многие видные ученые – кавказоведы⁴⁵.

Приведенный выше историографический обзор литературы свидетельствует о том, что отдельные аспекты изучаемой нами темы стано-

⁴² Аллаев Н.М. Отношения Кайтагского уцмийства с Россией в XVIII – первой четверти XIX в. Махачкала, 2007.

⁴³ Джахиева Э.Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. (1774-1826 гг.): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1998.

⁴⁴ Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Инушетия в XVIII-XIX вв. Грозный, 2002.

⁴⁵ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1; История Дагестана. М., 1967. Т. 1; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; История Дагестана с древнейших времен до XX века. М., 2004.

вились объектами изучения отечественных кавказоведов и дагестановедов. Однако история кумыкских феодальных образований в целом ни в дореволюционной, ни в советской историографии не получила должного и всестороннего освещения.

Изучение имеющихся в нашем распоряжении материалов, специальной и общей литературы не оставляет сомнения в том, что в рассматриваемый нами период кумыкские феодальные владения, в частности шамхальство Тарковское и засулакские княжества, играли ключевую роль в важнейших политических событиях, происходивших на территории Северо-Восточного Кавказа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12-ти томах. Тифлис, 1866–1904.

История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М., 1958.

Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1998.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан / Пер. и примеч. А. Гасанова. Махачкала, 1994.

Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х ч. СПб., 1869.

Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е доп. Казань, 1850. Ч. I-II.

Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760.

Джахиева Э.Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. (1774-1826 гг.): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1998.

А.И. Гаджаев
г. Москва

ОПИСАНИЕ ЧЕРКЕСИИ, КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ ТУРЕЦКИМ ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ

Книги, написанные современниками, проходя через века, становятся свидетелями времени, своеобразными окнами в тот мир, который существовал очень давно. Такова «Книга путешествия» турецкого путешественника Эвлия Челеби. Он родился 25 марта 1611 года в Стамбуле. Получил хорошее образование, был хафизом (то есть знал Коран наизусть), изучал философию и право, искусно резал по камню, знал музыку, грамматику и греческий язык, писал стихи. Был, как мы сейчас говорим, разносторонне развитой личностью. Во сне пришло к нему понимание смысла собственной жизни - быть путешественником, объездить и описать много стран, создать книгу путешествий. Ушедшее, казалось, навсегда время, его приметы всплывают со страниц книги. Путешественник Эвлия Челеби дал в ней описания многих земель и народов Ближнего Востока, Кавказа, Крыма, Поволжья и Подонья, берегов Каспийского и Черного морей.

Готовя данный материал, я пользовался в основном турецким изданием «Книги путешествий»¹. Хотелось бы подчеркнуть, что в русском переводе сочинений турецкого путешественника, изданном в АН СССР в 1979 году², многие важные детали и подробности описания путешествия, представляющие для нас большой интерес, к сожалению,

¹ Evliya Celebi Seyahatnameleri. Istanbul. 1996. s. 445-448.

² Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. «Наука». 1979, с. 97-99.

упущены, имеются многочисленные искажения слов, имен и названий. Поэтому критический перевод сочинения Эвлия Челеби, приводимый мной ниже, вносит много исправлений в этот первый, довольно некачественный перевод.

Текст:

«10 октября мы вступили в земли Черкесов. Быстрым темпом проехали на восток 4 часа». Крымский Хан Мехмет Гирей со своей армией вместе с Эвлия Челеби доходят до ногайского поселения. «Столетний ногаец мирза, которого зовут Чобан, является предводителем всех ногайских татар. Это племя породнилось с черкесским племенем Шугаки, беря у них девушек в жены, но сами им своих девушек не выдавали. Это племя ногайцев обосновалось и живет в Черкезистане. Они ведут кочевнический образ жизни в горах и долинах, численность всех составляет около 10 тыс. юрт. Военная дружина ногайцев составляет около 10 тыс. стрелков. Все являются сильными и смелыми воинами с лошадьми и оружием. Отсюда мы двинулись на восток и проехали по горам и долинам около 5 часов и дошли до черкесского племени Шугаки. Отсюда и дальше местные жители свои поселения зовут «кабак», а татары свои поселения звали «сыла». Эти жители «кабаков» очень непослушные, но подчиняются Хану Мехмет-Гирею. Преподнесли Хану продукты и высказали свое уважение и гостеприимство. Племя Шугаки смешалось с ногайцами. Здесь вышла потасовка из-за того, что один из воинов, татарин, взял, не спросив, у одного черкеса с арбы рыбу. За это черкесы убили трех татар. На столько черкесы являются злобными и окаянными. Но настолько же полезны и храбры».

Таким образом, Крымский Хан Мехмет-Гирей и Эвлия Челеби проезжают через племена черкесов (адыгов) и ногайцев. Погостив так же и у кабардинцев, они приезжают к черкесскому племени Биберды. *«Биберды живут в междуречье Кубани и Джинджик»* (иногда он называет эту реку «Инджик» – это река Зеленчук). *«На севере Бибердов живут Калмыкские татары. Почти до реки Терек простирается земля Бибердов. Биберды состоят из 4 господ, каждый из которых имеет по сто кабаков. Два из них подчинены кабардинскому господину, а два Султану Тауистана («Тауистаном» Эвлия Челеби называет Карачай и Балкарию и указывает на то, что часть Бибердов, а именно 2 рода были зависимы от Тауистана). Один из этих господ, так как живет рядом*

с калмыками, подчиняется калмыкскому Шаху Мусенджаку. В начале года дает калмыкам одного быка и много разных подарков. Таким образом, сохраняет себя от калмыцкого нападения».

«Вышеупомянутые 4 господина имеют каждый по 2 тыс. вооруженных воинов, но так как они не являются мусульманами, на них иногда нападает Падишах Дагестана. Берет у них пленных, а также разные припасы. Им сложно, потому что в их землях нет скалистых гор, где можно было бы укрыться. Все живут на равнинных, лесистых местах. Это племя тоже дало Хану подарки, а также помогло своей сопроводительной армией. Дальше мы пошли на восток и проехали 8 часов пути. Дошли до местности *Беи Таг* (Пятигорск). Эта местность находится недалеко от кабардинских земель. Оттуда мы проехали на восток 5 часов, проехав кабардинские земли дошли до реки Зелук (Золька). Эта река течет с горы Эльбрус и впадает в Терек. Отсюда за этой рекой начинаются земли Тауистана.» (Эвлия Челеби указывает на то, что река Золька была границей между Кабардой и Тауистаном).

«Тауистан - удивительно большая губерния. Одна сторона на севере граничит с Московским государством. Другая сторона на востоке граничит со страной Дагестан. Третья сторона на юге у Эльбруса граничит со Сванетией.»

Отец всех гор- гора Барс (так называл Эльбрус Эвлия Челеби).

«На арабском языке его называют Эбуль-Джибаль (в переводе отец всех гор). Однако по той причине, что вокруг этой горы проживал народ под названием Барс, иранцы прозвали эту большую гору горой Барсов. На греческом языке ее называют «Петре Аджан». На монгольском языке - «Тилтав», на языке Кахтани - «Пеште -и Дадъян», на лазском языке - «Зехунда», на языке кытак - «Тавбан», на черкесском языке - «Ритау», на татарском - «Чылдыр Отак», на чагатайском гора - «Миян». По-разному называют и другие историки, в числе которых есть и название «Кюх-ель Барс».

«Древние философы, ученые по хадисам и тафсирам говорили: «Создатель всех миров Аллах своим словом «Кюн» создал на Земле 140 больших гор. Если бы не было этих гор, то земля постоянно расширялась бы». Про эти самые горы был спущен 63 аят суры Зуммер Священной книги Корана... По преданиям Батламуса, Бократа, Сократа и Пифагора, гора Барс является одной из этих 140 гор. Эта гора Барс находится близко к Железным воротам. Вышеупомянутые путешественники

считают, что гора Барс находится по середине всех остальных гор, возможно и посередине всего мира. Исследователи так говорят... Арабы назвали эту гору Абуль-Джибаль. Ибо все горы Китая, Мачин, Хыта, Хутен, Фагфур и Индии (Эвлия Челеби перечисляет древние страны) примыкают именно к этой горе...»

«На юге-востоке горы Барс находятся земли Сванов. На юго-западе по побережью Черного моря расположены земли Абазов. На западе, по тем местам где мы прошли, расположены земли Черкесов, их соседи Кабардинские Черкесы и Тауистанские Черкесы. Отсюда на запад в 47 днях находится Крым. На севере горы Барс расположено Московское государство, у которого на границе находится Терская крепость».

«Вкратце если сказать, вокруг этой горы расположены земли 11 падишахов, до такой степени большая гора (Здесь имеется в виду весь Кавказский хребет). Такая большая гора, что и летом, и зимой вершину не увидишь, все время покрыта облаками. И даже в хорошую погоду не возможно увидеть вершину. Ближе к вершине и деревья отсутствуют, потому что большие ураганы рвут их с корнями».

«В июле чабаны народа Тауистана выходят на пастбища у подножья этой горы Барс пасти свои стотысячные стада овец. Это местность относится к Султану Тауистана. Проехав на восток 4 часа, а затем еще 9, дошли до реки Балык. Эта река берет свое начало у горы Барс, потом впадает в реку Терек, а затем и в Хазарское море (Каспийское море). А затем мы прошли еще 5 часов на восток, а потом и еще 7 часов и дошли до селения Тауилистан. Здесь недалеко от реки Бахисан увидели развалины древнего города, из которого сохранилось около 1.000 покрытых бревнами домов, а остальные разрушил Тимурленк. Если дома черкесов покрыты тростником или камышами, то здесь дома покрыты деревянными бревнами. В этом селении растут фруктовые деревья. Тауилистан очень старый и ухоженный город. Тауилистан является таким же большим государством, как и Дагестан.

Нынешних господ того селения, в которое мы пришли зовут Кючукбий Шакман и Джауханбий Шакман. Общее количество военной дружины этого селения составляет 12.000 азнауров и еще 2.000 оруженосцев. В основном все придерживаются шафиитского мазхаба. Большой частью дружат с грузинами. Торговцы и некоторые другие продвинутые жители владеют и русским языком».

«Одежда жителей Тауистана. Одежда всех похожа на иранские по-

крывала, с дырочками и привязанные на подмышках и с высокими воротниками. На голову одевают белый баишлык. На ногах иранские баишмачки. Головы побриты, бороды подстрижены».

«Одежда женщин Тауистана. Все женщины и девушки одевают шапки из белой ткани лисьей кожи. Волосы открыты, но не свисают. Одевают разные и разноцветные кафтаны, которые чуть затянуты. Одеты, как и остальные черкесские девушки».

«Красивые парни и девушки - бесподобные люди. Здесь тоже, как и в остальных районах черкесов нет рынков, денег, бань и садов. В этом поселении имеется 2 больших и 7 маленьких мечетей. Хутбы читают в начале на имя Дагестанского падишаха, а затем своего господина Ключюка Шакмана. Но настоящих мусульман мало».

«Здесь протекает река Баксан, которая идет из грузинской Сванетии и впадает в Терек. В Баксане есть рыба, которая называется аргъы балык (Это, вероятно, форель). Она не похожа ни на одну речную рыбу. Шарообразная рыба. Кажется будто приукрашена золотыми дорожками камешками. По своему вкусу похожа на английскую сардалью. В середине имеется одна косточка, подобная алифу, большие костей нет. Имеет очень приятный своеобразный запах. Эта рыба очень полезна и питательна».

«Климат Тауистана. Климат очень мягкий, совсем нет болящих эпилепсией, проказой и шпигатом. Этот народ ни за что не потерпит обиды над собой. У людей крепкое здоровье и телосложение. В основном все живут 100-150 лет».

«Оттуда, отдохнув три дня с ханом, приехали к реке Балык. Перешли ее на лошадях. Эта река тоже рождается из белоснежных гор Грузии и впадает в реку Терек. Оттуда мы прошли в сторону юга 3 часа и дошли до большого разрушенного Тимуром города. Здесь некогда от Тимура укрывался Татарский Хан Тохтамыш. Этот город населяли очень воинственные и храбрые люди, которые не подчинились воле Тимура. Но Тимур в течение семи дней держал осаду этого города и в результате, взяв город, убил Баксанского султана. Это место тоже принадлежит Тауистану. После того, как насмотрелась этого разрушенного города, мы в сторону востока прошли еще 7 часов и дошли до реки Чегем, перешли ее на лошадях и прошли еще 2 часа. Потом дошли до реки Лачин (Ладжек). После перешли и эту реку и дошли «Яркой Кабака». Яркой кабак тоже относится к Тауистану и очень благоустроен. Оттуда прои-

ли еще 4 часа и дошли до реки Черек (Чарук). Эта река тоже идет из Таустана и впадает в Терек. И ее тоже перешли лошаадьми и прошли еще 4 часа. Дальше дошли до большой реки Терек... на восток прошли еще 15 часов и дошли до реки Сунжа. Наконец-то наша нога вступила в мусульманскую землю Дагестана. Нас встретил дагестанский падишах Султан Махмут Шамхал Шах...Здесь в этих местах свои города называют не кабак, а «Кент». На этом Эвлия Челеби вместе с Крымским Ханом Мехмет Гиреем покидают Таустан и вступают в Дагестан.

Это лишь часть крайне интересных мест из сочинения Эвлия Челеби. Следует сказать, что много интереснейших сведений не только о карачаево-балкарцах, но и о других народах Северного Кавказа разбросаны по многим главам и страницам сочинения. Их необходимо выявлять и публиковать на русском языке, ибо трудно переоценить значение этого ценнейшего труда.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. «Наука». 1979.

Evliya Celebi. Seyahatnameleri. Istanbul. 1996.

Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби» // Рук. Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.

М.Д. Каракетов
г. Москва

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

(постановка проблемы и пути ее решения)

Тема, вынесенная в заглавие статьи, вызвана тем, что за последние годы выпущено около десятка монографий и кажущееся бесконечным число статей, в которых историческое прошлое адыгов, карачаевцев и балкарцев, осетин (и не только их), к сожалению, описывается не на базе этнографического и археологического материалов, данных языка, ономастики, антропологии, исторических источников, а по принципу «так я думаю». При этом, «исторические штудии» в них предлагаются в качестве «руководства к действию» для современных любителей истории и не только для них. В этом отношении можно сказать, что используемый авторами такого рода публикаций псевдонаучный жанр, имевший место во времена первых летописцев и мифологов, ныне переживает эпоху очередного расцвета.

Такой «метод» или жанр изложения прошлого народов, если им пользуются специалисты, наносит вред по адыговедению, карачаево-балкарведению, осетиноведению, в целом кавказоведению как одному из многогранных и оригинальных направлений гуманитарной науки.

Построения истории народов псевдонаучной «плеядой» специалистов-историков и далеких от науки людей выглядят сколь смешными, столь уродливыми и «желтопресными».

Так, в некоторых публикациях, основанных исключительно на том, что имя родоначальника кабардинских, бесленеевских, темиргоевских

княжеских родов *Инал* означает с древнетюркского как «рожденный от неравного брака», начало передвижения адыгов на территорию Кабарды «устанавливается» не позже XII в.

Хотя известно, что имя *Инал* было широко распространено среди тюркских и нетюркских народов раннего и позднего средневековья, а археологические памятники, приписываемые адыгам, на территории Центрального Предкавказья определяются не ранее XV в. или (с допуском) концом XIV в. Или, если в антропологии адыгов-кабардинцев обнаруживаются черты кавкасионского антропологического типа, то необходимо говорить не о смешении или, что доказано многими специалистами, инкорпорации целых родов-носителей отмеченного физического типа из горных районов Кавказа в кабардинское общество в XVI-XIX вв., а о том, что адыги-кабардинцы возвратились в эти места где-то в конце раннего средневековья.

Некоторые исследователи договорились до того, что Кабарда, по «источникам», занимала в XVI-XVIII вв. территорию от Азова до Астрахани и от современной Калмыкии до Кавказского хребта. А вот существование в это время в этих же пределах Ногайских государственных образований, Тюменского ханства, Брагунского владения, Тарковского шамхальства, западно-адыгских и карачаево-балкарских раннегосударственных образований, Аварского ханства, Казикумухского владения (шамхальство до середины XVI в.), присутствие здесь Крымского ханства, Османской империи в расчет не берется. Численность кабардинцев, оказывается, и вовсе в XVIII в. достигала до 2 млн. чел. В то же время известно, что к концу этого века все население Северного Кавказа едва превышала 1,5 млн. чел., а численность кабардинцев в это время определяется специалистами от 150 до 250 тыс. чел.

Некритический анализ документов, исходящих от одного источника, неиспользование данных других источников приводит иногда к курьезам, которые негативно влияют не только на научное осмысление истории взаимоотношений между народами, но и на современное состояние межнациональных отношений.

Так, в публикациях некоторых нальчикских авторов со ссылкой на источники указывается, что князьям Кабарды платили дань все соседние народы, тогда как существуют другие документы, опровергающие эти данные. В них аргументация более соответствует действитель-

ности, чем та, что приводится в такого рода публикациях. На самом деле, если взять данные по численности, например, карачаевцев, то, по кабардинским данным, она в течение 50 лет (конец XVIII – начало XIX в.) не изменяется и варьирует в пределах 200-400 дворов, тогда как по проверенным (разведанным этого же времени) данным только в одном ущелье карачаевцы проживали в 17 селениях, некоторые из которых состояли из 500 дворов. Или, как в докладной записке Лиона Багратиони последнему грузинскому царю Георгию XII (1798 г.), карачаевцы проживают в 3025 дымах. В записках же карачаевцев начала XIX в. Трапезундскому и Анапскому паше, так же как в описании Карачая, в записке Потемкина информации о какой-либо зависимости карачаевцев или даже их части от князей Кабарды нет.

В других записках отмечается, что только часть карачаевцев из-за малоземелья переходила под покровительство князей Большой Кабарды и несла определенные повинности. Данные документов позволяют предположить, что только малая часть карачаевских владельцев, которая «раз взяв земли не могла их отстоять», вынуждена была арендовать земли в Кабарде и тем самым нести владельцам земли повинности. Таких семей, скорее всего, и было 200 или 400 (из более чем 3 тыс. дымов), о которых все время твердили кабардинские информанты российских властей.

Некритические, заинтересованные публикации, которые к тому же выпускаются под грифами научных центров, наносят вред не только адыговедению, карачаево-балкарствоведению, но и всему кавказоведению.

Такая же ситуация сложилась с некоторыми публикациями осетинских и карачаево-балкарских авторов, которые без каких-либо оснований и источниковой базы переселение предков карачаево-балкарцев в горы определяют XV в. и этим объясняют появление в это же время самоназвания балкарцев *таулу* (букв. горец). В то же время, известно по Ибн-Русте (X в.), что тюрки, живущие вблизи кавказских гор, именовались таулас или таулинцы (от арабо-персидской передачи мн. ч. на «с», а не название народа – ас, как считают некоторые исследователи). К этому же можно добавить название Дагестана в X в. – «*Тавйак*» (букв. Горный край) на куманский лад, а не на огузский – *Даг*, отсюда *Даг+персидск. стан* – Страна гор.

В других публикациях историю, например, алан преподносят как

историю исключительно карачаево-балкарцев или осетин, «сужая» аланский географический и поликультурный мир, который простирался от Средней Азии до Венгрии, до размеров Центрального Предкавказья и определяя его как исключительно карачаево-балкарский или исключительно осетинский. В то же время авторам таких «опусов» известно, что численность населения осетин вместе с карачаево-балкарцами, судя по археологическим материалам и небольшому числу источников, не достигала во второй половине позднего средневековья 100 тыс. чел. Таким образом, считать данные народы прямыми наследниками алан, которые, даже после их избиения во времена походов Тамерлана и полчищ татаро-монгольских орд, оставались одним из многочисленных народов не только Кавказа, но и всего Евразийского пространства, значит выдавать желаемое за действительное. То же самое относится к древним тюркам, которые в «одночасье» «сохранились» в рамках Центрального Предкавказья. Такую трактовку истории алан и древних тюрков, так же как карачаево-балкарцев и осетин, и их государственных можно отнести к паранаучным «изыскам», нежели к научным.

Для достоверного и научно обоснованного исследования адыгской, карачаево-балкарской, осетинской истории позднего средневековья необходимо выявление источников не только в русских, но также в турецких, грузинских и других архивах. А до этого нам придется пользоваться источниками, из которых мы можем черпать сведения об истории данных народов лишь второй половины XVI в.

В этом отношении экстраполяция сведений XVI в. на более ранние периоды истории или «утвердительно» конструирование по данным археологии и этнографии языка, этногенеза, этнической и социальной истории названных выше народов при отсутствии исторических источников - дело неблагодарное и уязвимое в научном плане.

Более или менее лучше положение обстоит с источниками по кабардинскому народу, раннегосударственные образования которого в силу своей численности и уровню социально-экономического развития играли важную роль в установлении связей с Московским государством, Крымским ханством и др. По другим народам Центрального Предкавказья русских источников XVI-XVII вв. выявлено немного.

Тем не менее, карачаево-балкарцы, осетины, находившиеся на том же

уровне раннегосударственного, раннефеодального развития, что и карбардинцы, судя по турецким и западноевропейским источникам, играли немаловажную роль в региональной и международной политике, что подтверждается данными источников XVIII – самого начала XIX в., географических карт (картуш султана Мехмеда III 1595-1603 гг., итальянские карты 1611, 1631-1652, 1688 и др.). При этом заметим, что многие карты составлялись долго и, как правило, с использованием более древних карт, то есть время составления и опубликования карт не совпадали. Так обстояло, например, с картой Сансона, который жил в 1600-1667 гг., тогда как, составленная им карта была опубликована в 1688 г. Необходимо также отметить, что карачаевцы и Карачай наносились на карты позднего средневековья начиная с XVI по XIX вв. в форме аланс-карачолс, Карачи, карачиолис, герач-халк, Карачай и др., охватывая почти все Центральное Предкавказье в XVI-XVII вв. и верховья Кубани и Малки и некоторых их притоков в XVIII-XIX вв. К ним же можно отнести сведения авторов, в основном турецких, второй половины XVI в. (Мустафа Али Эфенди и Юсеф Челеби – не путать с Эвлия Челеби, жившего веком позже). Все эти материалы, которые в основном связаны с карачаевцами, готовятся к печати, и было бы не этично со стороны автора данных строк освящать их до их опубликования коллегой – историком.

Турецкие, русские и грузинские источники XIV-XVIII вв. (в основном из собрания Российского государственного архива древних актов – РГАДА и Российского государственного военно-исторического архива – РГВИА, Архива Башбакан Аршак (Турция), Архива древних рукописей (Грузия)) активно привлекались исследователями, занимавшимися историей народов Северного Кавказа и Закавказья, а также их связями с Россией. Начало их публикации было положено работой Кавказской Археографической комиссии, опубликовавшей с 1866 по 1904 гг. двенадцать томов архивных материалов¹. Ряд важных документов собрания Московского архива министерства иностранных дел (ныне в собрании РГАДА) был опубликован С.А. Белокуровым в 1880-е гг.² Ряд других материалов увидел «свет»

¹ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1866-1904. Т. I-XII.

² Белокуров С.А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарова в Дадрианскую землю (1639-1640 гг.) // ЧОИДР. 1887. Кн.2; Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива министерства иностранных дел. М., 1889. Вып. I. 1578-1613.

в серии «Русская историческая библиотека» и в изданиях Русского исторического общества и Общества истории и древностей российских³. Продолжилась эта работа и в советский период. М.А. Полиевктов опубликовал статейные списки русских послов в Грузию (1640-43 и 1650-52 гг.)⁴. С 1940-х гг. исследованием русских средневековых документов по истории народов Кавказа активно занималась Е.Н. Кушева. Итогом ее работы стали три сборника архивных документов и капитальная монография, значение которой не утрачено и в настоящее время⁵. Аналогичные сборники документов по истории русско-осетинских, русско-дагестанских, русско-чеченских и русско-ингушских отношений публиковались и другими исследователями⁶.

В то же время, турецких (в особенности), русских (в меньшей степени) и грузинских (в большей степени) средневековых источников по истории кабардинского, карачаево-балкарского, осетинского и других народов выявлено очень мало.

Известные упоминания, например, карачаевцев и балкарцев в русских документах содержатся в отписках воевод Терского городка и Астрахани, а также в «грузинских делах».

³ Донские дела // РИБ. Т.26. СПб., 1909 (о ногайцах и других народах Северного Кавказа); Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией // Сборник РИО. Т.41. СПб., 1912; Дела греческие, ногайские и грузинские // ЧОИДР. 1918. Кн.1.

⁴ Полиевктов М.А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650–1652 гг. Тифлис, 1926; Он же. Посольство кн. Мышечкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640–1643 гг. Тифлис, 1928.; Он же. Экономические и политические разведки Московского государства на Кавказе. Тифлис. 1932.

⁵ Русско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. Т. I–II. Под ред. Е.Н. Кушевой, Т.Х. Кумыкова. Сост. Е.Н. Кушева, Н.Ф. Демидова, А.М. Персов. М., 1957; Русско-дагестанские отношения в XVII–первой четверти XVIII в. Документы и материалы / Ред. Е.Н. Кушева, Г.Д. Даниялов, М.М. Ихиллов, О.А. Блюмфельд. Махачкала, 1958. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI–30-е гг. XVII века. М., 1963; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв. Сборник документов / Выявление, составление, введение, комментарии Е.Н. Кушевой. М., 1997.

⁶ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.1–3. Махачкала, 1940; Смирнова Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Орджоникидзе, 1984; Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI–начале XX в. Махачкала, 1988. Часть этих документов переиздана в кн.: Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Кн. первая. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. / Под общ. ред. д.ю.н. Г.Л. Бондаревского и к.ю.н. Г.Н. Колбая. М., 1998.

Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волковой отмечена слабая изученность письменных источников относительно средневековой истории осетин, карачаевцев и балкарцев⁷. Так, о балкарцах наиболее раннее упоминание содержится в отписке терского воеводы И.А. Дашкова (1629 г.)⁸. Другие сведения о них и карачаевцах содержатся в русских документах 1636, 1639-40, 1643, 1650-52, 1655, 1657-55 и ряда других годов⁹. Русских документов XVI в., касающихся карачаевцев и балкарцев, пока не обнаружено, что же касается турецких и грузинских источников, то они, кроме вышеупомянутых, никогда не привлекались и не исследовались.

Представляется не только возможным, но и необходимым проведение работы по выявлению и публикации турецких, русских и грузинских средневековых источников, касающихся истории осетинского, карачаевского и балкарского народов, а также их взаимоотношений с Российской и Османской (Турецкой) империями и грузинскими царствами, княжествами и владениями. Несмотря на то, что фонды РГАДА и РГВИА обследовались Е.Н. Кушевой и другими исследователями, есть основания полагать, что подобные материалы содержатся в них.

Одними из важнейших русских источников, содержащих сведения о Северном Кавказе, являются отписки воевод Астрахани и Терского городка. На настоящий момент выявлено и опубликовано небольшое количество этих документов, в то время как подобные отписки поступали в архив Посольского приказа десятками¹⁰. Также опубликованы далеко не все отписки и статейные списки русских послов в Грузию в XVII в.¹¹ В целом, поиск в фондах РГАДА, РГВИА, в особенности в фондах Грузии документов XIV-XVIII вв. об истории осетинского, кабардинского, карачаевского и балкарского народов сулит определенные перспективы. Относительно XIV-XV в. обнаружение подобных

⁷ Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX вв. Народы Кавказа. Вып. 1. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVII. М., 1993. С.42.

⁸ Русско-кабардинские отношения... Т. I. С.170; см. также Малкондуев Х.Х. К вопросу о самоназвании карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. С.110-137.

⁹ Русско-кабардинские отношения... Т.1. С. 120-122, 125, 222, 407; Народы Кавказа. Т. 1 / Под ред. М.О. Косвенко, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсевова, Х.О. Хашаева. М., 1960. С. 349-351; Т. 1. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967. С.231.

¹⁰ Опись архива Посольского приказа 1673 г. / Подг. к печати В.И. Гальцов, под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. С. 321-322, 328, 356 и др.

¹¹ Там же. С.316-325.

документов допустимо разве что в турецких архивах, в турецких посольских книгах и описаниях народов Северного Кавказа, в грузинских рукописях, но касательно XVI-XVIII в. находки новых источников вполне ожидаемы.

В русских же фондах, например, Российского военно-исторического архива (РГВИА) содержатся документы касательно истории народов Кавказа со второй половины XVIII в. Из других центральных архивов русские материалы по истории карачаевцев и балкарцев в XVI-XVII вв. может содержать только Санкт-Петербургское отделение Института истории (коллекция Н.П. Лихачева).

Таким образом, в фондах РГАДА, Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), а также в Государственном архиве древних рукописей Республики Грузия и Архиве правительства Башбакан Аршак Республики Турция, по предварительным сведениям, содержатся сведения о народах Северного Кавказа не только отмеченного нами времени, но и более раннего периода.

Документы по данной теме могут содержаться в следующих архивных фондах:

Ф. 101. Сношения России с Андреевской деревней (Эндери, Северный Дагестан). XVII в.

Ф. 110. Сношения России с Грузией. 1586—1721 гг.

Ф. 111. Донские дела. 1594—1768 гг.

Ф. 115. Сношения с Кабардой, черкесами и другими народами Кавказа. 1578—1720 гг.

Ф. 121. Кумыцкие и Тарковские дела. 1614—1719 гг.

Ф. 123. Сношения России с Крымом. 1474—1718 гг.

Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. 1489—1665, 1700 гг.

Ф. 138. Документы о Посольском приказе (архивное включение дел Посольского приказа). XVI в.

Ф. 141. Приказные дела старых лет. XVI—XVII вв.

Ф. 159. Приказные дела старой разборки. XVI—XVII вв.

Архив древних рукописей Грузии.

Архив правительства Турции (Башбакан Аршак, г. Стамбул).

Возможно, что поиск материалов в указанных фондах выведет и на другие фонды не только указанных архивов.

В связи с вышеотмеченным, для преодоления спекулятивных

утверждений о времени формирования и территории расселения народов Северного Кавказа, крайне необходимы не только выявление документов, но и критические комментарии к ним. Актуальность такой работы очевидна ввиду того, что подобная работа по данным грузинских, турецких и русских авторов в отношении карачаевцев и балкарцев, осетин (и не только их) практически не проводилась.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1866-1904. Т. I-XII.

Анчбадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX вв. Народы Кавказа. Вып. 1. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVII. М., 1993.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI-30-е гг. XVII века. М., 1963.

Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.1-3. Махачкала, 1940.

Опись архива Посольского приказа 1673 г. / Подг. к печати В.И. Гальцов, под ред. С.О. Шмидта. М., 1990.

Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы. Т. I-II. Под ред. Е.Н. Кушевой, Т.Х. Кумыкова. Сост. Е.Н. Кушева, Н.Ф. Демидова, А.М. Персов. М., 1957.

Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII вв. Сборник документов / Выявление, составление, введение, комментарии Е.Н. Кушевой. М., 1997.

М.Дж. Мекерова
г. Карачаевск

О ТЮРКСКОМ ЭТНИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ АЛАНСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

Вопрос о древности и значимости тюркских племен на Северном Кавказе является одним из самых спорных в современной науке. Сложившиеся исторические представления сводят этническую принадлежность аланского общества к ираноязычным племенам и нескольким абorigенным этносам. Известный специалист в области аланской истории В.А. Кузнецов полагает, что к I в. н. э. «сираки, аорсы и другие сарматские племена слились в одно этнополитическое объединение под новым и общим для всех именем аланы»². Своё утверждение исследователь основывает на свидетельстве Аммиана Марцеллина о том, что аланы, «ослабив соседние племена частыми набегами, стянули их под одно родовое имя»³. Термин «алан» трактуется Кузнецовым как собирательное название сарматских племен благородного или социально доминирующего происхождения на основе отождествления слов «arya» и «alan».

Надо отметить, что В.А. Кузнецов следует давно устоявшейся в науке традиции, родоначальником которой стал известный востоковед Ю. Клапрот. Но ведь толкуется сам этноним «алан» с тюркских языков и означает «долина», «степь». Небезынтересно также то, что алан на монгольском значит «горец». Подобные этимологии указанными

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Жречество и шаманизм в языческих культурах Северного Кавказа») проект № 07-03-30201 а/Ю

² В.А. Кузнецов. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992.

С. -19

³ Там же

авторами даже не рассматриваются. Предположения данного автора о том, что христианские храмы Западной Алании принадлежали этническим предкам осетин, было развито в работах В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Е.П. Алексеевой и др. В результате создается впечатление, что этнический состав Алании был однородным и сплошь ираноязычным. Однако, как повествуют античные историки, еще до объединения сарматских племен на данной территории обитали аборигенные племена, история которых уходит в кобанскую культуру.

Обратимся к описанию сарматских племен в произведении римского географа Помпония Мела (I в. н. э.) «Землеописание»: «Его (Танаиса) берегами и прибрежными местностями владеют савроматы, одно племя, но разделенное на несколько народов с разными названиями: меотиды женовладеемые занимают владения амазонок... Будины населяют деревянный город Гелоний. В близком соседстве тиссагеты и турки...»⁴. Для достаточной достоверности убедимся в реальности вышеназванных народностей. Традиционно эпитетом «женовладеемые» античные авторы обозначали савроматские племена, подчеркивая матриархальный аспект социального устройства, но в данном случае подразумеваются меоты. Большинство исследователей склонны считать меотов Прикубанья предками адыгов. Скорее всего, Помпоний Мела описывает ассимилировавшее с сарматскими племенами меотическое население. Будины или «фтейрофаги» (фтейротрагеуси), упоминаемые Геродотом, Плинием и Птолемеем, народ, который «питается сосновыми шишками»⁵, обитает, согласно Помпонию Мела «в деревянном городе». Надо полагать, что кавказский Питиунт - «город сосновых шишек»⁶ - и есть «деревянный город» римского географа. У Птолемея за племенем фтейрофагов и меотов следуют земли «тирамбы, потом астуриканы...»⁷. Возникает вопрос, что это за народность турки - астуриканы? Согласно И.М. Мизиеву, с позиции тюркских языков народность турку или тургу восходит к скифской легенде о Таргитае и может означать «народ Тарги» (Тургу или Турку). «В связи

4 Помпоний Мела. «Землеописание» / Пер. В.В. Латышева / В кн. «Античные источники Северного Кавказа» - Нальчик, 1990. С.-100

5 Античные источники о Северном Кавказе. - Нальчик, 1990, С.-218

6 Веляев В.Ф. К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима ΡΗΤΗΙΡΟΦΑΓΟΙ / УЗ КВНИИ. Т. 18. Серия филолог. - Нальчик, 1961. № 3. С.-105

7 Клавдий Птолемей. «Географическое руководство»/ Пер. И.П. Цветкова, П.И. Прозорова / В кн. «Античные источники Северного Кавказа» - Нальчик, 1990. С.-147

с именем Таргитай очень важно учитывать, что слово «тарх» / «тарг» на тюркских языках означает «кровный родственник», «единокровный», «соплеменник»⁸. Если учесть, что слово «ас» или «аш» с тюркского трактуется как «сущность», «человек», то можно предположить, что речь идет о тюркской народности, имеющей «кровную связь» со скифскими племенами. По мнению В.И. Яйленко, асии – азианы Страбона и Трога «идентичны правившему у тохаров роду Ашина, аланскому по происхождению, тогда как сами тохары были тюрками»⁹. Аланское происхождение рода, именовавшего себя по имени мифического первопредка тюрков Ашина, вызывает сомнение. Скорее всего, мы имеем дело с миксацией ираноязычного племени с тюркским, в результате которого произошло взаимное влияние сакрально-религиозного базиса.

В этой связи интересна работа А.Х. Кубанова «Ассия и Асгард на Кавказе», где автор приводит свидетельство историка XI в. Леонти Мровели о хазарском нашествии: «Хазары освоили оба пути, как-то: Морские ворота Дарубанди и ворота Араговские, которые суть Дариала. Стали частыми походы хазар, увод людей в плен, и никто не мог им противостоять. Отныне стали все Таргамосианы данниками хазар...»¹⁰. Вновь появляется легендарное имя Таргитайа в совокупности с «осианами» как наименование кавказских народностей. Напомним, В.А. Кузнецов считает, что «ас – самоназвание алан», предков современных осетин, которые, тем не менее, своих западных соседей балкарцев и карачаевцев называют «аси», а местность Ассией. А. Х. Кубанов в свою очередь указывает, что название «асы» / «азы» закрепилось за карачаево-балкарцами в связи с применением этого этнонима к тюркскому населению. Заметим также, что арабский историк Ибн-Даста в X в., описывая земли хазар, говорит о народе «тулас», обитающем «в отдаленнейших окраинах» «великих гор» Кавказа. Термины «тулас» и «таулас», по мнению А.Я. Гаркави, равнозначны и сводятся к общему тюркскому корню «таули» – горец.

Персидский историк Йезди¹¹ в XIII веке повествует о повелителе на-

8 И.М. Мизиев. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик. 1986. С.-43-45

9 В.П. Яйленко. Правящий тюркский род Ашина: истоки и продолжение / Элита и этнос средневековья. – М., 1995. С.-65-66

10 А.Х. Кубанов. Ассия и Асгард на Кавказе.– М.-Ставрополь, 2004. С.-15

11 Шереф ад-Дин Али Йезди. Книга побед. «Сб. материалов относящихся к истории Золотой Орды», т. II. –Москва, 1944. С.-181-183

рода асов Буриберди, против которого направил свои войска Тамерлан. Имя асского правителя несет тюркскую этимологию и переводится как «дар волка». Подобное наименование имело описательный характер и отражало общественное положение человека. Для тюркских народов тотем волка был священен, правящие династии восходили по генетической родословной к прародителю Ашина, вскормленному волчицей. Более того, он должен был совмещать роль высшего лица, обличенного как светской, так и духовной властью, выполняя роль верховного служителя культа – жреца. Историк повествует, что разгромив асов, Тамерлан направился к крепости Пулат, где находился Утурку - один из князей Джучиева улуса. Согласно Йезди, страна асов находится в верховьях Кубани, непосредственно в районе Эльбруса. Писатель XIV в. Абульфеда также упоминает асов, наряду с аланами, называя первых тюрками.¹²

Обратимся к мифологическому и религиозному наследию тюркоязычных народов Северного Кавказа для определения этнических аспектов генетической взаимосвязи древних асов и современных карачаево-балкарцев. Предания сакрально-мифологического характера, являясь отражением архаического мировоззрения, позволяют выявить наиболее яркие и жизнеспособные элементы космологических представлений этноса, которые через столетия доносят «священную» догматику. В этом ряду в первую очередь необходимо отметить присутствие в иерархии божеств карачаево-балкарцев образа Аштотура, божества огненной стихии, причем связанного с каменной природой. Кроме того, Аштотур являлся покровителем волков и помощником бога охоты Апсаты. Обращаясь с молитвой, тюрки Кавказа просили у данной сущности покровительства и огня следующим образом:

«Тотур ташда,
Аштотур ташда –
От, от, от!
От, от, Аштотур!
Бол, Бол, Аштотур!
Болмай эсенг, ёлебиз,
Сени Аман кёребиз!
От, от, от!»¹³

«Тотур в камне,
Аштотур в камне -
Огонь, огонь, огонь!
Огонь, огонь, Аштотур!
Снизойди (случись) Ашторур!
Если не придешь, умрём,
Тебя проклянем (отринем)!
Огонь, огонь, огонь!»

¹² В.А. Кузнецов. Аланы и асы на Кавказе / Древности Северного Кавказа. – Москва, 1999.С.-179

¹³ М.Ч. Джуртубаев. Карачай-Малкър мифле. – Нальчик, 2007. С.-342

Другое божество Аш-Элия (Ач-Элия) являлось олицетворением громовержца и имело дублирующее мифологическое имя Шибла (Шибла), символизирующее молнию. Данная сверхъестественная сущность синтетически воплощала небесную энергию, силу, способную повергать и уничтожать. Карачаево-балкарцы убитого молнией почитали как святого, если же человеку удавалось выжить, то он обретал ореол «богоизбранности», иницируясь в служение божеству. Для синдо-меотских этносов, в частности для адыгов, божество Шибла или Еллэ имеет практически идентичное значение, однако только у карачаево-балкарцев оно именуется Аш-Элия.

Приставка «аш», восходящая к асской основе означает, по всей видимости, метафизическую сущность, «дух». По мнению М.Д. Каракетова, понятия ас, асы связаны с «традиционными представлениями карачаевцев и образуются из общетюркских религиозных терминов аззы – покровители (хозяева, двойники) природных объектов». ¹⁴ Применение термина «ас» / «аз» / «аш» к сущностям небесного порядка говорит об универсальном характере понимания сверхъестественных сущностей как «господствующих», «управляющих» сил. В карачаевской мифологии термином Ассы-Къачы также обозначался злой дух, покровитель промежуточной полосы Ассы-Къаты, отделяющей мир умерших предков от подземного мира Ашхара. ¹⁵ Последний, судя по значению, определялся как место последнего и окончательного (ахыр) пристанища духов – покровителей. Таким образом, понятие «ас» отражает архаическую метафизику космологических представлений тюркского населения Северного Кавказа. Это является признаком возможной идентичности древних асов с предками современных карачаево-балкарцев, входивших, согласно историческим свидетельствам, в состав аланских племен и впоследствии создавших свою государственность.

При этом известно, что происхождение алан и асов связывают со скифским миром. Однако в отношении самих скифов мнения известных специалистов всегда были неоднозначными, и в определенный период перевес даже был на стороне тюркоязычности как минимум царских скифов. Следует сказать, что многие известные ученые, крупные авторитеты в античной истории и скифологии еще до революции считали, что скифы были не однородны, и уже в их среде были

¹⁴ Там же. С.-274

¹⁵ М.Д. Каракетов. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. – М., 1995. С.-272

тюркоязычные племена, коими они, прежде всего считали царских скифов. В этом плане следует отметить труды выдающегося русского ученого Ф.Г. Мищенко, который царских скифов Геродота относил к тюркским народам. Ф.Г. Мищенко провел тщательный анализ источников и этнографии скифов, на чем и построил свое мнение¹⁶. Даже сам В.Ф. Миллер сомневался в полной ираноязычности скифов¹⁷. В связи с этим нельзя не привести сообщение арабского историка Абульфеды, который пишет, что «...к востоку от абхазов, на берегах моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет... аланы – суть тюрки, которые приняли христианство. Аланы в большом количестве обосновались в этой стране так же как к западу от Ворот Ворот. Поблизости живет народ тюркской расы по имени аль-Ас, который имеет тот же образ жизни и ту же религию, что и аланы ...»¹⁸. В. Абаев это сообщение посчитал за сообщение не об аланах и асах, а о карачаевцах и балкарцах, которые к тому времени уже, якобы вытеснили ираноязычных алан из ущелий. Вряд ли такая точка зрения приемлема. Тем более, что и позже мы имеем большое количество сообщений об аланах и асах, точно совпадающих с сообщением Абульфеды.

Эти прогрессивные идеи в скифологии, незаслуженно забытые, вновь приобретают популярность в научной среде, видимо, ввиду того, что многие ученые понимают всю тенденциозность старого подхода, когда не учитывался колоссальный материал, который говорил о тюркоязычном прошлом в Восточной Европе в скифо-сарматскую эпоху.

¹⁶ А.А. Нейхардт. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л. АН СССР. 1982. с. 80–88.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Géographie d'Aboulféda. Texte arabe. Par M.Reinaud. Paris. 1840.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Античные источники о Северном Кавказе. – Нальчик. 1990.

Джуртубаев М.Ч. Карачай-Малкъар мифле. – Нальчик, 2007.

Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. – М., 1995.

Кубанов А.Х. Ассия и Асгард на Кавказе.- М.-Ставрополь, 2004.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ. 1992.

Кузнецов В.А. Аланы и асы на Кавказе //Древности Северного Кавказа. – Москва. 1999.

Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. - Нальчик. 1986.

Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. - Л. АН СССР. 1982.

Шереф ад-Дин Али Йезди. Книга побед. //Сб. материалов относящихся к истории Золотой Орды, т. II. – Москва. 1944.

Яйленко В.П. Правящий тюркский род Ашина: истоки и продолжение / Элита и этнос средневековья. – М., 1995.

Г.М.-Р. Оразаев
г. Махачкала

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВОПРОСЫ АРХЕОГРАФИИ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XVIII В.

Цель настоящей статьи – дать обобщенную характеристику палеографических особенностей тюркоязычных документов эпистолярного жанра из архива Кизлярского коменданта, хранящегося в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД). Описание проводится нами по определенной схеме, разработанной на практике. Ниже приводится схема описания документов в обобщенном виде.

Адрес

Все описываемые документы являются памятниками частноделовой переписки и выявлены нами в архиве Кизлярского коменданта, который с 1962 года хранится в ЦГА РД в г. Махачкале – фонд № 379 «Кизлярский комендант». Этот фонд обработан сотрудниками архива: разделен на 7 описей, а каждая опись содержит разное количество архивных дел. Так, опись №1 насчитывает 1238 дел, а остальные – меньше. В каждом архивном деле хранятся материалы, снабженные по листной пагинацией.

Эти архивные документы представляют собой подлинники XVIII века или современные документам копии. Большая часть документов на русском языке, написана скорописью XVIII в. Имеются материалы и на других языках (персидском, армянском, калмыцком и др.). По количеству на втором месте после русскоязычных находятся тюркоя-

зычные документы. Последние, как правило, не имеют заглавий, так как представляют собой главным образом материалы эпистолярного характера (письма), написанные от имени одного или нескольких лиц, а то и целого общества. В подавляющем большинстве случаев они не содержат даты.

Характеристика бумаги

Тюркоязычные письма составлены на бумагах, в основном, двух видов: 1) российского фабричного или мануфактурного производства XVIII века; 2) восточного производства из стран Ближнего и Среднего Востока. Весьма редко встречаются образцы бумаги местного дагестанского происхождения. Российская бумага обычно тонкая или средней толщины, плотная, на свет обнаруживается сетка и водяные знаки (филигрань) одновременно, или только сетка, или только водяные знаки, изображающие эмблему мануфактуры – производителя бумаги. Восточная же бумага грубого производства, на ощупь шероховатая, но иногда лощеная, не одинаковой толщины и не содержит водяных знаков. Среди этого типа, видимо, можно выделить и бумагу западного (европейского) производства, попадавшую на Северный Кавказ и в Дагестан через Крым, Турцию, Дербент, Кизляр. К примеру, в «регистре», составленном сержантом И. Коротковым в конце 1766 г., среди списка вещей, разграбленных «Большой Кабарды владельцем Бекмурзюю Хомурзиным» значится, в числе прочих вещей, «пищей¹ бумаги немецкой»².

Документы архива позволяют, однако, констатировать, что в качестве писчего материала особой популярностью в Дагестане пользовалась бумага российского производства (чаще всего – из ярославских бумагоделательных предприятий), которую дагестанцы и другие народы Северо-Восточного Кавказа обычно приобретали в Кизляре, являвшемся в тот период южным форпостом российской административной и политической власти.

Размеры документов

Размеры листов бумаги самые разнообразны: от крохотных писем-записок до довольно больших. Например, письмо от князей Чеченско-

¹ То есть, «писчей».

² ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.638. Л.31 об.

го владения, отправленное в 1756 году, написано на двух листах размерами 29,5 x 20 см. и 32 x 20,5 см.³

Количество строк на странице

Количество строк зачастую не зависит от размеров листа, т.к. нередки случаи, когда на большом листе бумаги содержится текст лишь в несколько строк, а большая часть листа остается без записей, образуя пустые поля. Но встречаются письма, составленные в несколько десятков строк, к тому же дополненные текстами на боковых и нижних полях. К примеру, упомянутое письмо от князей Чеченского владения составлено на трех больших страницах, заполненных «до отказа» – всего 78 строк.

Длина же строк самая разнообразная и зависит от размера листа. Часто оставляются поля на левых или правых краях, иногда на обоих боковых краях одновременно. В зависимости от протяженности текстов писем, остаются более или менее широкие поля также в нижней части.

Одной из характерных особенностей тюркоязычной корреспонденции Северного Кавказа является наличие арабского слова «хува» (в тюркской модификации: «хюве») в самой верхней части письма, после которого оставляется пустое пространство шириною в 3-7 строк, а затем начинается собственно текст письма. Слово это означает в дословном переводе «Он!» и служит в корреспонденциях, исходящих от мусульманских адресантов, местоименным обозначением божественной субстанции, в смысле: «Сущий» («Всевышний», «Бог»), ставится обязательно в самом начале письма (ханского ярлыка, грамоты), выше начальной строчки.

Текст письма располагается обычно на одной стороне листа. Расположение строк обычно горизонтальное, но концы строк бывают несколько завернуты плавно вверх. Тексты же на полях – это продолжение не поместившегося на основных горизонтальных строчках текста письма или своеобразные постскриптумы (дополнения к письму). Располагаются они под углом в 30°, 45°, 90°, 135°, 180° и т.д. по отношению к основному тексту.

Интервалы между строчками также различны в разных документах.

³ Там же. Д.355. Лл.117-118. Текст письма с нашими комментариями опубликован: Оразаев Г.М.-Р. Документ на старокумыкском языке (1756 г.) // Вести: Кумыкское научно-культурное общество. Махачкала, 2000. Вып.1. С.19-21; Вып.2-3. С.32-35.

Неустойчивость величины интервала между строчками внутри одного и того же документа наблюдается относительно редко. (Если исключить характерный большой интервал между 1-й, на которой имеется только слово «хува», и 2-й строчками). Заметим также, что в тюркоязычных письмах название должности или звания адресата-получателя обычно пишется выше той строки, к тексту которой оно относится.

Чернила

Северокавказские тюркоязычные документы XVIII века написаны чернилами различных оттенков черного цвета: черные, темно-коричневые, бурые, темно-серые. Блеклость чернил отдельных документов объясняется, очевидно, влиянием фактора времени. О химическом составе применявшихся чернил и способах их приготовления у восточных народов хорошо известно в литературе⁴.

Особенности текста

Язык рассматриваемых документов – северокавказский вариант книжно-письменного тюрки, характеристика и общее описание особенностей которого не входят в задачу настоящей публикации⁵. Шрифт арабографический, так называемый *аджам*⁶.

Знаки огласовок, характерные для арабографических текстов на *аджаме*, имеются далеко не во всех случаях. Встречаются тексты вовсе лишенные знаков огласовок (дейкритики) или снабженные ими лишь частично.

Почерк

Все тюркоязычные документы архива Кизлярского коменданта представляют собой рукописные материалы. Созданные самыми разными лицами-писарями, они, естественно, различаются по почерку. Наиболее часто встречаются рукописи, созданные почерками *наسخ*, *рук'и*, *наста'лик* и *фариси* (или *шикестё*). Встречаются смешан-

⁴ См.: Абу-л-Фазл Хубайш Тифлиси. Описание ремесел / Пер. с перс. Г.П. Михалевич. М., 1976. С.97-100, 172, 180=182.

⁵ См.: Благова Г.Ф., Наджип Э.Н. Тюрки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.525; Оразаев Г.М.-Р. «Северокавказский тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков XVI- XIX вв. // Сов. тюркология. Баку, 1987. №3. С.47-52.

⁶ Аджам – письменность на неарабских (иранских, тюркских, дагестанских и пр.) языках с использованием букв арабского алфавита.

ные виды почерков, напр., *наста'лик* с элементами почерка *шикесте*.

Особенности документа, бумаги.

Встречающиеся дефекты

Ввиду того, что описываемые документы прослужили в свое время в качестве письменных корреспонденций, листы бумаги сохранили до сих пор следы изгибов от их сложения в виде почтовых отправлений. Таким образом, следы изгибов образуют на листе несколько прямоугольников; одна из «площадей» этих прямоугольников бывает обычно не совсем чистой, это внешняя сторона, загрязнившаяся, очевидно, от пыли на почтовых трактах или от частого нахождения в руках почтовых гонцов и от других причин. Именно на этом прямоугольнике внешней стороне письма находится запись, которой указываются адресат (получатель) и отправитель.

Время наложило на эти документы свои отпечатки: некоторые из писем ныне выглядят поблекшими, чернила просветлели, а бумага, особенно по краям, пожелтела, некоторые листы имеют желтые или бурые пятна, иногда заметны обветшавшие места. К сожалению, архивные работники, при обработке материалов фонда, обрезали края многих писем. Видимо, это были обветшавшие края; однако же прихвачены порою и тексты; по этой причине, часть некоторых текстов, к большому сожалению, оказывается ныне утраченной.

Отправители писем

Тюркоязычные письма, хранящиеся в архиве Кизлярского коменданта, подписаны именами самых разных лиц. Так, в качестве отправителей (адресантов) упомянуты имена людей из многих мест Северного Кавказа и Дагестана: аксаевских, андреевских (эндиреевских), костековских, брагунских, алдинских, девлетгиреевских, гребенчуковских, шалинских, топлинских, чахкеринских, атагинских, кумторкалинских, чеченских, буйнакских, казанищенских, дженгутаевских, канабурских владетелей (беков-князей), старшин, кадиев; Тарковских шамхалов, их жен, матерей, визирей и других знатных людей; владетелей Большой и Малой Кабарды; крымских ханов; кубанских сераскеров; турецких султанов; едисанских, джембойлукских и буджакских мурз; кайтакских уцмиев и других владетелей; табасаранских кадиев и майсумов; дербентских султанов и жителей – дербентцев; ногайских

мурз, старшин-картов и кадиев; андийских «шамхалов», старшин и кадиев; старшин Амирханова брода; оконченских кадиев и мулл; кизлярских жителей – тезиков; калмыцких ханов; «окоченной татарки»; горячевского джамаата; гехинских старшин, кадиев и жителей... Изредка встречаются также письма от имени Кизлярского коменданта к местным жителям, владельцам-князьям, написанные по-тюркски (на «татарском диалекте»).

Таким образом, в качестве адресантов фигурируют как отдельные лица, так и весь коллектив, общество (*джамаат*) какого-либо квартала или села. Иногда же несколько лиц из разных мест пишут одно общее коллективное письмо. Например, письмо, присланное кизлярскому коменданту в 1782 г. от имени эндиреевских владельцев Темира сына Хамзы, Алисолтана сына Канболата и костековского владельца Хамзы сына Алиша⁷. Имя отправителя, а иногда и его социальный статус указываются в самом конце писем. (Ниже приводим примеры в виде облегченной их транслитерации, а также в переводе на русский язык).

Вот несколько образцов:

Чечан беги Айдамир оглы Арсланбек-бек «Князь Арсланбек, сын князя Чеченского владения Айдемира»⁸.

Или: *Кичибике бинт Султанмахмуд саййид. Балдат Йахсай.* «[Княжна] Гичибийке дочь Солтанмахмуда-сеййида. Город Яхсай»⁹.

Или же: *ал-мухлис Месеј бике. Дагыстан* «Искренне [Ваша] Месејбийке. Дагестан»¹⁰.

Адресаты (получатели писем)

Подавляющее большинство тюркоязычных писем адресовано на имя Кизлярского коменданта или заменяющего его лица. Именно поэтому и сохранилось в архиве большинство писем: они попадали в канцелярию коменданства Кизлярской крепости, в которой исправно служило русское чиновничество и которое фиксировало поступившие письма, проводило первичную обработку писем и, наконец, осуществляло их хранение в канцелярском архиве. Писем же, адресованных другим лицам, в рассматриваемом нами архиве сохранилось крайне мало. Очевидно,

7 ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1170. Л.109. (Здесь и далее тюркоязычные и арабоязычные тексты приводятся нами в облегченной транскрипции с арабского шрифта на кириллицу).

8 Там же. Оп.1. Д.354. Л. 18 (1756г.).

9 Там же. Л.2 (1756 г.).

10 Там же. Л. 104 (1756 г.).

и эти сохранившиеся «чужие» письма попадали в канцелярский архив весьма нерегулярно, а лишь иногда и случайно. Например, в фонде имеется письмо, написанное от имени эндиреевского владельца Темира сына Хамзы, кадия Ахмада, старшин Шавлуха, Аджа и Хасболата на имя армянских купцов Гургена и Степана, 1772 г.¹¹ В другом месте упоминается «письмо татарское», присланное владельцем Большой Кабарды Атажуккой на имя владельца Малой Кабарды Келемета, 1783 г.¹²

Таким образом, материалы рассматриваемого архива позволяют констатировать с большей или меньшей уверенностью, что переписка местных жителей на тюркском языке велась не только с представителями русской администрации, но и между собой. Языком деловой письменности в Северо-Восточной части Северного Кавказа в XVIII в. был главным образом тюркский, а изредка также арабский, персидский.

Датировка

Дату, естественно, следует искать, в первую очередь, в самом тексте письма. Но, к сожалению, далеко не всегда она бывает проставлена. Хотя для примера можно привести несколько датированных текстов:

Мах джумедил-эввел 2 сене 1132 «2-й [день] месяца джумадиль-авваль 1132 года [хиджры]». (В письме от брагунского владельца Мундарбека сына Кучука на имя генерал-лейтенанта А.П. Девица, 1750 г.)¹³.

Или имеется просто указание только года: «1169 [год хиджры]». (В письме от супруги Тарковского шамхала Хасбулата Месей-бийке на имя Кизлярского коменданта И.Л. фон-Фрауендорфа, 1756 г.)¹⁴.

Тексты же тюркоязычных документов, исходящих от имени русских властей, всегда содержат датировку по христианскому или же по мусульманскому летосчислению. Таково, например, письмо топлинскому владельцу Хаспулату сыну Алибека, написанное по-тюркски, от имени Кизлярского коменданта Ивана Вешнякова 26 августа 1783 года. Она содержит дату по хиджре: *мах шеввал 8 паем сене 1197* «Месяца шавваль 8-й день 1197 года»¹⁵.

¹¹ Там же. Д.853.Л.38(1772г.).

¹² Там же. Д.203. Л.25.

¹³ Там же. Д.354. Л. 104.

¹⁴ Там же. Д.1196. Л.36.

¹⁵ Характеристику внешнего и внутреннего содержания русских переводных документов XVIII века см. в нашей монографии: Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Махачкала, 2002. С.106-116.

Вторым важным ориентиром для датировки являются оттиски личных печатей отправителей писем или других лиц, печати которых проставлены на документе.

Как правило, легенда печати содержит дату по хиджре. (Хотя не всегда, иногда в ней бывает указано лишь только имя хозяина печати). Однако следует иметь в виду то обстоятельство, что в легенде указывается обычно дата изготовления личной печати. Поэтому дата, содержащаяся на печати, далеко не всегда может быть датой написания данного документа, на котором имеется отпечаток печати. Дата в легенде печати может служить источниковеду лишь в качестве *terminus post quem*, т.е. указанием времени, после которого создан данный источник.

Третий датирующий признак – палеографические особенности бумаги, на которой создан документ.

Четвертое немаловажное обстоятельство, которое помогает в датировке документов рассматриваемого архива, то, что весь документальный материал фонда «Кизлярский комендант» распределен по архивным делам почти в строгом хронологическом порядке. Каждое из архивных дел содержит материалы определенной ограниченной хронологической рамки, которая указана в наименовании дела. Например, ЦГА РД. Ф.37. Оп.1. Д. 130: «Переписка коменданта...», 5-26 февраля 1746 г., 104 лл.; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.827: «Указы императрицы, инструкция о карантинном смотре... Именной список, поданный ногайскими старшинами», 30 января – 16 февраля 1772 г., 127 лл.; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.115: «Рапорт, донесения Астраханской губернской канцелярии...», 8 января – 12 дек. 1746 г., 130 лл.; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.675: «Журнал регистрации входящих писем Аксайских, Брагунских и Кабардинских владельцев...», апр. – дек. 1767 г., 76 лл., и др.

Исходя из этих указаний, с большей или меньшей точностью (с точностью до года или нескольких месяцев) можно датировать тот или иной документ, находящийся в архивном деле. Однако указания даты, имеющиеся в названии архивных дел, могут служить не более чем косвенными датирующими признаками, и ни в коем случае нельзя их брать на веру на все сто процентов. Требуется найти более достоверный датирующий признак. Ведь не исключены случайности, когда какой-либо документ иного времени может оказаться среди архивных материалов, относящихся к тому или иному указанному в названии

архивного дела периода. А такие случаи, хоть и изредка, наблюдаются в делах фонда «Кизлярский комендант».

Пятый весьма важный, хотя и косвенный, датирующий признак – это указание даты в заголовках старых русских переводов, современных оригиналам. В них содержится обычно дата получения того или иного письма, текст которого переводится на русский язык. Следует иметь в виду, однако, что дата поступления письма в комендантскую канцелярию (или дата перевода поступившего туда письма на русский язык) и время написания тюркоязычного оригинала обычно не совпадают. Поэтому ни в коем случае не следует принять дату, указанную в заголовке русского перевода XVIII в., за дату написания оригинала. Ибо после написания письма проходило некоторое время (несколько дней, недели, иногда даже месяцы), прежде чем оно поступало к адресату – получателю. Время это зависело, очевидно, от дальности расстояния от адресанта до получателя. Поэтому, при данном способе датировки документов нужно учесть названное обстоятельство. Тем не менее, этот способ позволяет датировать наши документы с большей точностью, чем при названных выше 2, 3 и 4-м способах.

Однако для применения этого способа датировки, исследователь должен читать как тюркские арабографические тексты, так и русскую скоропись XVIII в., которой написаны старые переводы. Предварительно он должен идентифицировать тюркский текст и его русский перевод, которые далеко не всегда могут быть рядом. По отношению друг к другу они могут находиться иногда рядом, или один в начале архивного дела, а другой в конце, или же наоборот, иногда же могут оказываться в разных архивных делах, или же вовсе отсутствовать, так как не у всех тюркоязычных документов сохранились в архиве их переводные дубликаты.

Можно применять и другие способы датировки.

Итак, каждое из названных нами датирующих обстоятельств имеет свои положительные и отрицательные качества. Поэтому, следует к каждому из них относиться всегда критически. Целесообразнее применять не один какой-либо способ датировки, а комплексные методы исследования. Это дает больше положительных результатов.

Записи и печати на обороте письма

Как было упомянуто выше, на обороте писем находится обычно запись с указанием адресата. Большой частью такая запись представляет собой благожелательное выражение с указанием титула и должности получателя – Кизлярского правителя (коменданта). Обычно это такая формула: *Инша 'аллах Та 'ала, ушбу мектуб 'изетлу ее риф 'атлу Кызлар кал 'асынын хаками йенарал майур хазретлерине вусул бил-хайыр олуна* – «Если пожелает Всевышний Аллах, это письмо благополучно дойдет до достопочтенного и возвышенного правителя Кизлярской крепости – Его превосходительства генерал-майора»¹⁶.

Встречаются и коротенькие записи, например: *Дженарал хазретлерине васыл олуна* «Отправлено Его превосходительству генералу».¹⁷

Или (изредка) указано только имя отправителя письма: *Бенде Бекмурза* «Раб [Божий] Бекмурза»¹⁸.

Вторая основная примечательность оборотных сторон писем – наличие на них чернильного оттиска личной печати отправителя. Причем оттиск печати приурочивается именно к тому месту листа, на лицевой стороне которого написано имя отправителя письма.

По своей внешней конфигурации оттиски печатей имеют разные формы: круглые, овальные, каплевидные, миндалевидные, квадратные, прямоугольные, восьмиугольные и пр. Размеры их небольшие, не более 1 или 2 сантиметров. Они содержат краткие записи, так называемые легенды, на арабском или тюркском языке. Нередко в них имеется также указание какой-либо даты (по мусульманскому летосчислению – хиджре), очевидно, года изготовления перстневой печати. Об этом говорит то, что на документах встречаются оттиски печатей одного и того же лица, но с разными датами. Оттиски печати, к сожалению, не всегда отчетливы, особенно на бумагах с шероховатой поверхностью. Встречаются и весьма отчетливые оттиски, и по ним бывает нетрудно идентифицировать имена их владельцев.

Приведем в качестве образца тексты легенд нескольких личных печатей, оттиски которых обнаружены на обороте одного из писем:¹⁹

¹⁶ ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.596. Л.3.

¹⁷ Там же. Д.354. Л.2.

¹⁸ Там же. Д.1198. Л.134.

¹⁹ Там же. Д.596. Л.3.

- I. Тавакулли 'ила Халики. 'Абдуху Темир бин Хамза
«Мое упование на Создателя. Раб Божий Темир сын Хамзы».
- II. Тавакулли 'ила Халики. Элдархан
«Мое упование на Создателя. Эльдархан».
- III. Тавакулли 'ила Халики. Мухаммад бин Айдамир 1163
«Мое упование на Создателя. Мухаммед сын Айдемира. 1163».
- IV. Ахмадхан бин Кафлан. 1171
«Ахмедхан сын Каплана. 1171».
- V. (Не читается из-за нечёткости оттиска печати).

Как видно из этих характерных текстов, в легендах печатей нередко содержалась формула заверения в благоверности владельца, а также дата и обязательно имя владельца печати.

Что же касается причин, по которым отправители проставляли свои печати, то их было, по нашему мнению, две. Во-первых, оттиск личной печати служил дополнительным заверением своей подписи или своего имени, указанного в документе, который составлен, возможно, другим лицом – профессиональным писарем. Во-вторых, адресант тем самым популяризировал свое имя.

Надо отметить, что не все письма заверены личной печатью. Очевидно, перстневой печатью обладали лица наиболее уважаемые или имеющие в обществе наибольший вес в отношении их социального статуса. Обладание личной печатью было в ту эпоху одним из признаков престижа.

Материалы архива Кизлярского коменданта содержат большое количество данных для изучения позднесредневековой дагестанской, да и всей северокавказской сфрагистики.

Документы свидетельствуют о бытовании на позднесредневековом Северном Кавказе, в частности XVIII в., развитой арабографической письменной традиции и могут представить весьма большой интерес для многих специалистов – исследователей истории, источниковедов, языковедов, культурологов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ЦГАРД. Ф.379. Оп.1. Д.638. Л.31 об.

Оразаев Г.М.-Р. Документ на старокумыкском языке (1756 г.) // Вести: Кумыкское научно-культурное общество. Махачкала, 2000. Вып.1. С.19-21; Вып.2-3. С.32-35.

Абу-л-Фазл Хубайши Тифлиси. Описание ремесел / Пер. с перс. Г.П. Михалевич. М., 1976. С.97-100, 172, 180-182.

Благова Г.Ф., Наджип Э.Н. Тюрки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 525.

Оразаев Г.М.-Р. «Северокавказский тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков XVI- XIX вв. // Сов. тюркология. Баку, 1987. №3. С.47-52.

ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1170. Л.109

Р.Т. Джамбулатов
г. Махачкала

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ В ХАСАВ-ЮРТОВСКОМ ОКРУГЕ

(1916-1926 гг.)

Заселение русскими переселенцами Кавказа было начато Кавказским наместником, князем Воронцовым в середине XIX века. За время его правления (1844-1854 гг.) здесь возникли русские поселения из нижних чинов при штаб-с-квартирах Кавказских войск, а также несколько поселений из переселившихся сектантов. Деятельность царской администрации в этом направлении, столкнувшись с рядом трудностей, которые выразились, с точки зрения царской администрации, в земельной неустроенности в регионе, была приостановлена. Понадобилась разработка и проведение в жизнь большой земельной программы по детальному изучению новых территорий, социально-экономического уклада местного населения и приведения местных отношений в соответствие с российскими порядками¹. Согласно с этим, в Хасав-Юртовском округе была проведена земельная реформа, определившая принципы земельных отношений актом от 5 февраля 1865 года², которая заложила основу для проведения царскими властями переселенческой политики в этом регионе. Проведение реформ требовало от царской администрации освоения новых земель с учётом географических и природно-климатических

¹ Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908 - 1913 года. СПб. 1913, с. 2.

² Сборник Сведений о Кавказских Горцах. Вып. II. Тифлис. 1869. Глава VII, с. 41-50.

условий региона. Центральная власть стремилась втянуть регион в экономическую жизнь страны. К началу XX-го века, когда определенный порядок в земельных отношениях на Кавказе был наведен, царизм приступил к образованию сплошных русских поселений в степных пространствах и на военно-стратегических направлениях Кавказа. Об этом свидетельствует то, что с восстановлением в 1905 году наместничества, русская колонизация Кавказа признана была первостепенной задачей. Начиная с 1905 года, предпринят был ряд мер по приведению в порядок выделенных ранее переселенческих участков, образованных без предварительного выяснения правовых и хозяйственных отношений местного, туземного и русского старожилородного населения. Было произведено обследование экономического положения 81 русского поселка, и приняты соответствующие меры по упрочению их быта. Приступили к определению размеров свободного земельного фонда, который мог быть использован для колонизации без ущерба для насущных интересов местного населения. Было преобразовано заведение переселенческим делом на Кавказе. Период подготовительных работ закончился к 1908 году.

К этому же времени была выработана и основная государственная стратегия заведования переселенческим делом на Кавказе, изложенная в циркулярном распоряжении наместника российского царя на Кавказе от 13 февраля 1907 года. Она предусматривала: 1) предварительное выяснение, при образовании переселенческих участков, правовых и хозяйственных отношений к земле заинтересованного старожилородного и туземного населения, а равно и землеустройство этого населения; 2) выделение сплошных колонизационных площадей в пустынных степях восточного Закавказья; 3) развитие дорожного строительства для возможно полного использования под русские поселения пустующих горно-лесных пространств³; 4) непосредственное содействие к хозяйственному развитию и укреплению возникающих поселений, путем правильной организации ссудной и агрономической помощи, церковно-школьного строительства и санитарных мероприятий. Помимо землеотводных работ, на кавказскую переселенческую организацию возложено было выполнение работ по внутреннему разделению переселенческих общинных наделов на под-

³ Обзор Переселенческого дела..., с. 2.

ворные и хуторские участки. На эту же организацию был возложен и отвод земель «пришлому населению»⁴.

Согласуясь с этим, значительная часть русских переселенцев в Дагестане осела на территории Засулакской Кумыкии, где были благоприятные условия для расселения⁵. Наиболее крупные поселки переселенцев в Засулакской Кумыкии образовались на казенных землях, так как крестьяне не могли приобретать большие участки у частных землевладельцев. В 1906-1907 годах в Хасав-Юртовском округе имелось 214 собственников земли, под ними 128091 десятина⁶. Многие землевладельцы сами не эксплуатировали земельные угодья, а сдавали их в аренду или продавали. В этот период активизировал свою работу Крестьянский Поземельный Банк, при помощи которого в 1906-1907 годах создается 38 сельскохозяйственных товариществ. Под ними 26109 десятин земли. При помощи Крестьянского Поземельного Банка немцы, земледельцы Аккерманского уезда Бессарабской области в числе 61 хозяина купили у банка землю, ранее принадлежавшую Остриковскому товариществу Хасав-Юртовского округа, в количестве 1678 десятин. Следует сказать, что численность товариществ сильно колебалась, так к 1912 году их осталось 6, число хозяйств участников 291, земли под ними 6045 десятины⁷. К 1914 году товариществ уже 8⁸.

К 1917 году в Хасав-Юртовском округе существовали 135 частновладельческих участка, под ними 68335 десятин земли⁹. Крупными землевладельцами по Хасав-Юртовскому округу к февралю 1917 года являлись: князя Уцмиевы с 2004 десятин земли; князя Каплановы 3948 десятин земли; князя Алибековы – 2340 десятин; князя Хамзаевы – 2192 десятины; купец Мазаев – 5600 десятин; братья Нестеровы – 1111 десятин; Чистяков – 1121 десятин; Кандауровы – 1439 десятин; Аджаматовы – 21509 десятин; братья Месяцевы – 876 десятин; Нухай Джамбулатов – 8600 десятин. Помимо этого, ему принадлежали в слободе¹⁰ Хасав-Юрт нынешние здания Госбанка, ГУВД, УКХ, телеграф,

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Мансуров М.Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала. 1994, с. 35.

⁶ 1 Десятина земли = 1,0925 гектара.

⁷ Гриценко Н.П. Горский Аул и Казацкая Станица Терека накануне Великой Октябрьской Социалистической Революции. Грозный. 1972, с. 55-57.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ ЦГА РД, ф. Р-127, оп. 7, д. 7, л. 3, 3об., 4, 4об., 12, 12об., 13, 13об., 14.

¹⁰ В 1931 году слободе Хасав-Юрт, был присвоен статус города.

аптека, солодко-прессовальный завод (ныне консервный завод). Пензулаев – 1080 десятин; Клычевы – 451 десятина; Дибировы – 325 десятин; Кривенко – 1585 десятин; Адиль-Гирей Измаилов с 7100 десятин¹¹. У 28 князей, помещиков и сельских обществ Хасав-Юртовского округа в Дагестанской области имелось до 39325 десятин земли различных угодий, из них самыми крупными были Хасав-Юртовское отделение Крестьянского Банка с 5800 десятин; у князя Салим-Султана Темирова 4700 десятин; князя Будаихана Уцмиева – хутор Шалгутдин-Кутан с 1900 десятин; скотовод Архип Месяцев – хутор Аркагеч-кутан с 1500 десятин; Измаилов Адиль-Гирей – Алты-Агач с 1000 десятин; Мусакай Бикеев – хутор Аджи-Дада с 1200 десятин; Абдурахман-Гаджи Дациев с хутором Тал-кутан в 700 десятин и Бике-Кутан 2500 десятин; Иван Кучеренко – хутор Кизляр-Тува и Мациев Магомед – хутор Мациева по 450 десятин; акционерное общество «Сулак» – 2500 десятин¹²; промышленник Кривенко в Дагестанской области в районе Берикея занимался добычей нефти¹³. У промышленника Хизри Гаджиева из Костека в Дагестанской области имелись: Хаджал-Махинский, Куппинский и Гергелбелский консервные заводы, несколько торговых заведений, складов и целый квартал домов в Темир-Хан-Шуре. Ему принадлежали здесь нынешние здания городского театра, госбанка, народного суда, горисполкома, УКХ, хлебозавода и другие¹⁴.

Как отмечал в своем докладе о землепользовании и орошении Кумыкской плоскости, сделанном на мелиоративном съезде, проходившем в 20-х числах марта 1914 года в Новочеркасске, председатель водного комитета Хасав-Юртовского округа И. Джапаридзе, – «пришлое русское и немецкое население, приобретая земли князей и узденей плоскости, образовали отдельные сельские и хуторские хозяйства, число дымов в некоторых поселках достигало – 60, особенно много хуторов с меньшим количеством дымов. Имеются большие экономии

¹¹ ЦГА РД, ф. Р-127, оп. 17, д. 7, л. 3, 3об., 4, 12об., 13, 13об., 14; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. 1961, с. 206; Магомедова Р.Ш. Социально-экономические отношения в Хасав-Юртовском округе (канд. дисс.). – Махачкала. 2000, с. 162–163.

¹² ЦГА РД, ф. Р-127, оп. 17, д. 7, л. 10.

¹³ Там же, ф. 61, оп. 1, д. 20; оп. 2, д. 25.

¹⁴ Аликберов Г.А. Победа Социалистической революции в Дагестане. Махачкала. 1967, с. 102; Обзор Дагестанской области за 1902 год. Темир-Хан-Шура. 1903, с. 39, 40, 41; Дагестанские областные ведомости. № 25 от 19 июля 1916 года; № 3 от 19 января 1920 года.

частных владельцев, которые занимаются, исключительно, крупным скотоводством, число баранов в коих достигает до 20000 голов»¹⁵. Создавались русские селения на казенных землях: Ново-Георгиевское¹⁶, Ново-Владимирское¹⁷, Колубакинское, кроме поселившихся на приобретенных через банки¹⁸. Новые переселенческие поселения часто создавались на месте расформированных и переименованных старых местных населённых пунктов.

Политика царского режима по переселению русского населения на Кавказ приобрела планомерный характер с 1889 года, когда был издан закон о переселениях. Также отметим, что, несмотря на все перипетии во взаимоотношениях между коренным кумыкским и пришлым русским населением, к 1914 году переселенцы в Хасав-Юртовском округе составляли 25,3%¹⁹, а к 1916 – 26,5 % от всего населения в округе. Что составляло по разным данным от 23217 человека до 87344 человека, проживавших в округе на 1 января 1916 года. Если в 1914 году все население округа проживало в 257 населенных пунктах, то на 1 января 1917 года населенных пунктов в округе исчислялось 197 при населении в 62558 человек²⁰. Отметим, что на 1 января 1922 года в округе населенных пунктов 123²¹ при населении 60193 человека.

Национальный состав постоянно проживавшего населения Хасав-Юртовского округа был представлен таким образом: русских, немецких и других переселенцев в округе на 1916 год, по разным данным проживало до 23217 человек, в 1925 году их в округе 3875 человек, сокращение составило 83.31 %. Кумыки, в 1916 году имевшие численность 35649 человек, в 1925 году представлены 26650 человек. Ногайцы, имевшие в 1916 году 5169 человек, в 1925 году составили 2676 человек²²; прожива-

¹⁵ Терек. № 4899, 11 мая 1914 года.

¹⁶ Ранее на этом месте находилось селение Баммат – Юрт, восстановлено в прежнем названии в связи с прошением жителей (ЦГА РСФСР-А, ф. Р-10, оп. 1, д. 3, л. 370, 370об.), в конце июля – начале августа 1917 года, по решению Терского Областного Исполнительного Комитета.

¹⁷ В этот же период было возвращено и старое название селения Ново-Владимирское (Баммат – Бек – Юрт).

¹⁸ Мансуров М.Х. Ук. соч., с. 35.

¹⁹ Там же. С. 38.

²⁰ Пономарев А.А. Сельскохозяйственные районы Северного Кавказа, Дона, Черноморья и Дагестана (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года.). – Ростов-н/Д. 1924, с. 74 – 81.

²¹ Список Населенных Мест Д.ССР. 1922, с. 55–59.

²² Рук. Фонд. ИИАЭ, ф. 2, оп. 1, д. 489, л. 3; ЦГАРД, ф. Р-127, оп. 5, д. 3, л. 2.

ли они в 11 населенных пунктах Тамаза-Тюбинского сельского совета, в 6-ти населенных пунктах Баба-Юртовского сельского совета и в 1 населенном пункте Адиль-Янги-Юртовского сельского совета²³. Как видим, сокращение ногайского населения составило 51,2%. В 1916 году постоянно проживающие чеченцы в округе представлены 10377 человек, а в 1925 году их в округе имеется 17348 человек²⁴. Таким образом, численность последних увеличилась на 67%, так как в период с 1917 по 1925 годы включительно происходило переселение чеченцев из Чеченской Автономной Области Горской ССР на территорию Хасав-Юртовского округа ДССР. Об этом свидетельствуют донесения Хасав-Юртовского Окрисполкома, административных органов власти и окрмилиции на местах в Дагком и СНК ДССР и результаты Всесоюзной переписи населения 1926 года, зафиксировавшие численность чеченцев в Дагестане 21400 человек²⁵. Согласно официальных данных, численность салатавцев в округе на 1914 год была представлена 9645 человек. Как видно из официальных документов, динамика численности населения в Салатавии, в сравнении с данными 1925 года, не изменилась, хотя известны факты, что в период революции и гражданской войны, как и на других территориях Хасав-Юртовского округа, вследствие эпидемий тифа, малярии, а также голода, охватившего регион в начале 1920-х годов²⁶, численность местного населения имела тенденцию к сокращению. Как видно из документов и собранного нами полевого материала, в рассматриваемый период в горную часть Хасав-Юртовского округа (Салатавия) также наблюдается переселение части населения из приграничных горных районов бывшей Дагестанской области.

По имеющимся архивным данным, больше всего заявлений в Комитет Правления Всесоюзного Общества Содействия Жертвам Интервенции, поступивших из Хасав-Юртовского округа, приходится на салатавцев, затем первый участок, затем второй участок, Аух не дал ни одного заявления. Подано было 128 заявлений в общей сложности от

²³ ЦГА РД, ф. Р-127, оп. 18, д. 36, л. 62.

²⁴ РФ ИИАЭ, ф. 2, оп. 1, д. 489, л. 3; ЦГА РД, ф. Р-127, оп. 17, д. 55, л. 21- 41; оп. 18, д. 7, л. 9-18.

²⁵ Дагестанское статистическое управление. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года, по Дагестанской АССР. Махачкала. 1927, с.146-162; Ибрагимов М.-Р. Дагестан: этнографическая ситуация, демография и прогноз. // Вести Кумыкского Научно-Культурного Общества. Информационно-аналитический бюллетень, № 4. Махачкала. 2000, с. 7.

²⁶ Красный Дагестан. № 42 (273), 22 февраля 1923 года.

474 человек. Так, кроме денежных убытков, в заявлениях указаны: 37 расстрелянных, 14 убитых, 4 случая тяжелых побоев, аресты и мобилизация 10-ти всадников и прочее. Имущественные убытки были указаны в следующем: сожжение домов, подворных построек, расхищение домашнего имущества, сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, увод скота, лошадей с полной амуницией, расхищение ковров, платьев, различных ценностей. Салатавия, кроме прочего, показала о сжигании хлеба и сена на корню и в стогах, потраве хлеба и сенокосов, разрушении усадеб²⁷. Кроме того, при оценке потерь за период с 1917 по 1921 годы мы должны учитывать тот факт, что потери имевшие место вследствие военных действий большевиков в период 1918-1920 годов, новыми властями вообще не рассматривались, на основании протокола № 38 от 17 июля 1920 года, где, помимо других вопросов, обсуждался и п. 3. «о сношении Комиссии по выяснению убытков причиненных, проходящими красноармейскими частями, о том подлежат ли рассмотрению и оплате заявления об убытках причиненных красноармейцами в 1918-20 годах, постановили: 3) Убытки, причиненные населению т.т. красноармейцами в 1918-20 годах оплате не подлежат»²⁸.

Следует отметить, что поданные заявления не выявили истинных потерь. Также следует указать, что население к акции государства по уточнению разрушения национального хозяйства в период революций и гражданской войны относилось с недоверием и подозрительностью. Из почти полностью разрушенной слободы Хасав-Юрт поступило всего 4 заявления²⁹. Всего по округу и слободе поступило претензий на сумму 967108 рублей. Помимо этого, после обследования Даг. Военкоматом вопроса о факте разрушения зданий Военного ведомства по слободе Хасав-Юрт последние представили сведения о претензиях на сумму 211693 рубля, после чего материалы обследования Даг. Военкоматом были направлены в Окр. Военкомат для представления сведений в Центральную Ведомственную Комиссию при НКВД³⁰.

²⁷ ЦГАРД, ф. Р-9, оп. 3, д. 1, л. 303.

²⁸ Там же, ф. Р-39, оп. 1, д. 13, л. 75.

²⁹ Там же, ф. Р-9, оп. 3, д. 1, л. 164.

³⁰ Там же, ф. Р-565, оп. 1, д. 5, л. 169.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908-1913 года. СПб. 1913.

Сборник Сведений о Кавказских Горцах. Вып. II. Тифлис. 1869.

Мансуров М.Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала. 1994.

Пономарев А.А. Сельскохозяйственные районы Северного Кавказа, Дона, Черноморья и Дагестана (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года.). – Ростов-н/Д. 1924.

Ибрагимов М.-Р. Дагестан: этнографическая ситуация, демография и прогноз. //Вести Кумыкского Научно-Культурного Общества. Информационно-аналитический бюллетень, № 4. Махачкала. 2000.

Ш.Ш. Шихалиев
г. Махачкала

РОЛЬ ТЮРКСКОГО ЭЛЕМЕНТА В ИСЛАМИЗАЦИИ ДАГЕСТАНА В XI – XIV вв.

Исламизацию дагестанского общества можно разделить условно на два этапа: VII – первая пол. XI вв. и вторая пол. XI-XVI вв., которые отличались друг от друга не только темпами распространения новой религии и социальными условиями, но и носителями и проповедниками религиозных идей. Если на первом этапе основным фактором исламизации Дагестана был арабский элемент, то на втором этапе активная роль в исламизации Дагестана перешла к тюркскому элементу – сельджукам, а затем к монголам и Тимуру. Огромную роль в дальнейшей исламизации Дагестана играло и местное население в лице газиев, часто формировавшихся из числа деклассированных элементов. Необходимо также подчеркнуть, что если на первом этапе шло насильственное распространение ислама, то второй этап существенно отличается тем, что наряду с военными походами, в исламизации Дагестана широко применялись культурно-политические аспекты, которые оказались более эффективными.

Почти двухсотлетний период господства арабов в Дагестане не принес Халифату ощутимых результатов в этом регионе. Причиной этого явилось то, что на Северо-Восточном Кавказе Арабскому Халифату пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением Хазарского Каганата, который в некотором роде подорвал силу арабского оружия в Дагестане. И только после того, как арабы исполь-

зовали Дербент в качестве форпоста на Кавказе, переселили тысячи арабских семей и поселили их как в самом Дербенте, так и в близлежащих населенных пунктах и крепостях, арабам удалось закрепиться в южном регионе Дагестана. Источники показывают, что к середине X века ислам утвердился лишь в Дербенте и в ближайших к Дербенту населенных пунктах. Несмотря на то, что Арабским Халифатом была создана довольно сильная и прочная основа для дальнейшего распространения ислама, большая часть жителей, преимущественно нагорного Дагестана, оставалась верной языческим религиозным представлениям, а в ряде районов были ощутимы позиции христианства. Следует особо подчеркнуть, что в процессе распространения ислама в Дагестане в XI-XII вв. значительную роль сыграли тюрки-сельджуки. Проникновение тюрков на территорию Северо-Восточного Кавказа происходило еще задолго до X века. Однако в X-XI вв. мы наблюдаем мощное проникновение тюркского элемента с севера в лице кипчаков и с юга – огузов.

В начале XI века в Малую Азию вторглись огузские тюркские племена под командой вождей из рода Сельджукидов. Нанеся ряд сокрушительных поражений Византии, сельджуки прочно обосновались в странах Ближнего и Среднего Востока. В состав государства Сельджукидов вошли обширные территории Средней Азии, Ирана, Ирака и ряда других регионов Малой Азии. Как пишет А. Бакиханов, «усилившаяся сельджукская империя сделалась могущественной, и государь ее обращает особое внимание на Ширван и Дагестан. При них-то многие племена горцев приняли ислам»¹. С появлением Сельджуков процесс распространения ислама в Дагестане значительно активизировался, что в большой степени связано с той политикой, которую вела новая власть. В 1067 г. сельджукский султан Алп Арслан направил в Дербент отряд регулярных войск под предводительством Сау Тегина. Город был захвачен сельджуками, и Сау Тегин, назначив Аглаба б. Али (1065-1068 гг.) своим заместителем в Дербенте, вернулся к султану. В декабре 1075 г. в Дербент прибыл посол султана и объявил, что эта приграничная область пожалована Сау Тегину, имя которого стало читаться в хутбе с кафедр мечетей Дербента после имени султана². В XI в. тюркское влия-

¹ Бакиханов Абас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 69.

² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента в X-XI веков. М., 1963, с. 79.

ние в Дербенте было довольно значительным, и тюрки играли огромную роль в жизни города. На монетах правителей Дербента со второй половины XII-XIII вв. появляются тюркские имена (Бек-Барс, Арслан)³. Это отражало не только процесс тюркизации имен под влиянием сюзеренов, но и общий процесс тюркизации города.

Во времена правления Алп-Арслана и его сына Малик-шаха, при дворе которых влиятельную роль играл знаменитый везир Низам ал-Мулк (1065-1092 гг.), человек исключительных дарований, империя Великих Сельджуков достигла своего апогея. Сельджукиды захватили власть в Аббасидском Халифате в период непрерывных столкновений между суннитами и шиитами. Сами сельджуки приняли ислам еще задолго до их проникновения в Малую Азию. Как пишет В.А. Гордлевский: «Сельджукиды были сунниты и соблюдали предписания веры... Суннитское учение ислама – обряды, экзегез, мелочно размеренные, рационалистически построенные, соответствовали солдатской натуре турка»⁴. Сельджуки упорно проводили идеи ислама суннитского толка, который был государственной религией сельджуков. В. Бартольд предполагает, что по своему образу жизни сельджуки могли подчинить всю свою духовную жизнь религиозной идее, тогда как в культурных странах постепенно устанавливался нечестивый, с точки зрения религии, образ жизни, и турки тем самым являлись в качестве восстановителей правопорядка⁵. Утверждение на Кавказе политического и идеологического влияния Сельджукидов вызвало глубокие внутренние изменения в структуре местных религиозных обществ. Под руководством Сау-Тегина Дербент превратился в военно-политический аванпост Сельджукской империи на Кавказе. Он продолжал выступать главным центром распространения идей ислама в Дагестане. В этом отношении представляет интерес дербентский могильник «Кырхляр», где захоронены предводители газиев. Хроника «Дербенд-нама» возникновение памятника связывает с гибелью арабских мучеников во главе с Салманом ибн Рабаи. Однако Д. Кантемир, ученый XVIII в., обстоятельно изучивший могильник, зафиксировал именно огузское происхождение

³ Пахомов Е.А. О Дербентском княжестве XII-XIII в. // Известия Аз. ГНИИ. Т. I. Вып. 2. Баку, 1930. С. 9.

⁴ Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Исторические работы. Т. I. М., 1960, с. 199.

⁵ Бартольд. В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. 1. С. 631. М., 1963.

могил⁶. Об этом так же свидетельствует перечисление имен мучеников, павших за веру, с тюркским титулом «султан» – султан Пир Али Дамасский, Султан Чумга, султан Кух-хан и т.д.⁷ Могильник «Кырхляр», связанный с именем газиев-шахидов тюркского происхождения, еще раз подчеркивает значение X-XII вв. как времени интенсивной борьбы за исламизацию соседних Дербенту районов.

Во время правления Сельджуков немало владений Северо-Восточного Кавказа приняли ислам. Влияние тюркского элемента на жизнь местных народов нашло отражение и в эпиграфическом материале. Л.И. Лавровым описан надмогильный камень в с. Гельмец Рутульского района: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердно. Руководство строительством этого минарета осуществлял Хаджжи, Сартан и Тасджи (طسجي) в 557 (21.12.1161- 9.12.1162г) или 559 (30.11.1163 – 17.11.1164 г.)»⁸ Возможно, Тасджи (طسجي) - это тюркское Ташджи (طشجي) – каменщик. Чтение Лавровым син (س) вместо шин (ش) можно объяснить тем, что в надписях на камнях не всегда фиксируются диакритические знаки, или же они могли быть стерты со временем. Во всяком случае, суффикс джи (جي) - тюркского происхождения, означающий род занятий. Влияние тюркского элемента и тюркского мира не ограничивалось равнинными районами, были охвачены предгорье и горные районы. В Хунзахе встречается имя собственное Огуз и «огъузилал» применительно к отдельному роду. В другом горном ауле Ахты одно из местных кладбищ называлось «огъузрин сурар» (огузовское кладбище)⁹. После смерти сельджукского султана Мелик-шаха (1098 г.) из-за междоусобной борьбы за власть государство сельджуков постепенно теряет свое политическое могущество, что не могло не способствовать ослаблению зависимости от сельджукских владетелей и дальнейшему укреплению экономического и политического положения Ширвана. Это незамедлительно отразилось и на политике окраин Сельджукского государства. Дербент, также как и Ширван, вновь начал проводить самостоятельную политику. Как писал А.А. Али-Заде, если во второй половине XI в. ширваншах Ферибурз I (ум. между 487

⁶ Аликберов А.К. Кырхляр // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. I. М., 2006, с. 236.

⁷ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М., 1984, с. 126.

⁸ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. М., 1966, с. 64.

⁹ Шихсаидов А.Р. Указ. соч., с. 403.

и 498 г. Хиджры / 1094-1105) платил ежегодный налог в 70.000 динаров сельджукускому султану Мелик-шаху¹⁰, то впоследствии сумма налога была уменьшена до 40.000 динаров. Связано было это с различными обстоятельствами политического характера и, в первую очередь, с усилением политической и экономической мощи Ширвана, а потому – с ослаблением вассальной зависимости [от Сельджуков]. Потому-то ширваншахи отказывались иногда платить налоги, считая себя вполне независимыми¹¹.

Многие территории Ближнего Востока, принадлежавшие сельджукам, впоследствии вошли в состав государства Хулагуидов. Тем не менее, тюркское влияние на жизнь населения Северо-Восточного Кавказа в домонгольскую эпоху было весьма ощутимым, о чем свидетельствует ряд фактов. В 1123 г. по просьбе дербентского эмира из Ирака на Кавказ пришли тюрки-сельджуки и успешно воевали против ширваншаха. В следующем же году (1124) грузинский царь воевал против дербентского войска, состоявшего из «лезгин», кипчаков, и одержал победу¹². Наличие большого числа тюрков в Дагестане указывает и Эвлия Челеби, видевший в 1647 г. «кайтаков» на пути из Мекки в Шемаху. Он оставил о них такое сведение: «по происхождению они монголы, пришедшие из области Механ; сами они турки, говорят по-монгольски. Языки монгольский и турецкий – одно и то же. Мы видели это племя в округе Махмудабад»¹³. В.В. Бартольд считает это сведение относящимся к кайтагам, что еще раз говорит в пользу мнения о наличии большого количества тюркских элементов в Дагестане (о количестве «кайтаков» Э.Челеби пишет «число их доходит до 20000»). Ал-Гарнати оставил нам сведения о роли их в исламизации Дагестана. Тюрки, со слов ал-Гарнати, входили в состав войска дербентского правителя, организовавшего в середине XII в. поход против жителей Зирихгерана, язычников по своей вере¹⁴. Таким образом, в период господства Сельджуков на Северо-Восточном Кавказе, благодаря большей части

¹⁰ Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII – XIV вв. Баку, 1956, с. 355.

¹¹ А.А. Али-Заде. Некоторые сведения о Ширване (до нач. XII века). Известия АН Аз. ССР, № 12, 1947, С. 13, 19.

¹² Е.А. Пахомов. Указ. соч. С. 7.

¹³ В.В.Бартольд. К вопросу о происхождении кайтаков // <Этнографическое обозрение>. 1910, № 1, 2. С. 38.

¹⁴ Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996, с. 371.

походам газиев, ислам медленно, но последовательно проникает в Нагорный Дагестан, о чем свидетельствует ряд эпиграфических памятников. В окрестностях сел. Ашты Дахадаевского района имеется надпись на арабском языке, датируемая XI-XII вв.: «Владычество принадлежит Аллаху...»¹⁵. На жилой башне с. Ицари Дахадаевского района имеется кувфическая надпись: «О, господь наш, избави нас и всех верующих от злобы шайтана и несправедливости султана! Поистине, нет божества кроме...»¹⁶. Надпись датируется XI - XII вв. и, несомненно, указывает на существование мусульманского элемента в этом населенном пункте, а также на влияние тюркского элемента на исламизацию этого региона, о чем свидетельствует само слово «султан». Огромное влияние на судьбы многих народов, в том числе и населения Северо-Восточного Кавказа, оказало вступление монголов на историческую арену. В 1221 году два монгольских тумена под командованием Джебе и Субутая, преследуя хорезмшаха Мухаммада, вторглись в Иран, Азербайджан. Опустошив ряд городов Ширвана, монгольские войска подошли к Дербенту. В их задачи входило войти через Дербент в Кипчакские степи и оттуда вернуться в Монголию. Однако пройти через сильно укрепленный Дербент монголам не удалось. Обогнув Дербент через горы, монголы вышли в Северо-Кавказские степи, где, разгромив объединенное русско-половецкое войско, вернулись в Монголию. Как сообщает Ибн ал-Асир, в 1222 г. после разгрома кипчаков монгольскими войсками в Северо-Кавказских степях, уцелевшая часть кипчаков проникла в Дагестан и искала поддержку у дербентского эмира Рашида¹⁷.

Второй поход монголы совершили в 1239 г., вторгшись в Дагестан с юга. На этот раз, захватив Дербент, они превратили его в плацдарм для дальнейших завоеваний. Монгольский отряд, отправившийся из Дербента через Белиджи – долину р. Гюльгеричай – Рича – Чираг – Хосрех – Вачи, ворвался и разрушил Гумик¹⁸. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что власть монголов в горах была кратковременной, о чем свидетельствует надпись о восстановлении разрушенной татарами мечети после их ухода. Это также подтверждается сведениями Гильо-

¹⁵ Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969, с. 196.

¹⁶ Лавров Л.И. Указ. Соч., ч. 3, с. 29.

¹⁷ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер с. арабск. П.К. Жузе. Баку, 1940, с. 145, 148.

¹⁸ Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239-1240) // УЗ ИИЯЛ. Т. IV. Махачкала, 1958, с. 9.

ма Рубрука, который описывая свое путешествие в 1253-55 гг. писал: «Между морем и горами живут некие сарацины, по имени лесги, горцы, которые также не покорены, так что татарам, жившим у подошвы гор аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за железные ворота (Дербент – Ш.Ш)»¹⁹.

В середине XIII века единая Монгольская империя распалась на два крупных государства – Золотую Орду и государство ильханов – Хулагуидов. С середины XIII в. до начала XIV в. равнинная часть Дагестана являлась ареной ожесточенных схваток между ними. Дербент являлся пограничным рубежом между этими крупными державами, где южная часть входила в состав государства ильханов, а северная часть вместе с некоторыми феодальными образованиями – Кайтагом, Гумиком – в состав Золотой Орды. Если до второй половины XIII в. в лице монголов мы видим силу, задержавшую процесс дальнейшего распространения ислама, то начиная с конца XIII отношение монголов к исламу заметно изменилось. Сменивший хана Тохту на престоле Золотой Орды хан Узбек (1312-1340) в 1312 г. объявил ислам государственной религией Золотой Орды, а в государстве Хулагуидов ислам стал господствующей религией при Газан-хане в 1295 г.²⁰ Таким образом, уже в этот период монголы перешли к политике поддержки и распространения ислама в регионе. Золотоордынские ханы, заинтересованные в усилении торговых связей с восточными странами, отводили значительное место в восточной торговле территории Северо-Восточного Кавказа. В борьбе за торговый путь немаловажную роль приобретал религиозный элемент. Золотоордынские ханы использовали религиозную оболочку в целях ослабления позиций своего противника и привлечения мусульман на свою сторону²¹.

При монголах значительно усиливается влияние тюркского элемента на политическую и религиозную жизнь Северо-Восточного Кавказа. Как сообщает хроника Тарих Дагистан, в междоусобной борьбе между Кайтагом и Кумухом первые заключили союз с Аварским правителем против Кумуха. Аварский правитель заключил союз с тюрками и скрепил его междинастическим браком. Далее, совмест-

¹⁹ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XII-XVIII вв. / Составление, введение, вступительная статья к текстам и примечания проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992, с. 27.

²⁰ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2002, с. 502-503.

²¹ Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане, с. 182.

ное войско Кайтага, Авара и тюрок совершило поход против Кумуха, захватило его и разграбило. Хроника датирует эти события 718 годом хиджры, то есть 1318-19гг²². В этой связи хотелось бы отметить, что привлечение к походу аварским правителем тюркского войска говорит о том, что они в XIV в. продолжали играть существенную роль в религиозной и политической жизни средневекового Дагестана. К концу 50-х гг. XIV в. начался распад чингизидовских государств. Во второй половине XIV в. в Средней Азии на месте монгольских улусов сложилось государство Тимура (1370-1405 гг.) с центром в Самарканде. Тимур начал планомерное завоевание Северо-Восточного Кавказа. Случилось так, что на Северо-Восточном Кавказе интересы Тимура столкнулись с золотоордынским ханом Тохтамышем. Необходимо отметить, что в борьбе за престол в Золотой Орде Тимур оказывал всяческую поддержку Тохтамышу, и даже после ряда набегов Тохтамыша на территории Тимура, последний не реагировал на это. В 1383 г. в Хорезме, принадлежавшем Тимуру, восстановилась власть Тохтамыша, судя по тому, что стали выпускаться монеты с его именем²³. Это вдохновило Тохтамыша настолько, что в 1385 г. его войско прошло через Дербент, вторглось в Ширван и разграбило его, причем были уничтожены мечети и мадраса. Вернувшись назад, войска Тохтамыша повторили набег в 1387 г., однако на этот раз они были отражены войсками Тимура, которые захватили часть татар в плен. Вопреки ожиданиям, Тимур благосклонно принял пленников и отправил их обратно в Золотую Орду²⁴. Однако Тохтамыш повторил свои набеги на территорию Тимура, что в конечном счете привело к объявлению Тимуром войны Золотой Орде. В 1394 г. Тохтамыш договорился с грузинским царем Георгием VII о пропуске татарских войск через Дарьяльский проход в Закавказье. Узнав об этом, Тимур бросил свои войска на Грузию²⁵. Тохтамыш же тем временем провел войско через Дербент и дошел до низовий Куры. Тимур немедленно оттянул войско из Грузии и двинулся против Тохтамыша, который не приняв бой отступил за Дербент. В апреле 1396 г. Тимур двинул свои войска на север через Дербент. Первой жертвой

²² Тарих Дагистан Мухаммадрафи. Введение, перевод, комментарии А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993, с. 105.

²³ Гумилев Л.Н. Указ. Соч., с. 601.

²⁴ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941, с. 110.

²⁵ История Грузии. Тбилиси, 1946, с. 293.

войск Тимура оказался Кайтаг, который был сторонником Тохтамышша. Тимур «напал на их стороны и края, что из множества их спаслись немногие..., все те области он разорил»²⁶. Далее, пройдя через Терек, Тимур разгромил армию Тохтамышша и вторгся в низовья Дона и Нижнего Поволжья. Вернувшись осенью 1395 года на Северный Кавказ, Тимур начал планомерное завоевание этих земель. О его деятельности на Кавказе свидетельствует ряд письменных источников. «Эмир Теймур, покорив кумыков, обитающих между Терекком и Сулаком, прошел по земле Мичигич, на город Алмак²⁷. Он взял город после сильного сопротивления и разорил его» – пишет А-К. Бакиханов²⁸. Далее, разгромив ряд населенных пунктов в Салатавии и переправившись через Сулак, Тимур после тяжелой осады хитростью захватил Кадар и разграбил его. Затем Тимур захватил селение Губден, которое подарил одному кумыкскому эмиру по имени Гобден²⁹. Как сообщает Шараф ад-Дин Йазди, пройдя через Тарки, «Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско и с целью священного набега двинулся на Ушкудже³⁰. По прибытии (туда), победоносное войско окружило Ушкудже, расположилось там, и воины поспешили отправиться во все стороны громить и грабить»³¹. Источники показывают, что Тимур захватил и разграбил многие населенные пункты, Нагорного Дагестана – Аркас, Мекеги, Муги и другие населенные пункты населенные аварцами и даргинцами, которые номинально считались в вассальной зависимости от Тохтамышша. Продолжая разрушать и грабить населенные пункты, Тимур ворвался в Зирихгеран и Кайтаг, жители которых были вынуждены выразить покорность. Только после этого Тимур вернулся в Дербент, охрану которого поручил Ибрахиму ад-Дербенди³². Примечательно, что в этой войне на помощь соседним иноверцам приходили мусульманские войска Кумуха. Так, Низам ад-Дин аш-Шаами и Шараф ад-Дин ал-Йазди сообщают, что «в это время Шаукал Казикумухский и Аухарский с 3000 человек шёл на подмогу жителям Ушкудже, не смотря на то, что у них прежде было обыкновение постоянно вести газават против

²⁶ Тизенгаузен В.Г. Указ. Соч., с. 174.

²⁷ Ныне одноименное село в Казбековском районе РД.

²⁸ Бакиханов А. Указ. Соч., с. 80.

²⁹ Там же, с. 81.

³⁰ Ныне с. Усиша Акушинского района Р.Д.

³¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. Соч., с.185.

³² Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. Указ. Соч., с. 308.

неверных этой местности»³³. Это войско было разбито, и к некоторым попавшим в плен Тимур обратился с упреком: «Прежде вы, приверженцы ислама всегда воевали с неверными; что стало теперь, что вы, отступив от этого, шли к ним на помощь»³⁴. После этого к нему явились Казикумухские и аварские старшины с признанием своей вины. Тимур, обласкав их и оставив за ними их владения, дал наставление: «Вы по прежнему порядку должны будете воевать с врагами веры и держать обнаженным меч мести для утверждения ислама... и ни в коем случае не пренебрегать достижением этой заслуги»³⁵. Как показывают источники, в борьбе с местным населением Дагестана Тимур опирался на местную знать, оставляя за ними земли на правах сююргала, широко распространившейся при нем восточной форме лена, под которым подразумевалась передача в наследственное владение земель с правом взимания с их жителей налогов и податей, тем самым превратив их в своих вассалов³⁶. Преследуя свои политические цели, Тимур опирается на ислам, соответственно, местная духовная элита в лице Тимура находит еще большую опору. Таким образом, к XIV в., благодаря Тимуру, ислам в Кумухе и Хунзахе утвердился окончательно. Кроме того, эти два феодальных образования избежали разгрома Тимуром своих владений, что еще больше усилило их политическое господство на Северо-Восточном Кавказе. Начиная с XV века эти крупные владения активно продолжают процесс дальнейшей исламизации Дагестана.

Хотелось бы немного сказать и о роли тюрок в распространении идей суфизма в Дагестане. На Северо-Восточном Кавказе самые ранние сведения о суфийских обителях относятся к XI в. Суфийские обители играли важную роль в распространении образованности среди населения. Местные суфии, прошедшие курс обучения в центрах Халифата, основывали подобные обители у себя на родине.

С появлением Сельджуков процесс распространения суфийских идей на Северо-Восточном Кавказе значительно активизировался, что в большой степени связано с той политикой, которую вела новая власть. Это объясняется тем, что сельджуки весьма благосклонно относились к идеям суфизма, так как ислам среди тюрок в степи распространялся

³³ Тизенгаузен В.Г. Указ. Соч., там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с 186.

³⁶ Якубовский А.Ю. Тимур. // Тамерлан. М., 1992, с. 37.

именно суфиями³⁷. В.А. Гордлевский отмечает факт широкого распространения в Сельджукском султанате идей суфизма. Особенно широко были распространены братства Кубравийа и Мавлавийа³⁸. Последнее из них настолько глубоко пустил корни, что его последователи имеются и в настоящее время на территории Турции. Как пишет В.А. Гордлевский: «Султаны охотно раскрывали двери дворца перед шейхами-суфиями... Шейхов Сельджукиды любили; в Амасье еще султан Месуд I построил ханаку... Известно, что государство платило дервишам жалование – ежедневно по полдинара. Сами, сохраняя еще элементы старого, шаманского мировоззрения, дервиши находили, конечно, сочувственный прием среди туркменского населения, только недавно воспринявшего ислам. Дервиши, нахлынувшие в Малую Азию, были не только религиозными руководителями, они прививали кочевникам элементы культуры и государственности, они объединяли население, организовали отпор монголам, разрушавшим уклады, которые созданы были Сельджукидами»³⁹. О покровительстве сельджукидов суфиям говорит и факт основания везирем султана Мелик-шаха Низам ал-Мулком знаменитого мадраса в Багдаде, где преподавал крупнейший ученый-мистик Абу Хамид ал-Газали, и где проходили подготовку дербентские ученые и суфии. Сельджукские правители покровительствовали суфийским шейхам, так как они осознавали растущую силу шейхов и стремились при их посредстве сохранить хорошие отношения с городским населением. Именно в сельджукский период на Северо-Восточном Кавказе появляются суфийские обители: завийи, ханаки, где жили муриды при шейхе. Объединения эти были непостоянны по составу и весьма мобильны: члены их много путешествовали в поисках учителей, причем часть из них зарабатывала себе на пропитание трудом, а часть кормилась подаяниями. Сельджукские правители широко поощряли создания таких обителей и щедро их субсидировали, что было им удобно с точки зрения контроля, в результате чего эти обители превращались в крупные центры. Значительно расширились и их функции, они становятся организационной и экономической основой братств, через них осуществляется пропаганда суфийских учений и ислама на те регионы, куда была направлена религиозная деятельность дербентских газиев.

³⁷ Бартольд. В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963, с. 691.

³⁸ Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. I. М., 1960, с.201.

³⁹ Там же, с. 204.

После утверждения в государстве Хулагуидов и в Золотой Орде ислама как государственной религии, монгольские ханы также поддерживали суфийских шейхов и стремились заручиться их поддержкой. В Ширване монголы при Менкубут каане производили восстановительно-строительные работы при ханака. Они определяли вакфы для содержания комплекса ханака⁴⁰. Можно предположить, что подобную деятельность монголов можно было наблюдать и в соседних с Ширваном районах Дагестана, куда распространялась их власть. О поддержке монголами суфийских центров свидетельствует тот факт, что золотоордынский хан Узбек посетил ханака ширванского шейха Пир-Хусайна. Он выслушал жалобы о том, что монгольские войска ограбили последователей шейха Пир Хусайна, причем было угнано 30000 баранов, 20000 коров и ослов. Выслушав жалобы, хан Узбек возвратил похищенное имущество и освободил пленников⁴¹. Здесь интересен и тот факт, что суфийское ханака обладало значительным материальным имуществом (30000 баранов, 20000 коров), что говорит о том, что это была самодостаточная религиозная структура общества. Подобное довольно часто можно наблюдать на примере Ширвана, что отмечала и М.С. Неймат⁴².

Мы можем говорить о широкой поддержке Тимуром суфийских общин, в период его походов на Северо-Восточный Кавказ, а также о влиянии идей суфизма на самого Тимура. Характерен факт вручения Тимуром местному владельцу в селении Муги труд по мусульманскому праву, «Китаб ал-ваджиз фи фикх ал-имам аш-Шафии» ученого-суфия Абу Хамида ал-Газали. Примечательно, что будучи ханафитом, Тимур предпочел подарить местному правителю книгу по шафиитскому праву. На полях этой рукописи запись: «Достойнейший Тимурлин пребывал в селениях Дарга с многочисленными боями. Ему было подчинено все население при помощи великой силы. Он победил людей, [силой отнял] имущество, убил [много] мужчин и женщин, установил власть амиров над селениями и областями. И назначил он среди них М.ха сына

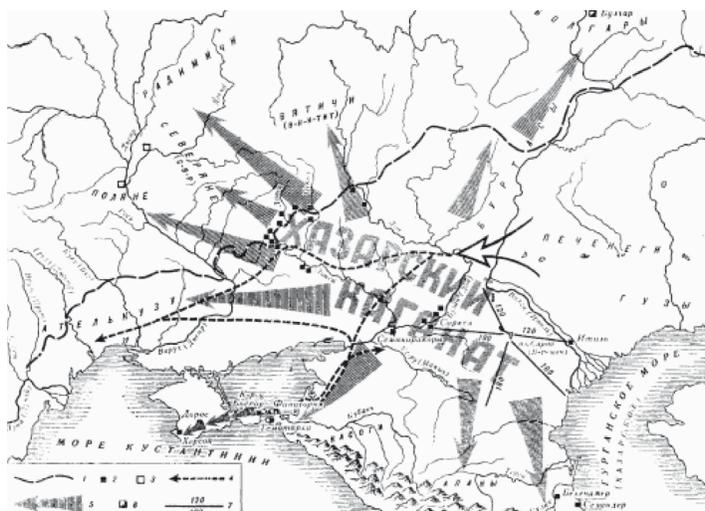
⁴⁰ Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т.1: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI - начала XX века. Баку, 1991, с.46-47.

⁴¹ Али-Заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII - XIV вв. Баку, 1956, с. 326.

⁴² Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т.1: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI - начала XX века. Баку, 1991, с.12.

Кладбище Кырхляр в Дагестане.

Карта Хазарии (по С.Плетневой)

Б.г вали над селением Муги [Тимур вручил] ему эту книгу, чтобы он руководствовался ею [при управлении] среди населения по справедливости и беспристрастию»⁴³. Являясь умелым политиком, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, Тимур сохранял самые дружественные связи с различными представителями мусульманской элиты, создавшими ему популярность в широких кругах населения, в том числе и с суфиями.

Таким образом, политика тюрков в лице сельджуков, а впоследствии и золотоордынцев, ильханов и Тимура укрепила и расширила сферы влияния ислама на Северо-Восточном Кавказе. Не закрепившись в Дагестане, тем не менее, эти государства оказали существенное влияние на усиление ряда местных мусульманских феодальных образований, которые в дальнейшем стали активными проповедниками новой религии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Бакиханов Абас-Кули-Ага. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.

Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Исторические работы. Т. I. М., 1960.

Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XII-XVIII вв. / Составление, введение, вступительная статья к текстам и примечания проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. М., 1966.

⁴³ Shikhsaidov A.R. Khalidov A.B. Manuscripts of al-Ghazali's works in Dagheslan. - Manuscripta Orientalia. Vol. 3. № 20. SPb. June 1997. p. 22; Халидов А.Б. Шихсаидов А.Р. Рукописи сочинений ал-Газали в Дагестане // Вестник ИИАЭ. № 2 (6). Махачкала, 2006, с. 45.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента в X-XI веков. М., 1963.

Пахомов Е.А. О Дербентском княжестве XII-XIII в. // Известия Аз. ГНИИ. Т. I. Вып. 2. Баку, 1930.

Тарих Дагистан Мухаммадрафи. Введение, перевод, комментарии А.Р. Шихсаидова // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв). Махачкала, 1969.

Шихсаидов А.Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239-1240) // УЗ ИИЯЛ. Т. IV. Махачкала, 1958.

Шихсаидов А.Р. Рукописи сочинений ал-Газали в Дагестане // Вестник ИИАЭ. № 2 (6). Махачкала, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Биджиев Ханафий Хаджи-Муратович (биография)	5
Основные научные труды Х.Х.Биджиева	8
О гуннах Северного Кавказа. А.А. Глашев	10
Кумыкские надгробные памятники (сын таш). И.И. Ханмурзаев	54
К вопросу об исторических сведениях о карачаево-балкарцах в древних источниках. Б.А. Глашев	68
Порядок избрания и статус сельских старшин в Карачае (1870-1917 гг.). Ш.М. Батчаев	77
Богиня Умай: эволюция религиозно-мифологических представлений у карачаево-балкарцев. А.С. Боташева.	80
Некоторые вопросы этногенеза балкарцев в научном наследии Т.Х. Кумыкова. И.И. Маремшаова	98
К истории титула Крым-Шаухал. К.М. Алиев.	110
Отражение межэтнических контактов высшего сословия Балкария и Карачая в генеалогических преданиях. М.И. Баразбиев	116
Казуальная адопция у карачаево-балкарцев. М.Д. Боташев	126
Некоторые осетино-тюркские лексические параллели (по материалам историко-этимологического словаря осетинского языка). А.Х.-А. Катчиев	143
Эпиграфика Балкарии и Карачая – как основной источник по атеистической динамике. Т.Ш. Биттирова	162
Из истории отношений кумыков с карачаевцами, балкарцами ногайцами в XVI-XX вв. Идрисов Ю.М.	172
Кумыкские феодальные владения в XVIII-нач. XIX вв.: исторический анализ проблемы. М.-П.Б. Абдусаламов	192

Описание Черкесии, Карачая и балкарии турецким путешественником Эвлия Челеби. А. Гаджаев	202
Вопросы историографии и истории народов Центрального Предкавказья. М.Д. Каракетов	208
О тюркском этническом компоненте Аланского государства. М.Дж. Мекерова	217
Палеографическая характеристика и вопросы археографии памятников тюркоязычной деловой письменности Северного Кавказа XVIII в. Г.М.-Р. Оразаев	224
Земельные отношения и народонаселение в Хасав-Юртовском округе (1916-1926 гг.). Р.Т. Джамбулатов, г. Махачкала.	236
Роль тюркского элемента в исламизации Дагестана в XI – XIV вв. Ш.Ш. Шихалиев	244

Научное издание

ТЮРКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
история, археология, этнография

Материалы научной конференции
12 апреля 2008 г

Технический редактор Л.А.-А. Батчаева
Оператор компьютерной верстки М. Н. Кумукова
Корректор О. Киселева

Издательство фонда
«Содействие развитию карачаево-балкарской молодежи
«Эльбрусойд»

